

Р.М. Тимербаев

Рассказы о былом

*Воспоминания о переговорах
по нераспространению и разоружению
и о многом другом*

Дипломатические тетради

Р.М. Тимербаев

Рассказы о былом

*Воспоминания о переговорах
по нераспространению и разоружению
и о многом другом*

РОСПЭН
Москва
2007

Тимербаев Р.М.

Т 41 Рассказы о былом. Воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 272 с.

Мемуары известного российского дипломата рассказывают о судьбоносных событиях и международных переговорах в области глобальной безопасности, в которых он принимал участие, работая в системе МИД СССР / РФ в Москве и представляя страну в ООН и других международных организациях. В основу книги легли дневниковые записи автора. Среди «персонажей» воспоминаний Чрезвычайного и Полномочного Посла Р.М. Тимербаева советские и иностранные политические деятели, представители культуры и искусства, в том числе министры иностранных дел СССР и России разных лет: А.Я. Вышинский, В.М. Молотов, А.А. Громыко, Э.А. Шеварднадзе, Е.М. Примаков, директор Герберт фон Караян и многие другие.

Книга предназначена для дипломатов, специалистов в области международных отношений, преподавателей и студентов, изучающих вопросы международной безопасности, а также широкого круга читателей, интересующихся историей дипломатии.

© ПИР-Центр, 2007

© Тимербаев Р.М., 2007

© «Российская политическая энциклопедия», 2007

Классик без игры

Февральским днем, с вполне достойным сибирским морозцем, подъезжаем на КПП закрытого административно-территориального образования — Северск. Ранее он был известен как Томск-7, и, действительно, от Томска всего в полчаса езды. Нам, сотрудникам ПИР-Центра, предстоит прочитать лекцию и встретиться с коллективом Сибирского химического комбината, расположенного в Северске. Сосредоточенный военный заглядывает в наш микроавтобус: проверка документов на пересечении границы между *открытым* и *закрытым*. Ждем. Долго ждем. И вдруг: «Товарищ, а Ваши паспортные данные с заявкой не совпадают». Сначала даже не понимаем, к кому это обращается неулыбчивый проверяющий: «Роланд Махмутович, а почему это у Вас отчество в заявке неправильное указано?». Оказывается, — это он обращается к самому старшему в нашей группе, послу Тимербаеву... К нашему Роланду Михайловичу. В самом деле, почему «Махмутович», кто это здесь «Махмутович»?

Наш Роланд Михайлович Тимербаев — всегда такой открытый, такой демократичный в поведении. И вот нам кажется, что мы все про него знаем. А выясняется, так, случайно, между делом, что не так-то уж много мы про него и знаем... видите, даже отчество правильное, и то не знаем.

И вот Роланд Михайлович приносит эту рукопись, эти «анекдоты из жизни». Читаю взахлеб: столько фактов — и про ядерное нераспространение, и про музыку, о которых он раньше никогда не писал, не рассказывал... Но вот закрываю рукопись и понимаю: Роланд Михайлович остался верен себе. Столько мельчайших подробностей о людях, которые его окружали, о событиях шести десятков лет... история России... история

международных отношений и дипломатии... а сам он все-таки не раскрывается, предпочитая свои сокровенные мысли оставлять при себе. Разве что в завершающих главках, да и то в основном через стихи своего американского знакомого Ричарда Кершмана, пунктиром указывает читателю на свои жизненные взгляды.

Посол Тимербаев — человек-пароль, то есть его имя стало своеобразным паролем в не столь уж узком кругу специалистов по нераспространению и разоружению по всему миру. (Вообще-то это называется «слава», но думаю, что Роланд Михайлович поморщится от такого определения). Скажешь: «Вам привет от Тимербаева», — и двери кабинетов распахиваются, люди приветливо улыбаются. Последнее — особенно важно: «И ему привет!». «Как там Роланд поживает?» — чуть ли не первый вопрос, который задают визитеру из Москвы, связанному с *нераспространенческим кружком*, в Стэнфорде или в Алма-Ате, в Токио или Вене, разве что ударение в слове *Роланд* кто на первый слог ставит, а кто на последний, в остальном одинаково: такой вопрос никогда не отдает дежурностью, собеседники хотят знать: *как* Роланд поживает, над чем трудится. Добрый пароль — добрая слава.

А какое удовольствие ездить с Роландом Михайловичем в командировки. Но не потому что — *патриарх нераспространения*. Не потому что — один из авторов того договора, который уже около четырех десятков лет цементирует международную безопасность. Не потому что он — ходячая энциклопедия. Как раз наоборот: потому что этому *патриарху*, этому *родоначальнику* режима ядерного нераспространения все интересно, все любопытно: и по количеству вопросов и расспросов — в музее ли Северска (куда нас, конечно же, все-таки пропустили), на улицах Владивостока он даст фору любому самому любознательному студенту. А он и есть студент: каждый день учится, узнает новое, открыт для нового, жаждет нового. Вот вам и патриарх-родоначальник.

Секрет Роланда Михайловича прост. Он не играет в классики, не изображает из себя патриарха. Ему это все очень далеко. Да и скучно. Как далеко, непонятно и неприемлемо, когда рядом с ними псевдоэксперты, тужась, жонглируют громкими именами политиков и т.п.,

к которым они якобы приближены. В этой книге вы найдете много действительно выдающихся или же просто выразительных имен. Но Роланд Михайлович предельно деликатен, говоря о своих взаимоотношениях с этими людьми. Оценки дает, то уважительные, то едкие. Но дистанцию всегда держит. Чинопочитания на дух не переносит (что вряд ли ускоряло его собственную карьеру, Впрочем, об этом он не пишет). В общем, головокружение от знакомства с *vip-персонами*, — такого вируса он счастливо избежал. Завидный иммунитет.

Но вот сам Роланд Михайлович оказался для многих источником одного серьезного вируса: *вируса нераспространения*. Очень заразительным оказался его пример. Нынешней российской школы ядерного нераспространения никогда бы не было, ни прояви в самом начале 1990-х гг. посол Тимербаев поразительного энтузиазма, да и поразительной настойчивости. Он заражал нас (тех, кого можно было бы назвать *молодыми специалистами*, если бы не честное признание того факта, что до знакомства с Тимербаевым большинство из нас *специалистами* в этой области, конечно, не были) дискуссиями о том, куда должно идти нераспространение и разоружение, увлекал — иногда в буквальном смысле слова, — ведя за руку и щедро делясь своими знаниями (и, конечно, совсем не только о нераспространении): сначала в походах на калифорнийском Биг Сюре, потом в прогулках по так хорошо ему знакомому Манхэттену (проходя мимо 67-й улицы: «А вот дом, который я покупал для СССР»), в разгар конференции по продлению того *краеугольного* договора, который он частично писал, и наконец, — в Москве, Киеве, Ташкенте... Так что это не только *российская школа*: ученики Тимербаева по всему бывшему СССР, в США, в Европе...

И добрая слава, как и легенды о нем, передаются от учеников к ученикам, и вот начинающая, но подающая большие надежды дипломат-разоруженец из Болгарии чуть ли не выпрыгивает из маленького, ползущего в гору над Монтре поезда: «Постойте, здесь же посол Тимербаев обсуждал окончательную формулу статьи III Договора о нераспространении! Непременно надо выйти, сфотографировать!»

Роланд Михайлович Тимербаев — *настоящий* учитель: доброжелательный и требовательный. Не позволяет ставить планку низко. Когда в 1994 г. на Пушкинской площади в здании «Московских новостей», я вместе с небольшим кружком товарищей и единомышленников (Вадим Козюлин, Дмитрий Евстафьев, Ильдар Ахтамзян) *клепал*, действительно, *клепал*, тогда еще очень кустарно, хотя уже и зараженный *нераспространенческим вирусом*, пилотный номер журнала «Ядерный Контроль», главным нашим «ОТК», самым строгим судьей был посол Тимербаев. Вспоминаю, с каким трепетом мы направляли ему гранки... Ведь мы знали, с какой высочайшей требовательностью он подходит к собственным текстам: педантично вычитывает, выверяет, не допуская и не пропуская ни сбившейся сноски, ни опечатки. Он и ученый, он и корректор. Как бы сделать так, чтобы каждый начинающий ученый перенял у Роланда Михайловича хотя бы частичку такой скрупулезности и требовательности к себе, умения работать с архивными документами, культуры работы с текстами, умения слушать собеседника.

Таков и этот текст — избранные *анекдоты из жизни*. Выверенный, вычищенный автором до блеска. Вообще-то равнодушный к поздравлениям, словословиям и подаркам, Роланд Михайлович — так вот выходит — сам себе сделал этот подарок к 80-летию, написав и подготовив к печати эту книгу. А нам, пировцам, ученикам, остается только не испортить ее банальностью подарочной упаковки, совершенно здесь неуместной.

Владимир Орлов

Предисловие

Мои друзья и приятели не раз просили меня заняться написанием воспоминаний о прожитых годах и особенно об участии в рассмотрении проблем ядерного нераспространения и разоружения, очевидцем и участником которых мне довелось быть, да я все отнекивался. Во-первых, неизменно отвечал я на эти предложения, они вряд ли будут представлять интерес для возможных читателей, поскольку, хотя я и был свидетелем многих судьбоносных событий и международных переговоров моего времени, но достаточно высоких постов не занимал и потому с крупными политическими фигурами того времени общался мало, а если и общался, то только эпизодически; во-вторых, память столь несовершенный инструмент, что многое уже стерлось из того, что я видел или пережил, и поэтому неизбежны неточности и даже, возможно, значительные ошибки, ведь любые мемуары, увы, грешат ими (впрочем, в последнее время, освободившись от многих повседневных обязанностей, я занялся поиском своих дневниковых записей и кое-какие мне удалось найти); и, в-третьих, по натуре и жизненному опыту я больше склонен к научным исследованиям, основывающимся на документах и твердо проверенных фактах, хотя и здесь случаются погрешности, а иногда, может быть, даже и большие.

Но вот некоторое время тому назад, рассказав одному хорошему приятелю *анекдот* из моей жизни и выслушав от него — в который раз — предложение заняться воспоминаниями, я, наконец, уступил и взялся за перо, то бишь сел за компьютер. Слово *анекдот* я употребляю в его исконном смысле, то есть не в качестве какой-нибудь придуманной мною или кем-либо еще байки, а пользуясь определением Владимира Даля, как «короткій по содержанию и сжатый в изложении рассказ о за-

мъчательномъ или забавномъ случаѣ», то есть рассказ из реальной жизни. Именно в этом смысле часто употребляли понятие анекдот в прошлом, например, Ф.М. Достоевский или А.И. Герцен.

Анекдоты мои главным образом будут не обо мне самом, но неизбежно своим участием в описываемых событиях я буду создавать какой-то фон и фигурировать в рассказах постольку, поскольку я был очевидцем, свидетелем того или иного случая с кем-либо из значительных или интересных людей, случая, который заслуживает, с моей точки зрения, быть запечатленным. Те события и эпизоды, которые найдут отражение в моих записях, не будут расставлены в хронологическом или каком-либо ином порядке, а будут излагаться по мере того, как они всплывают в моей памяти. Ведь мы не вольны распоряжаться тем, как возникают воспоминания, обычно это происходит неожиданно, спонтанно. Но в целом из клочков или кирпичиков складывается мозаика, дающая общее представление о пульсе прожитой эпохи. Главное, что движет мной, — это желание оставить для потомства мое представление о сути и духе того века, в котором мне довелось жить, и о многих событиях, пережитых мной в то время, то есть во второй половине XX столетия. И начну я как раз с того случая в моей жизни, который припомнился мне в упомянутом разговоре с моим добрым приятелем.

Не исключено и даже вполне возможно, что нижеописанные рассказы из моей жизни могут содержать ошибки или неточности, но Господь, надеюсь, будет милостив, поскольку возможные недостатки или иные упущения отнюдь не будут намеренными, а явятся лишь следствием человеческой слабости. Я буду говорить правду так, как она мне виделась, но человеку свойственно ошибаться, да ведь любая правда, как ее видит и оценивает тот или иной человек, так или иначе субъективна. У читателей, может быть, сложилось иное представление о том или ином факте, описываемом мною. Надеюсь все же, что мои рассказы помогут будущему читателю лучше разглядеть и понять ту непростую эпоху, в которой жили мое поколение и я вместе с ним.

Практически всю свою профессиональную жизнь я занимался вопросами международной безопасности и

деятельности международных организаций, и, в особенности, проблемами контроля над вооружениями и нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Работая в системе МИД СССР/РФ в Москве и в загранучреждениях, я представлял страну в ООН и других международных организациях (в частности, в Международном агентстве по атомной энергии), а также участвовал в двусторонних (главным образом с Соединенными Штатами) или многосторонних переговорах в сфере контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения. В том числе принимал участие в переговорах в 1966—1968 гг. по заключению Договора о нераспространении ядерного оружия. В последние же годы занимался в основном научно-преподавательской и публицистической деятельностью — опять же в области международной безопасности, ядерного нераспространения и разоружения.

Но в своих воспоминаниях я буду касаться и многих других событий, свидетелем которых я был, потому что моя главная цель все же состоит в том, чтобы познакомить читателей с моим видением той многоликой и сложной эпохи, в которой я жил. Итак, я начинаю свои рассказы из жизни.

* * *

Автор выражает глубокую признательность Н.В. Перфильеву и А.В. Хлопкову, а также А.И. Зобову за бесценную помощь в подготовке книги.

Архитектура и дипломатия

В начале 60-х гг. истекшего столетия я заинтересовался стилем *модерн*, который был столь популярен в самых различных видах искусства и дизайна, включая и архитектуру, в конце XIX — начале XX в. Интерес этот возник у меня, скорее всего, под влиянием прочитанной тогда книги Камиллы Грей «Великий эксперимент: русское искусство. 1863—1922». Книга эта была издана в 1962 г.¹ Но не только благодаря этому. Меня и раньше очень привлекали архитектурные изыски того периода, которые разбросаны по многим улицам и переулкам Москвы, да и других городов России и мира, в частности Парижа, Праги, Вены, Риги.

В Москве наибольший интерес вызывало у меня здание в Кропоткинском переулке, где теперь размещено посольство Австралии, а до того находилось посольство Китая. Еще в студенческие годы мне приходилось часто проходить мимо него, поскольку Факультет международных отношений МГУ (предшественник МГИМО), куда я поступил осенью 1944 г., находился в течение некоторого времени почти что напротив этого здания. Тогда это было, конечно, посольство гоминьдановского Китая, а в 1949 г. в нем разместились дипломаты КНР. Читатель уже, видимо, догадался, что речь идет о здании, построенном по проекту, пожалуй, самого яркого архитектора, работавшего в стиле *модерн*, — Федора Осиповича Шехтеля.

Но суть этого *анекдота* состоит в том, что, работая в Нью-Йорке в советском представительстве при ООН в конце 1950 — начале 1960-х гг., мне довольно часто приходилось иметь дело с австралийскими представителями, включая посла сэра Джеймса Плимсола. Австралия, располагающая огромными урановыми месторождениями — самыми крупными в мире, в течение долгих лет неизменно интересовалась и интересуется проблемами контроля над ядерными вооружениями, а когда-то даже подумывала о создании собственного атомного оружия.

¹ Gray Camilla. The Great Experiment: Russian Art 1863—1922. L.: Harry N. Abrams, Inc. New York, 1962.

И неслучайно в 1995 г. по инициативе и при поддержке австралийского правительства была образована весьма авторитетная независимая Канберрская Комиссия по уничтожению ядерного оружия (The Canberra Commission on the Elimination of Nuclear Weapons), которая в 1996 г. подготовила солидный и по сей день вполне актуальный доклад в пользу ядерного разоружения.

Когда посол Плимсол получил назначение в Москву (а занимал он этот пост с 1974 по 1977 г.), то наши контакты возобновились, и я стал довольно часто бывать в его посольстве, а он заходить в мой кабинет в МИД для бесед по практическим вопросам, связанным с обсуждением в ООН проблем разоружения, прежде всего ядерного. И, разумеется, помимо деловых разговоров, мы много говорили и о Шехтеле. Помнится, я рассказал послу, что здание посольства, известное как особняк Дерожинской, было сооружено в том же 1901 г., что и здание ЦК КПСС на Старой площади, которое было построено для Московского страхового общества и называлось «Боярский двор» (сейчас в нем размещается Администрация Президента РФ). При этом Шехтель использовал для отделки обоих зданий один и тот же облицовочный кирпич салатного цвета. Кажется, сэру Джеймсу это было приятно услышать.

Мне очень повезло, что я познакомился не только с представительскими помещениями посольства — прежде всего с великолепным парадным залом высотой в 11 метров, но и с некоторыми внутренними покоем, включая и ту комнату, где в начале 1950 г. в течение двух месяцев жил Мао Цзедун, дожидаясь приема у Сталина. Посол рассказал, что китайцы много переделали в первоначальном дизайне, кое-что изуродовав. Австралийскому посольству для восстановления пришлось вызывать специалистов по внутреннему интерьеру из Лондона и с большим трудом более или менее воссоздать изначальный облик. (Видимо, к нашим реставраторам было решено не обращаться по соображениям безопасности). Посол показал мне даже изумительную по дизайну ванную комнату, отделанную мрамором, которая была выполнена по рисункам Федора Шехтеля.

И вот в посольстве в период пребывания Плимсола случился пожар, в результате которого выгорела шифровальная комната, расположенная на втором или третьем

этаже задней части здания, которая, видимо, первоначально предназначалась архитектором для прислуги. Пожар был потушен силами сотрудников посольства, но о нем, разумеется, стало известно. Через день-два посол пригласил меня к себе как бы для разговора по какому-то политическому вопросу, представляющему взаимный интерес, но, как оказалось на самом деле, для того, чтобы показать, что основные помещения, являющиеся общепризнанным архитектурным шедевром, находящимся под охраной государства, огнем затронуты не были. Посол провел меня по этим помещениям, чтобы я убедился в том, что они остались в целостности и невредимости. С некоторого расстояния видел я и затронутую пожаром шифровальную комнату. Очевидно, посол хотел, чтобы я сообщил об увиденном мною соответствующим инстанциям, что я, конечно, и сделал.

Многолетний министр — многолетние контакты

О моих контактах с многолетним министром иностранных дел Советского Союза А.А. Громыко. Я знал Андрея Андреевича и работал под его началом с перерывами около 36 лет. В 1952 г. мне, совсем еще молодому сотруднику советского представительства при ООН, было поручено быть личным помощником Громыко, когда он приехал в Нью-Йорк из Лондона, где работал послом, чтобы возглавить нашу делегацию на VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН после отъезда в Москву на XIX съезд КПСС министра иностранных дел А.Я. Вышинского.

Как положено, я сопровождал Громыко на заседания, готовил для него проекты выступлений, справки, исполнял протокольные поручения и т.п. Делегация жила и работала на вилле представительства СССР при ООН в Гленкове, примерно в 50 км от Нью-Йорка. Осень выдалась на редкость душной и влажной. Андрей Андреевич обычно был в костюме-тройке, непременно в шляпе (ходила ироническая, но вполне дружеская шутка, что он и родился в шляпе) и требовал, чтобы все окна в лимузине, в котором мы выезжали в Гленков и обратно, были наглухо закрыты. Кондиционера в авто-

мобиле не было. Можно себе представить, в какой духоте приходилось ездить. Сидел я, разумеется, рядом с шофером, а Громыко — на заднем сидении длинного лимузина.

По возвращении в Гленков после заседаний в ООН я старался побыстрее выполнить все поручения Андрея Андреевича и вернуться поездом (автомобиля у меня не было) в город к жене, которая находилась тогда в *интересном* положении. Когда же ей подошло время рожать, я попросил у Громыко разрешения (с постоянным представителем при ООН В.А. Зориным у меня договоренность уже была) отпустить меня в Нью-Йорк, чтобы иметь возможность вовремя отвезти ее в роддом. Андрей Андреевич сделал недовольный, как мне показалось, вид, но согласие дал.

Я думал, что Громыко затаил на меня *некоторое хамство* (как сказал бы любимый мною М.М. Зощенко), но прошло немного времени, он вернулся в Москву на должность первого заместителя министра, а я — третьего секретаря Отдела по делам ООН и вскоре мною было получено предложение перейти к нему в секретариат, причем даже с повышением по должности. Однако *помощническая* работа меня никак не устраивала, к тому времени я уже стал увлекаться проблематикой международных организаций и ограничения вооружений и разоружения, которая входила в круг моих обязанностей, и от лестного, по мнению многих, предложения, открывавшего прямой путь к большой карьере, отказался. И ничуть не жалею.

Не знаю, по той ли причине или по какой-либо другой, но я никогда не входил в окружение министра. Видимо, он считал меня профессионалом в своей области, поскольку меня довольно часто вызывали к нему. Но не более того.

В последний раз я видел А.А. Громыко в самом начале 1988 г., когда он был председателем Президиума Верховного Совета СССР и в его обязанности входило подписание верительных грамот или полномочий, выдаваемых послам. Я тогда получил назначение на пост постоянного представителя при международных организациях в Вене. Он принял меня в своем кабинете в Кремле вполне неформально в теплой и, как мне пока-

залось, чуть ли не домашней кофте, и мы проговорили часа полтора, вспоминая былое, вместо положенных 20 минут, установленных его старшим помощником Василием Макаровым, которого за его крутой нрав и грубые выходки за глаза называли *Василием Темным*.

Историческая подпись

Особо значительную роль А.А. Громыко сыграл на переговорах по Договору о нераспространении ядерного оружия. Эти переговоры начались с его встреч в Вашингтоне и Нью-Йорке в сентябре—октябре 1966 г. с государственным секретарем США Дином Раском и президентом Линдоном Джонсоном¹. Как свидетельствует в своих мемуарах сын Громыко Анатолий, его отец считал, что «после подписания в Сан-Франциско Устава ООН это была моя вторая по значению подпись под историческим документом».

В ходе встреч с Раском, который, по признанию самих американцев, на первых порах не был сторонником заключения договора о нераспространении, Громыко упорно, в течение ряда лет, добивался разблокирования одной из самых трудных проблем договора. США и ФРГ стремились тогда создать многосторонние ядерные силы НАТО (МЯС), посредством которых Западная Германия добивалась получения доступа к *ядерному курку*. Советский же Союз против этого категорически возражал. Только в 1966 г. США отказались от планов МЯС (во многом благодаря отрицательному отношению к ним не только Советского Союза, но и Великобритании, Франции и некоторых других стран НАТО), и после этого стало возможным приступить к согласованию текста договора о нераспространении, который запрещал бы передачу ядерного оружия и контроля над ним «кому бы то ни было» (то есть в том числе и военным группировкам), как записано в тексте договора. Эта краеугольная формулировка была согласована непосредственно между Громыко и Раском.

¹ Подробнее об этом можно прочесть в книге: Тимербаев Р. М. Россия и ядерное нераспространение. 1945—1968. М.: Наука, 1999. С. 254—255.

В ходе последующих переговоров по договору Громыко, как я лично могу засвидетельствовать, внимательно следил за сообщениями из Женевы, где разрабатывался текст договора, и практически почти ни разу не поправлял нашу делегацию, доверяясь тем, кому было поручено вести переговоры. Более того, он поощрял инициативные предложения нашей делегации, которую возглавлял посол А.А. Рошин.

Чуть не поймали

Своеобразно проходили многосторонние переговоры относительно Договора о нераспространении ядерного оружия в Комитете восемнадцати государств по разоружению в 1967 и начале 1968 г. в Женеве. Комитет имел оригинальный состав и необычную процедуру. В него входили по пять представителей от блоков — НАТО и Варшавского договора и восемь представителей от неприсоединившихся и нейтральных государств (которых ради сокращения называли Н+Н). Сопредседателями были представители СССР и США — Уильям Фостер и А.А. Рошин. На сопредседателей возлагалась обязанность предварительно согласовывать между собой то или иное положение договора и затем официально представлять его на суд всего комитета. Члены комитета могли принять предложение, отклонить его или внести изменения. Но окончательное решение должно было приниматься с общего согласия, или, говоря языком процедуры, на основе консенсуса.

Переговоры между двумя державами проходили туго, ведь каждая из них имела собственное видение того или иного вопроса, да еще приходилось проводить внутреннее согласование с союзниками по блокам. Бывало так, что комитет неделями, а то и месяцами дождался предложений от сопредседателей, и в такой обстановке представители Н+Н, естественно, всеми силами стремились как можно раньше узнать, как идет согласование того или иного положения договора, а по возможности, даже повлиять на ход этого согласования в своих интересах. Нельзя ведь не учитывать, что договор с самого начала замыслился как соглашение между государствами, обладающими ядерным оружием, и всеми остальными

странами, которые взяли бы на себя обязательство не иметь такое оружие, да к тому же поставить себя под обязательный международный контроль — то есть как соглашение заведомо неравноправное. Сопредседателям в этой обстановке приходилось прибегать к разным ухищрениям, чтобы обеспечить необходимую тайну встреч, что было не так-то просто сделать в таком сравнительно небольшом городе, как Женева.

Практически переговоры проходили на уровне вторых и третьих лиц из состава обеих делегаций, которые в интересах конспирации то устраивали катание на яхтах по Женевскому озеру, то уезжали в горы и совершали пешие прогулки по альпийским лугам. Но некоторые представители Н+Н все же выслеживали нас. Помнится, как во время одного из ответственных периодов на переговорах представитель одного из неприсоединившихся государств обнаружил нас в каком-то маленьком швейцарском городке, что привело и американцев (Джорджа Банна и Калвера Глайстина), и нас (меня и В.В. Шустова) в немалое смущение. Мы постарались как можно скорее скрыться, дабы не сталкиваться лицом к лицу с этим представителем, так как нам пришлось бы вступить с ним в разговор (все мы друг друга прекрасно знали), что в тот период было бы крайне нежелательным. Такой нетрадиционный метод переговоров на деле оказался довольно эффективным и в определенной мере способствовал заключению договора, который, как известно, был подписан в 1968 г.

Уже на более позднем этапе, летом 1982 г., в той же Швейцарии во время переговоров по договору о ракетах средней и меньшей дальности состоялась широко известная и описанная в открытой печати и в литературе *прогулка в лесу (walk in the woods)* руководителей делегаций СССР и США Ю.А. Квицинского и Поля Нитце, в ходе которой обсуждался один возможный вариант договора, но безуспешно. Договор этот был заключен лишь пять лет спустя — в 1987 г.

Шелковая нить

Придавая первостепенное значение неустанному поддержанию эффективности международного режима ядер-

ного нераспространения, Громько в начале 1980-х гг., когда температура напряженности в советско-американских отношениях достигала высшей отметки, поддержал создание механизма регулярных (каждые шесть месяцев) консультаций между двумя странами по самому широкому спектру вопросов нераспространения. И они проходили весьма продуктивно, с пользой для обеих сторон. Припоминаю, что уже тогда (на встрече в Хельсинки, в 1982 или 1983 г.) стороны обсуждали ядерную проблему на Корейском полуострове. Американцы даже показывали нам схему (не карту) размещения в КНДР ядерных объектов, вызывающих у них подозрения. По прибытии в Москву мы познакомили с полученными данными наши соответствующие службы, и они подтвердили наличие у северных корейцев строящихся ядерных объектов.

А.А. как-то сказал в тот период, что нераспространение — это «единственная шелковая нить», которая связывала в тот период обе державы. Думаю, что Громько, судя по всему, лучше, чем кто-либо другой из руководства страны, даже в тех крайне сложных условиях международной жизни, понимал необходимость взаимодействия с США для сохранения определенного уровня в отношениях между двумя странами и поддержания международной стабильности, особенно в вопросах сохранения режима ядерного нераспространения.

Про Андрюшу и про солонку

А теперь *анекдот* (на этот раз в смысле: забавный случай), который весьма характерен для А.А. Громько. Его очевидец, мой добрый приятель Андрей В., рассказывал:

«В середине 1970-х гг. в Москве с официальным визитом находился министр иностранных дел лейбористского правительства Великобритании Джон Браун. А.А. пригласил его на обед к себе домой. Поскольку оба министра были с женами, то на тот случай, если мужчины пожелают провести отдельный разговор между собой, на обеде были два переводчика — Андрей В. и Татьяна С.

Дж. Браун был, как говорится, не дурак выпить, и после нескольких рюмок предложил А.А. перейти на *ты* (но поскольку в английском языке такое обращение практически не употребляется, это означало обращаться друг к другу по имени)». Можно я буду называть вас Андреем? — спросил Браун.

Громыко, как известно всем, кто его близко знал, на публике был человеком достаточно протокольным и даже чопорным, именно так, очевидно, понимая свое положение как министра. На предложение Брауна Громыко поэтому ответил: «Нет, но можно называть меня Андрей Андреевич. Браун попытался произнести отчество А.А., но у него это никак не получалось».

Через некоторое время и еще после нескольких рюмок Браун спрашивает Лидию Дмитриевну, жену Громыко:

— Мадам Громыко, как вы обращаетесь к своему мужу?

— Андрюша, — ответила она просто.

— Господин Громыко, уже более настойчиво спросил Браун, могу ли я обращаться к вам — Андрюша?

— Нет, — ответил А.А., — зовите меня Андрей Андреевич.

Обед продолжался, шел оживленный разговор. В какой-то момент Татьяна С. обращается к Андрею В.:

— Андрюша, передай мне соль. — И тут Громыко, услышав свое домашнее имя, автоматически берет солонку и протягивает ее Татьяне.

Как ПРО начиналась

Кирилл Васильевич Новиков, заведующий Отделом международных организаций МИД СССР с 1964 г. вплоть до своей отставки в 1973 г., был учителем и патроном целого поколения молодых дипломатов. Он был в высшей степени профессионалом, глубоко, нестандартно и — главное — не идеологически понимал государственные интересы страны и отлично умел их защищать. Был он прирожденным наставником, что позволило ему успешно прививать эти свои качества многим из нашего поколения молодых дипломатов.

Кирилл Васильевич одним из первых в МИД всерьез заинтересовался проблемой ограничения систем противоракетной обороны (ПРО), полностью сознавая, что практически нереально разработать и создать эффективную территориальную и даже более ограниченную систему противоракетной обороны и попытки развернуть ее могут только подтолкнуть другую сторону к новому витку наступательных стратегических вооружений в целях преодоления такой системы. Советский Союз первым осуществил перехват баллистической ракеты еще в 1961 г., и вокруг Москвы начиналось строительство первого района противоракетной обороны А-35, которую американцы потом окрестили «Галошей». Позиция Советского руководства была до наивности простой: оборона — благо, нападение — вред. А в США уже создавались межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), которые могли бы легко преодолеть нашу ПРО. Нечего и говорить, что создание ПРО повлекло бы за собой многомиллиардные и при этом бесперспективные затраты. Сами США осуществили первый перехват ракеты гораздо позднее и стали создавать систему защиты МБР в районе Гранд Форкс (шт. Северная Дакота), но потом, поняв бесполезность этого проекта, отказались от него. Не стали они создавать и территориальную систему противоракетной обороны *Сэйфгард*.

Примерно с начала 1964 г. влиятельные представители администрации США начали делать *заходы* к ответственным советским представителям с предложением договориться об обоюдном отказе от создания ПРО. Очевидно, первым таким обращением была беседа Уильяма (Билла) Фостера, директора Агентства по контролю над ограничением вооружений и разоружению (АКВР) и его близкого друга министра обороны Роберта (Боба) Макнамары, с послом СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным 16 января 1964 г.¹ В Москву поступали сообщения и об обращениях к заместителю министра

¹ Dobrynin Anatoly. In *Confidence*. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. N.Y.: Times Books. Random House, 1995. P. 149.

иностранных дел В.А. Зорину, и к видным советским ученым, участникам Пагуошского движения, и к другим официальным и неофициальным лицам.

Новиков дал мне поручение тщательно собирать все эти сообщения с обращениями к нам, и со временем у меня образовалась *критическая масса* таких обращений. Как мне помнится, очевидно, в конце 1965 или начале 1966 г. Кирилл Васильевич, уходя в отпуск, дал мне указание при удобном случае доложить министру и просить его внести в Политбюро предложение поручить соответствующим ведомствам основательно разобраться во всей этой проблеме и выработать позицию по ПРО для использования в наших внешнеполитических действиях. Громыко, мгновенно уловив суть проблемы, дал указание подготовить *порученческую* записку в ЦК, которую я и принес ему буквально на следующий день. Он тут же подписал ее, но из приложенного к ней проекта постановления Политбюро вычеркнул своим привычным тупым синим карандашом слова «в трехмесячный срок» (то есть постановление ЦК не должно было устанавливать срок выполнения поручения) и сказал: «... быстро перепечатайте проект постановления и направляйте по адресу».

А потом началась *катавасия*. Спустя некоторое время мне позвонил по правительственному телефону (по так называемой *вертушке*) председатель Научно-технического совета Военно-промышленной комиссии Совмина СССР и один из главных идеологов советской ПРО академик Александр Николаевич Шукин и пригласил к себе в Кремль. Я был у него несколько раз, и каждый раз он не без язвительности поучал меня, пользуясь при этом большой разницей в возрасте, — как же можно запрещать оборону?

Но Добрынину 18 марта 1966 г. все же пошло указание провести первый зондаж о возможности договоренности об ограничении ПРО, но непременно *в одном пакете* с ограничением наступательных стратегических вооружений. Посол встретился с Фостером, но тот реагировал тогда на пакетное решение этой проблемы без энтузиазма¹.

¹ Ibid. P. 150—151.

Советское руководство продолжало публично выступать против введения ограничений на ПРО, в том числе и в ходе известной встречи А.Н. Косыгина с президентом Линдоном Джонсоном и министром обороны Робертом Макнамарой в Глассборо (шт. Нью-Джерси) в июне 1967 г.

И только перед открытием ДНЯО для подписания 1 июля 1968 г. между Джонсоном и Косыгиным по инициативе американской стороны состоялся обмен посланиями, в ходе которого было согласовано, что в день подписания договора будет объявлено о том, что между двумя сторонами достигнута договоренность «вступить в ближайшее время в переговоры относительно *комплексного* (курсив мой. — *P.T.*) ограничения и сокращения как систем доставки наступательного стратегического ядерного оружия, так и систем обороны против баллистических ракет». Однако из-за политических разногласий (в частности, ввода войск Варшавского договора в Чехословакию) переговоры начались только в конце 1969 г. и привели к заключению Договора по ПРО и Временного соглашения по стратегическим наступательным вооружениям в мае 1972 г.

Вклад ученых

Хотелось бы напомнить также о том, что, как мне было хорошо известно, важную роль в формировании советской позиции по ПРО сыграли выдающиеся советские ученые — участники Пагуошского движения, в частности академики М.Д. Миллионщиков и Л.А. Арцимович. В своих воспоминаниях об академике Миллионщикове, написанных в 2001 г., очевидец и участник обсуждений этой проблемы крупный американский ученый Пол Доти свидетельствует:

«[М]ы организовали в 1965 г. совместную группу, получившую название “Советско-американская исследовательская группа по разоружению и контролю над вооружениями”, сопредседателями которой стали М. Д. Миллионщиков и я. Являясь частью Пагуошского движения, эта группа существовала независимо, при спонсорской поддержке Академии наук СССР и Американской академии искусств и наук. Встречи груп-

пы происходили ежегодно, но после смерти М.Д. Миллионщикова в 1973 г. она потеряла свой “потенциал” и в 1975 г. по моей инициативе была ликвидирована.

При Миллионщикове (1965—1973 гг.) группа стала площадкой для детального обсуждения текущих проблем контроля над вооружениями, таких как подготовка первого Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) и Договора по противоракетной обороне (ПРО) 1972 г., а также путей уничтожения в будущем арсеналов ядерного оружия. Советско-американская группа рассмотрела множество вариантов сокращения вооружений, которые быстро находили свое практическое применение. Наиболее значительным результатом было достижение взаимопонимания о необходимости заключения Договора по ПРО, что было официально доложено нашим правительствам. Концепция создания системы противоракетной обороны могла сильно дестабилизировать ядерный баланс сил путем увеличения количества запасов ядерного оружия. Однако в 1967 г. Р. Макнамара не смог убедить в этом А.Н. Косыгина. Но во время обсуждения на Советско-американской группе М.Д. Миллионщиков и Л.А. Арцимович осознали необходимость заключения подобного соглашения. В 1968 г. мы узнали, что официальная позиция Советского Союза пересмотрена и появилась возможность начать работу по подготовке Договора по противоракетной обороне. Позже некоторые участники переговоров по ПРО говорили, что дискуссии в рамках Советско-американской группы были крайне необходимы для заключения договора»¹.

Как меня увольняли из МИД

А вот *случай* из моей личной судьбы, но показательный для всей тогдашней эпохи. Я говорю *случай*, но он мог бы обернуться большим поворотом в жизни, если

¹ Из личного архива внука акад. Миллионщикова М.А. Лебедева, ответственного секретаря Российского Пагуошского комитета, которому выражается глубокая признательность за предоставленный материал. Перевод выполнен Лебедевым. В исследовательской группе участвовали с советской стороны Г.А. Арбатов, А.М. Прохоров, А.П. Виноградов, В.С. Емельянов, Н.Н. Иноземцев, Е.М. Примakov, с американской — Ф. Лонг, В. Пановски, Дж. Радженс, Дж. Руина, С. Вэнс и др.

бы наш *великий вождь и мучитель* не ушел вовремя в мир иной. Хочу подчеркнуть, что изменяю своему правилу не писать о самом себе только потому, что данный случай чрезвычайно характерен для того времени, в котором мы жили.

В самом начале моей службы в МИД я был направлен на работу в советское представительство при ООН, в котором без отпуска проработал почти три года (1950—1953) на самой низкой ступени служебной лестницы. В Нью-Йорке в ноябре 1952 г. родился мой сын. Я не раз просился в отпуск, но безуспешно. И вдруг в конце февраля 1953 г. меня вызвал к себе некий старший сотрудник (по всем признакам офицер по внутренней безопасности) и сообщил, что моя просьба об отпуске удовлетворена и что мне нужно не спеша собраться и тронуться в путь в Москву. Я, конечно, обрадовался, но потом подумал, что ехать на перекладных в такое время года с трех с половиной месячным ребенком на руках будет не так то просто. Ведь добираться нужно будет теплоходом до Гавра, затем поездом до Парижа, потом также железной дорогой до Праги и, наконец, еще одним поездом до Москвы, что занимает около двух недель. Но тем не менее мы с женой действительно были очень рады и стали собираться в путь.

И тут неожиданно приходит известие, что Сталин заболел и вскоре умер (5 марта). Вместе со всем советским народом в нашем представительстве при ООН тяжело переживали внезапно нахлынувшее горе. Но вскоре мы тронулись в путь, запасшись необходимым количеством пеленок и другим скарбом, а также неизменными подарками для наших родных. Приехав в Москву, я оформил себе длительный отпуск и поехал отдыхать на пару недель в подмосковный пансионат МИД. А по возвращении зашел в отдел кадров МИД поинтересоваться, как мне планировать дальнейшие мои дела. И тут, как гром среди ясного неба, мне объявляют без каких-либо пояснений, что меня сокращают из МИД и мне нужно искать новое место работы либо в ТАСС, издательстве «Прогресс», занимавшемся под руководством агитпропа ЦК КПСС переводом на разные языки пропагандистской литературы, или где-либо еще.

Я решил не сдаваться и по совету родственников написал письмо министру В.М. Молотову с просьбой разобратся в моем вопросе, причем мне удалось с помощью знакомых добиться, чтобы письмо дошло до него, хотя я не уверен, что министр лично читал его. В течение довольно длительного времени никто меня не беспокоил, но вдруг мне, к огромному моему удивлению, сообщают, что мой отпуск слишком затянулся и мне пора возвращаться в Нью-Йорк на прежнее место работы. Однако тут я заартачился и попросил оставить меня в центральном аппарате МИД, и через некоторое время мне разрешили выйти на работу в тот же отдел, где работал до заграникомандировки, — в Отдел по делам ООН.

В чем же была причина столь непонятного тогда для меня поворота событий? Об этом я узнал лишь спустя несколько лет (кажется, в 1955 или 1956 г.), когда меня стали оформлять в очередную заграникомандировку — на этот раз краткую. Меня вызвали в Комиссию по выездам при ЦК КПСС и в ходе беседы показали выписку из протокола допроса моего однокашника Николая (Ники) Яковлева, сына маршала артиллерии Н.Д. Яковлева. Маршал был арестован, видимо, по приказу Сталина или Берии, по ложному доносу или по какой-либо другой причине, в 1952 г., а вскоре посадили и его сына, который работал в МИД, и нескольких друзей сына — студентов-однокашников Ники, учившихся, как и я, в одной с ним языковой группе. В выписке размером в один абзац говорилось, что, как показал Яковлев во время допроса, Тимербаев распространял среди своих однокурсников «секретные данные» о числе погибших во время Ашхабадского землетрясения 1948 г., при этом называл и конкретную цифру — 50 тыс. человек. Мне тут же стало ясно, что эти *показания* были выбиты из Ники под обычным для тех времен *давлением*.

Действительно, я знал кое-что об этом землетрясении, потому что моя мать, Зоя Юрьевна, работала тогда инструктором Отдела школ ЦК КПСС и курировала народное образование в том числе и в Туркмении. В этот злополучный день проходило заседание Бюро ЦК Туркмении, на котором обсуждались проблемы школьного образования в республике. Участники затянувшегося

далеко за полночь заседания после его окончания спустились вниз к автомашинам, чтобы разъехаться по домам и гостиницам, что их и спасло, потому что именно в этот момент (в 01.12 мин. в ночь с 6 на 7 октября 1948 г.) грянуло опустошительное землетрясение, в результате которого почти весь город был практически стерт с лица земли. Сколько погибло людей никто ни тогда, ни сейчас не знает. Я был в Ашхабаде в конце 1990-х гг., посетил и мемориал в память о разрушительном землетрясении, но на мои вопросы сотрудники мемориального музея отвечали, что точные цифры погибших и до сих пор не установлены, но считается, что в Ашхабаде и в его окрестностях общее число жертв составило не менее 160 тыс. человек, а, может быть, и намного больше, иными словами пострадавших людей было столько же, сколько во время опустошительного цунами зимой 2004 г. в Юго-Восточной Азии.

Я встретил как-то Нику Яковлева на улице и в разговоре сказал, что никаких претензий к нему у меня, разумеется, нет. Он ничего не ответил, очевидно, не желая возвращаться к печальным временам нашей молодости. Больше до его смерти я его не видел, но знал, что судьба его сложилась тяжело.

Монгольский псевдоним

В 1970-х гг. А.А. Громыко ввел в практику поездки работников МИД по различным странам для того, чтобы заручиться их поддержкой для часто выдвигаемых советских инициатив по проблемам международной политики. А в том, что касается социалистических стран, — для согласования этих инициатив с ними, хотя на деле такое *согласование* тоже выливалось в простое информирование, поскольку руководство этих стран редко выражало несогласие или предлагало какие-нибудь свои идеи или поправки к нашим предложениям.

Мне тоже часто приходилось выезжать с такой миссией, причем обычно сразу в несколько стран. Как-то я был послан в Монголию и перед отъездом меня вызвал наш министр и дал личное поручение встретиться с вновь назначенным министром иностранных дел МНР Ринчином (который до своего назначения был секретарем

рем тамошнего ЦК партии по сельскому хозяйству и никогда непосредственно не занимался международными делами) и при встрече по возможности основательно просветить его по основным вопросам внешней политики Советского Союза. Выполнив все поручения, я по просьбе Ринчина также выступил с лекцией перед коллективом монгольского МИД.

Эта поездка имела прелюбопытное последствие. О ней Улан-Батор информировал свое представительство в Женеве, которое возглавлял мой старый знакомый, выпускник МГИМО и в прошлом министр иностранных дел Дугерсурен. В это время в Женеве проходила очередная сессия Конференции по разоружению, в которой в составе советской делегации принимал участие и мой друг Владимир Шустов. И поскольку моя миссия в Монголию была конфиденциальной, Дугерсурен *под секретом* сообщил моему другу, что в его столицу приезжал некто Железнов. Владимир сразу же понял, что речь идет обо мне, потому что на тюркских языках *тимер* означает *железо*. Ведь имя широко известного средневекового завоевателя Тамерлана происходит от того, что когда он потерял в боях ногу, ему сделали железный протез. Мой друг, разумеется, информировал меня о разговоре с Дугерсуреном.

А дальше произошло вот что. Через некоторое время я написал для «Правды» статью об очередной советской внешнеполитической инициативе под моим обычным псевдонимом Р. Михайлов и уехал в краткосрочный отпуск в подмосковную Дубну. И вдруг в моем гостиничном номере раздается телефонный звонок от Сергея Вишневого из редакции «Правды» с просьбой срочно придумать новый псевдоним, так как на той же странице газеты идет статья крупного партийного деятеля Болгарии Михайлова и неудобно (непонятно, правда, почему) публиковать статьи одну под другой под одинаковыми фамилиями. Я, не задумываясь, согласился и назвал новый псевдоним — Р. Железнов. Под ним я и публиковался впоследствии до выхода в отставку. Нужно сказать, что американцы, как я позже узнал, быстро *вычислили* меня и ссылались на мои публикации так: Железнов и в скобках — Тимербаев.

Без копирайта

В 1982 г. я защитил докторскую диссертацию на тему о международном контроле за соблюдением соглашений по ограничению вооружений и разоружению, а спустя год на ее основе была издана монография в издательстве «Международные отношения». Поскольку я выступал не в качестве сотрудника МИД, а научного исследователя, то дозволялось публиковать ее под настоящей фамилией автора¹. Это, по всей вероятности, была первая у нас в стране специально написанная на данную тему книга.

Ее появление на свет вызвало любопытную реакцию на Западе. На книгу, видимо, обратили внимание в американском посольстве в Москве и довольно быстро она была переведена на английский язык в Вашингтоне специальной правительственной службой, занимающейся переводами советских и других сообщений иностранной печати, радиопередач и некоторых представляющих интерес книг, но «только для служебного пользования» («official use only»). Ведь иначе нужно было бы выплачивать гонорар, да и издавать ее публично в Вашингтоне желая, очевидно, не было. Книгу эту мне американские знакомые потом издали показывали, но в руки не давали².

Так вот, Соединенные Штаты распространили перевод книги среди своих союзников по НАТО, и их представители использовали некоторые ее положения, которые не совпадали с официальной позицией Советского Союза, а их было немало, против советской делегации в Стокгольме на конференции по укреплению мер доверия и сокращению войск в Европе. При этом они говорили, что делегация заявляет одно (то есть выступает за мягкий контроль), а ответственный работник МИД СССР (то есть Тимербаев) пишет, что контроль должен

¹ Тимербаев Р.М. Контроль за ограничением вооружений и разоружением. М.: Международные отношения, 1983.

² Много позднее — в декабре 2004 г. — в одном из американских изданий мною были обнаружены выходные данные перевода: Timerbayev, R.M. Verification of Arms Limitation and Disarmament. Wash., DC: U.S. // Foreign Broadcast Information System (FBIS), JPRS-UPS-84-041-L. 1984. 5 November. Official Use Only.

быть адекватен разрабатываемым мерам сокращения вооружений и разоружения. Было это в 1984 или 1985 г. Не знаю уж, почему вся эта история не привела к каким-либо взысканиям в отношении меня. По-видимому, все же потому, что тогда уже приближался период *перестройки и гласности* и наступали более *вегетарианские* времена.

Ливийская затея

При активном содействии Советского Союза в Ливии был создан научно-исследовательский атомный центр Тажура недалеко от столицы страны Триполи. Среди его объектов был и исследовательский атомный реактор небольшой мощности, но работавший на высокообогащенном уране (ВОУ). Хотя реактор был поставлен под гарантии МАГАТЭ, но с учетом того, что в нем использовался ВОУ, советская сторона настоятельно предложила и добилась того, чтобы в Тажуре постоянно присутствовали советские специалисты, дабы иметь уверенность в мирном использовании ядерного реактора и других установок атомного центра, а главное — для присмотра за использованием ВОУ. Ливийская сторона возражений против присутствия наших специалистов не высказывала с учетом, конечно, и того, что просто нуждалась в их помощи.

Во второй половине 1970-х гг. лидер Ливии полковник Муамар Каддафи направил в Москву делегацию во главе со вторым лицом в руководстве страны Абдель Саламом Джеллудом с секретной миссией добиться от СССР содействия в развитии ядерной программы, которая включала бы создание реактора на природном уране с замедлителем из тяжелой воды, предприятия по производству тяжелой воды, установки по переработке отработавшего топлива и выделению плутония и других соответствующих объектов. Короче говоря, речь шла о военной атомной программе, за создание которой Ливия предложила 10 млрд долл. Тогда у Каддафи деньги водились в связи с тем, что в результате всеобщего нефтяного кризиса цены на «*черное золото*» подскочили до рекордных отметок.

С советской стороны в переговорах с Джеллудом участвовали первый заместитель председателя правительства Н.А. Тихонов (который в отсутствие председателя Совета министров А.Н. Косыгина замещал последнего) и первый заместитель министра среднего машиностроения (то есть Министерства атомной отрасли) А.М. Петросьянц. Советская сторона дала принципиальное согласие на предложения Ливии, руководствуясь как стремлением поддержать арабов в их конфликте с Израилем, так и привлекательностью предложенной цены. Припоминаю телефонный разговор с заведующим секретариатом председателя правительства Борисом Бацановым, который, выслушав мои глубокие сомнения в правильности решения, сказал: неужели в МИД не понимают, что речь идет о получении Советским Союзом 10 млрд долл.? В итоге переговоров все же был согласован документ о намерениях, и, как мне потом стало известно, все это было решено без согласия руководства МИД.

А спустя несколько дней в МИД на подпись министра А.А. Громыко поступила записка в Политбюро ЦК, уже подписанная министром обороны Д.Ф. Устиновым, председателем КГБ Ю.В. Андроповым, председателем Военно-промышленной комиссии Совмина СССР Л.В. Смирновым, председателем Госплана Н.К. Байбаковым. В записке предлагались мероприятия по реализации нашего обещания создать в Ливии, говоря техническим языком, полный ядерный топливный цикл (ЯТЦ). При этом выполнение постановления правительства возлагалось на Госплан и ряд промышленных министерств и ведомств.

У МИД были серьезные возражения против всей этой затеи — в первую очередь по соображениям недопустимости дальнейшего распространения ядерного оружия, но также и с учетом сомнений в том, что Ливия сможет возместить затраты на строительство. К этому времени нефтяной кризис подходил к концу, и цены на нефть начали выравниваться. Как я припоминаю, определенные возражения были и у Министерства обороны.

Для обсуждения вопроса о том, как поступить с предлагаемой запиской в ЦК, меня вызвал в свой кабинет заместитель министра Г.М. Корниенко, и мы стали

обсуждать, что следует предпринять. В итоге Корниенко предложил министру А.А. Громыко такой вариант: записку в ЦК все же подписать, но сделать оговорку, в которой высказать сомнения в отношении целесообразности всего предприятия с точки зрения возможных негативных последствий для нераспространения. А.А. согласился и поручил сформулировать в одной короткой фразе буквально из нескольких слов позицию МИД, которую впечатать под его подписью на первом экземпляре записки в Политбюро.

Мы потратили немало времени на это, и я еще раз убедился в поразительном умении Георгия Марковича Корниенко коротко и четко формулировать мысль. В дальнейшем начались долгие совещания в Госплане о конкретных мерах по выполнению решения ЦК, и персонально эту работу возглавил первый заместитель председателя Госплана Н.И. Рыжков (впоследствии Председатель Правительства), который провел несколько совещаний с участием представителей различных ведомств. От МИД должен был участвовать заместитель министра Корниенко, который на эти совещания в Госплане обычно направлял меня, при этом, как я понимал, на меня возлагалась задача по возможности исподволь тормозить все дело. Припоминаю, что немалые трудности могли возникнуть со строительством предприятия по производству тяжелой воды, которое должно было быть возложено на Министерство удобрений (тогда существовало и такое). В конце концов, так или иначе, но сделка с Ливией не состоялась, а вскоре и ливийская казна опустела.

Сейчас, после того как Ливия под давлением США публично отказалась от своей тайной ядерной программы — и это было засвидетельствовано и подтверждено инспекторами МАГАТЭ, — стало широко известно, что и в 1980-е, и в 1990-е гг. Каддафи что-то пытался сделать в направлении создания такой программы, но убедился, что это ему не под силу, да и нажим со стороны США и других западных государств стал непреодолимым.

Извлеченный урок

Изложенная выше история с Ливией, имевшая место во второй половине 1970-х гг., явилась большим уроком

для МИД, и с его стороны были предприняты усилия к тому, чтобы не допустить ее повторения в дальнейшем. В результате по инициативе МИД решением Политбюро была учреждена Межведомственная комиссия по нераспространению ядерного оружия на уровне заместителей руководителей соответствующих правительственных ведомств под председательством МИД (конкретно — Г.М. Корниенко), на которую было возложено предварительное согласование всех наших действий на международной арене в целях недопущения ядерного распространения.

Образование комиссии позволило быстро навести должный порядок в работе тех организаций, которые имели отношение к поставкам ядерных материалов, оборудования и технологий за рубеж. Этой полезной деятельности, имевшей большое государственное значение, весьма благоприятствовало то, что такие ведомства, как МИД, Министерство обороны и КГБ, как правило, занимали сходные позиции по вопросам нераспространения, что помогало решению экспортных вопросов на базе государственных интересов страны и сводило к минимуму возможность узковедомственного подхода. Минсредмаш в свою очередь и тогда, и впоследствии (вспомним согласие главы Минатома В.Н. Михайлова в 1995 г. на строительство в Иране газоцентрифужного завода для обогащения урана) иногда довольно безответственно относился к необходимости всемерного поддержания режима нераспространения. Нужно сказать, что у меня остаются сомнения в правильности решения построить для Ирана АЭС в Бушере, хотя приходится считаться с тем, что *поезд уже ушел*.

Одним из первых важных решений было согласование постановления правительства от 13 января 1982 г. о контроле за ядерным экспортом. Оно называлось: «Положение об экспорте ядерных материалов, технологии, оборудования, установок, специальных неядерных материалов и услуг». Текст его в изложении был опубликован в журнале «Внешняя торговля» в № 4 за 1982 г. Положение было основано на Руководящих принципах для ядерного экспорта, принятых Группой ядерных поставщиков (ГЯП) в 1977 г. и официально представленных

МАГАТЭ в начале 1978 г.¹ В качестве приложения к указанному Положению был утвержден и согласованный ГЯП Исходный список (Trigger List) предметов ядерного экспорта, подлежащих контролю, который также был опубликован в указанном журнале. Это был первый нормативный акт по экспортному контролю, принятый в нашей стране.

Следует отметить тот немаловажный факт, что утвержденное Совмином СССР Положение шло даже дальше Руководящих принципов ГЯП в том отношении, что предметы ядерного экспорта СССР не должны были использоваться не только для производства ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств, как это требовалось Руководящими принципами, но также не должны были «способствовать достижению какой-либо военной цели». Так, например, не могли бы использоваться в качестве топлива для атомных подводных лодок.

Кроме того, в Положении содержался весьма важный пункт, согласно которому устанавливалось, что «проекты соглашений и (или) контрактов с иностранными контрагентами в части условий ядерного экспорта согласовываются с Государственным комитетом по использованию атомной энергии СССР и Министерством иностранных дел СССР». Таким образом, ни одна сделка о ядерном экспорте не могла состояться без согласия МИД. Практически эту функцию исполнял Отдел международных организаций МИД.

По предложению Межведомственной комиссии (инициатива исходила от МИД и Минобороны) была также начата работа по подготовке общесоюзного законодательства по использованию атомной энергии. Для этого в рамках академического института государства и права была создана специальная группа под руководством известного юриста А.И. Иойрыша. Эта работа принесла свои плоды. Уже в постсоветский период Государственной Думой были приняты важные акты, уста-

¹ Док. МАГАТЭ INFCIRC/254. О том, как разрабатывались Руководящие принципы для ядерного экспорта, см.: Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974—1978). М.: ПИР-Центр политических исследований, 2000.

новившие законодательную основу для использования атомной энергии, включая и вопросы ядерного экспорта. Опытом работы Межведомственной комиссии было бы полезно воспользоваться и в настоящее время.

Последний из Могикан

Расскажу о знаменитом дирижере Герберте фон Караяне, точнее о его последнем концерте. Но вначале несколько предварительных слов.

Когда я работал в Вене постоянным представителем СССР / России при международных организациях (1988—1992 гг.), мне удавалось довольно часто ходить на симфонические концерты в *Musikverein*, где была выделена дипломатическая ложа для руководителей иностранных загранпредставительств. Постепенно я познакомился с некоторыми известными музыкальными деятелями, в том числе с дирижером Клаудио Аббадо, скрипачами Гидоном Кремером и Викторией Мулловой, певцом Евгением Нестеренко (последний даже согласился дать сольный концерт в советском представительстве), главным дирижером Кисловодского симфонического оркестра Юрием Власовым. Среди моих знакомых был и руководитель австрийского отделения *Deutsche Grammophon Gesellschaft* Эвальд Маркль.

Эвальд Маркль и сообщил мне, что 23 апреля 1989 г. состоится концерт Герберта фон Караяна, причем ввиду серьезной болезни дирижера, которому было уже за 80 лет (болезнь позвоночника), возможно, это будет его последний концерт.

Караян выбрал для концерта, состоявшего всего из одного отделения, 7 симфонию Антона Брукнера. Народу набилось *под завязку*, в дипломатической ложе все стояли плечом к плечу, в зале были заняты даже проходы между рядами. Рядом со мной оказался Юрий Власов.

Когда дирижер появился на эстраде, зал замер. Караян медленно, с трудом передвигая ноги, но все же пытаюсь самостоятельно идти к подиуму и стремясь решительными жестами отказываться от попыток музыкантов помочь ему дойти до своего места и сесть на специальный

стул. Но вот он взмахнул дирижерской палочкой и полилась торжественная музыка.

7 симфония Брукнера — одна из самых грандиозных симфоний классического репертуара. По-моему, каждый понимает музыку по-своему, даже если она заведомо является программной. В моем ощущении эта симфония представляет собой как бы повествование о жизни человека в окружающем его мире, о связи его с природой, с Богом. В ней есть и радость, и трагические ноты, но главное — это борьба человека с силами зла, за победу сил добра.

Когда смолкли последние звуки, раздалась бурная овация, продолжавшаяся десять, двадцать или больше минут. А потом все бросились вниз, чтобы проститься с великим дирижером. Машину забросали цветами, и она медленно двинулась в сторону его любимого Зальцбурга. Все чувствовали, что больше его не увидят и не услышат. Караян скончался спустя три месяца.

У меня до сих пор хранится компакт-диск с записью последнего концерта Герберта фон Караяна.

Разбирая не так давно свои архивные залежи, обнаружил дневниковую запись о концерте Караяна, сделанную по горячим следам:

«23 апреля 1989 г.

Сегодня был в *Мюзикферайн* на 7-й симфонии Антона Брукнера в исполнении Венского филармонического оркестра под руководством Герберта фон Караяна. Дирижер вышел, поддерживаемый служителями, без помощи которых он не мог бы дойти до подиума. Караян страдает серьезной болезнью позвоночника, он перенес несколько операций и самостоятельно передвигаться не может. Но, встав на подиум, он полностью преобразился, и вскоре присутствующие напрочь забыли, что за дирижерским пультом серьезно больной человек, в сущности, инвалид.

Один знакомый дирижер, выдавший Караяна накануне во время записи симфонии Брукнера, заметил, что Караян столь же эмоционально, по-юношески дирижирует, как если бы ему было 25 лет.

Думаю, не случаен выбор 7-й симфонии Брукнера. Это одно из наиболее духовно возвышенных музыкальных произведений, утверждающих величие, победу че-

ловческого духа над человеческой плотью, над всем остальным, над миром. Конечно, в какой-то, а, может быть значительной, мере чувствуется у Брукнера немецкий дух, ну а почему бы и нет?

Когда Караян положил дирижерскую палочку на пюпитр, наступила пауза, а потом разразился гром аплодисментов. Уж не помню, сколько раз он выходил к зрителям. Все чувствовали, что наступил момент прощания последнего могокана из плеяды великих дирижеров. Еще до сегодняшнего концерта многие высказывали мнение, что это будет его последним появлением перед музыкальной аудиторией.

И, действительно, на завтра, в понедельник 24 апреля, Герберт фон Караян направил письмо руководителю ведомства культуры в правительстве Западного Берлина, сенатору г-же Анке Мартини с коротким сообщением, что он снимает с себя обязанность пожизненного дирижера Берлинского филармонического оркестра, которую он занимал с 1955 г.».

Еще о музыке

Герберт фон Караян скончался 16 июля 1989 г. Вот запись в моем дневнике, сделанная в тот же день:

«16 июля 1989 г.

Телевидение сообщило, что сегодня неподалеку от Зальцбурга скончался Герберт фон Караян.

Это сообщение напомнило мне о предсказании, сделанном еще в апреле, когда я был приглашен в *Мюзик-ферайн* на концерт фон Караяна. Это предсказание было сделано Эвальдом Марклем, представителем *Дойче Граммофон Гезелльшафт* в Австрии. Приглашая на концерт, который состоялся 23 апреля, Эвальд довольно уверенно сказал, что это будет последний концерт фон Караяна, и это печальное предсказание сбылось.

Он умер в процессе напряженной работы над постановкой оперы “Бал-маскарад” Верди для Зальцбургского фестиваля, премьеры которой должна была состояться 27 июля. Он и сегодня вел репетицию.

Услышав эту весть, я невольно вспомнил Гидона Кремера. Должно быть, это объясняется тем, что у обоих музыкантов есть много общего — какая-то самозабвенная одержимость, безграничная преданность музыке и вообще духовному началу.

Я тут же прослушал “Чакону” Баха в исполнении Гидона Кремера и еще раз убедился, что главное в его игре — это безграничная увлеченность и какая-то самозабвенность. У меня оказалась также видеозапись недавнего исполнения скрипачом “Мук любви” Крайслера в Большом зале Московской консерватории. То же впечатление.

И еще я вспомнил игру Кремера на фестивале камерной музыки в маленьком городке Локенхаузе в Бургенланде неподалеку от границы с Венгрией. Этот фестиваль был основан девять лет тому назад местным католическим священником Иозефом Херровицем, а Кремер стал музыкальным директором этого фестиваля. Обычно он проходит в июле в течение двух-трех недель. Концерты проводятся в местной церкви, где священником является падре (так все его зовут) Иозеф Херровиц, в крепости, находящейся метрах в пятистах от городка, и в местной школе.

Обычно съезжаются сравнительно молодые исполнители. Кремер — неизменный участник фестиваля. Он старается сочетать музыку старинных композиторов и современных, сравнительно малоизвестных. Так, на концерте 9 июля, где мы были с моей женой Ниной, Эвальдом и Лизой Шюллер, исполнялись произведения Моцарта, Шуберта и — из современных — Софьи Губайдулиной и Эрнста Кренека — австрийского композитора нынешнего века.

Кремер часто приглашает советских музыкантов. На нынешнем фестивале в числе исполнителей — наш известный пианист и клавесинист Алексей Любимов со своим партнером Вадимом Сахаровым (они исполняли “Фантазию” Шуберта для фортепиано в четыре руки) и литовский виолончелист Давид Герингас.

Пожалуй, гвоздем программы был “Дивертисмент” Моцарта для струнного трио, в составе которого играл Гидон Кремер. Я не слышал Кремера много лет, ему уже под 50, но чувство свежести, одухотворенности и полной самозабвенности не покидает скрипача. Трио Софьи Губайдулиной, которое исполнялось в Австрии впервые, является, видимо, интересным произведением, но его нужно прослушать несколько раз, чтобы составить более определенное мнение. Ясно только то, что оно очень современно отвечает сегодняшнему пуль-

су жизни и, очевидно, содержит много личных элементов. Мы познакомились после концерта с Софьей Губайдулиной, это милая немолодая женщина, видимо, добрая и отзывчивая.

В отличие от обычных австрийских музыкальных фестивалей поражала почти домашняя обстановка, музыканты и многочисленные слушатели были одеты очень *casually*, и все это создавало обстановку простоты и непринужденности, помогающую свободному музицированию».

Партийное поручение

Как и все сотрудники МИД, я, естественно, был членом КПСС. Но интереса к партийной работе, к участию в выборных органах, к выступлениям на партсобраниях и тому подобному у меня никогда не было, хотя это и способствовало бы моему карьерному росту, к чему, впрочем, я не то чтобы очень и стремился. Однако поскольку каждый коммунист должен был, как положено по Уставу КПСС, иметь *партийное поручение*, то мне пришлось взять на себя какую-нибудь функцию, но такую, которая была бы наименее обременительной и более соответствовала моим личным запросам и интересам. И тут мне помог К.В. Новиков, очевидно, весьма проницательно заметивший отсутствие у меня энтузиазма к активной партийной работе. Он посоветовал мне стать лектором по международному положению. Я так и поступил.

Но тут пришлось столкнуться с другой трудностью. Дело в том, что по роду своей работы сотрудники МИД имеют доступ к большому объему закрытой, конфиденциальной информации. И нередко, оперируя в ходе лекционной деятельности теми или иными фактами из международной жизни, мы не могли в своем сознании отличить, какой факт был открытым, а какой закрытым. Это иногда приводило к весьма досадным инцидентам. Как-то мне довелось по поручению Московского городского комитета КПСС читать лекцию о международном положении в Большой аудитории Политехнического музея. Моими слушателями в основном были пенсионеры, отлично знакомые со всем тем, что печатается в

центральных газетах. В своей лекции я привел какой-то факт, не известный слушателям. Посыпались многочисленные вопросы, и мне пришлось всячески изворачиваться, чтобы как-то замять допущенную мною оплошность.

Международные гарантии нужны

В моей книге «Россия и ядерное нераспространение. 1945—1968», вышедшей в свет в издательстве «Наука» в 1999 г., я уже подробно на основе архивных документов и других источников описал становление системы гарантий (контроля) МАГАТЭ. Добавлю несколько личных воспоминаний.

Советский Союз с самого начала разработки Устава Международного атомного агентства (с 1954—1955 гг.), как специалистам известно, был противником жесткой системы и сторонником добровольности в принятии гарантий государствами-членами.

Когда Устав вступил в силу и Агентство приступило к своей деятельности, началась разработка необходимых документов для практического применения гарантий. И тут возникли разногласия между МИД и Минсредмашем. В 1959 г. атомное ведомство предложило вообще свернуть эту работу, но А.А. Громыко высказал возражения, что зафиксировано и в документах, хранящихся в архиве МИД. Советский Союз принял участие в формировании системы, но все же постоянно тормозил работу соответствующих органов МАГАТЭ.

Однако спустя некоторое время — в 1963—1964 гг. — стало очевидно, что такая линия была ошибочной. Поступали сведения, что Западная Германия лихорадочно развивает программу строительства крупных АЭС и других атомных объектов. Хотя по настоянию западных держав ФРГ отказалась от производства атомного и других видов оружия массового уничтожения на своей *собственной территории*, стало известно, что немецкие ученые занимались разработкой методов обогащения урана в Южной Африке и в Бразилии. Много позднее выяснилось, что в 1956 г. между ФРГ, Францией и Италией было заключено секретное соглашение о совместном строительстве на *территории Франции* атомных объек-

тов с прицелом на получение всеми тремя участвующими государствами оружейных ядерных материалов, и лишь в результате вторичного прихода к власти де Голля в 1958 г. указанное соглашение было дезавуировано и отправлено в архив.

Ввиду всего этого по инициативе МИД в Москве стали пересматривать наше отношение к гарантиям. В 1964 г. мой непосредственный шеф К.В. Новиков направил меня в Вену в качестве советника нашего представителя в комитете по гарантиям МАГАТЭ заместителя председателя Государственного комитета по использованию атомной энергии при Совете министров СССР В.С. Емельянова, чтобы на месте ознакомиться с тем, как идет разработка системы гарантий в этом комитете, председателем которого был Гуннар Рандерс (Норвегия).

Мне довольно быстро стало ясно, что система гарантий весьма полезна с точки зрения недопущения производства ядерного оружия неядерными государствами, а Советский Союз, как ядерную державу, она без нашего согласия ни в коей мере затронуть не сможет, о чем я и доложил по возвращении в Москву.

В дальнейшем мы не только перестали тормозить дело, но, наоборот, *стали еще больше католиками, чем Папа Римский*, и добивались совместно с США и некоторыми другими западными государствами создания как можно более строгой системы гарантий, которая и была принята Международным агентством в 1965 г.

Система гарантий МАГАТЭ со времени ее создания непрерывно находится в процессе совершенствования. Наука идет вперед, постоянно развиваются атомные технологии, увеличивается число стран, овладевающих тайнами атомной энергии, растет их промышленная база, не в последнюю очередь у некоторых государств время от времени возникают атомные амбиции, не имеющие под собой экономических или иных оснований. Все это требует неустанного внимания мировой общественности — и в первую очередь самого Международного Агентства по атомной энергии — к поддержанию контрольной системы на уровне возникающих новых задач.

Первая система гарантий, разработанная в 1959—1965 гг. (INFCIRC/66/Rev.2), имела сравнительно ограниченные гарантийные функции, поскольку распространялась только на *отдельно взятые* атомные установки. После заключения ДНЯО в 1968 г. была сформулирована новая система гарантий, предусматривавшая установление обязательного контроля за *всей* ядерной деятельностью во всех неядерных государствах-участниках ДНЯО (INFCIRC/153). Но и она, при всей ее обстоятельности и тщательности, имела существенный недостаток: она не давала полной гарантии обеспечения обнаружения материалов и деятельности, *которые не были декларированы* инспектируемым государством. Это с особой очевидностью выявилось во время войны в Персидском заливе в 1991 г., когда стала известной разветвленная тайная деятельность Ирака (участника ДНЯО) по созданию атомного оружия.

Правда, система гарантий (INFCIRC/153) позволяла проводить *специальные* инспекции, если, по мнению Агентства, «информация, предоставленная государством, включая разъяснения государства, и информация, получаемая в результате проведения обычных инспекций, является недостаточной для выполнения Агентством своих обязанностей» (п. 73в). «Инспекция считается специальной, когда она [...] является дополнительной к усилиям по обычным инспекциям» (Там же). Однако в случае если возникают споры в связи с интерпретацией или применением соответствующих положений соглашений о гарантиях, могут потребоваться арбитражные разбирательства и обращение в Совет Безопасности ООН. Все это может осложнить дело с проведением специальных инспекций. Очевидно, именно поэтому специальные инспекции *никогда* не проводились. Инспекторы Агентства, как правило, действовали таким образом, чтобы не возникало необходимости в специальных инспекциях, они не задавали лишних вопросов, не требовали посещения объектов, которые могли вызвать потребность в проведении специальных инспекций.

И то, что выявилось в Ираке в 1991 г., вызвало всеобщий шок, в результате чего Совет Безопасности ООН вынужден был принять ряд резолюций, потребовавших

уничтожения атомной инфраструктуры Ирака, что и было осуществлено под наблюдением специальной комиссии ООН и МАГАТЭ.

В связи с тем, что положения о специнспекциях на практике явно не работали, 26 августа 1991 г. мною в личном качестве была направлена конфиденциальная записка Генеральному директору Агентства Хансу Бликсу с изложением «некоторых идей по совершенствованию гарантий ДНЯО». Отметив нечеткость формулировок соответствующих положений INFCIRC/153, не позволяющих оперативно выявлять нарушения соглашений о гарантиях, я писал:

«Исходя из изложенного, представляется разумным, не меняя типовое соглашение (INFCIRC/153) и не идя по пути его толкования в широком смысле, разработать новый документ относительно процедур чрезвычайных инспекций, проводимых по решению Совета управляющих МАГАТЭ, а при необходимости по требованию Совета Безопасности ООН, что дополняло бы INFCIRC/153».

Конкретно предлагалось учредить специальную группу при Генеральном директоре, которая внимательно следила бы за ядерной деятельностью участников ДНЯО, пользуясь всей имеющейся информацией, национальными техническими средствами контроля и другими имеющимися средствами информации, включая базу данных Агентства, а также информацией о ядерном экспорте и т. д. На основании этой информации Гендиректор докладывал бы Совету управляющих о всех событиях в данном государстве, которые вызывали бы подозрения о несоблюдении соглашения о гарантиях, и с согласия Совета направлял бы инспекторов для проверки выявленных фактов. В случае же, если государство не соглашалось бы принять инспекцию, то дело передавалось бы в Совет Безопасности ООН.

«Принятие специального документа о чрезвычайных инспекциях, — писал я Бликсу, — послужило бы сигналом для потенциальных нарушителей и предупреждением им, что МАГАТЭ способно и готово действовать незамедлительно и решительно, опираясь на властную поддержку и авторитет Совета Безопасности ООН».

Подобные мысли высказывались и другими членами МАГАТЭ. В Совете управляющих состоялись консультации его членов, и 25 февраля 1992 г. Совет подтвердил право на проведение специальных инспекций. В дальнейшем, в 1997 г., Совет разработал специальный Дополнительный протокол к соглашениям о гарантиях, в котором значительно расширил права Агентства, включая право на инспекцию незаявленной ядерной деятельности.

Дядя Вася

Василий Семенович Емельянов был замечательным человеком, и все мы в МИД относились к нему с глубоким уважением, за глаза, а иногда и напрямую любовно называли его дядей Васей. По специальности он был металлургом и во время войны, работая в Челябинске, проявил большие организаторские способности при создании мощной базы производства танков для фронта. А по окончании войны был направлен в новую отрасль — атомную, в которой стал одним из ее руководителей, отвечая в том числе за металлургическую сторону атомного производства, в частности за получение металлического плутония для ядерного оружия.

Емельянов как-то рассказал нам, что после выделения первого миллиграммового коронка плутония он вместе с кем-то из специалистов принес его Л.П. Берия, который, как известно, был главным руководителем всей программы создания ядерного оружия, чтобы тот воочию убедился в достигнутом крупном успехе. Но вместо того чтобы поблагодарить ученых, высокий сановник сказал: «Зачем мне плутоний, мне бомба нужна».

Был Емельянов человеком очень порядочным и общительным, но иногда вспыльчивым. Рассказывают, что однажды он *по-матерному* обругал секретаря и члена Президиума ЦК (так одно время называлось Политбюро ЦК) Ф.Р. Козлова, курировавшего оборонную промышленность, за что был понижен в должности — с председателя до заместителя председателя Госкомитета по использованию атомной энергии. В.С. был одним из первых крупных атомщиков, которому разрешили выезд

за границу для участия в различных международных конференциях по атомной проблематике. Он был первым советским представителем при МАГАТЭ и управляющим от СССР в Совете управляющих Агентства. Значит, советское руководство ему доверяло.

Видимо, у Емельянова из-за его характера были непростые отношения со своими коллегами по работе. Об этом говорит, в частности, такой факт.

В 1995 г. вышла в свет книга, в которой впервые было подробно рассказано о том, как создавалась первая советская атомная бомба¹. Авторский коллектив возглавляли министр РФ по атомной энергии В.Н. Михайлов и его заместитель А.М. Петросьянц. Последний и Василий Семенович много десятилетий работали вместе и даже их квартиры находились на одной лестничной площадке в жилом доме Минсредмаша рядом с Поварской улицей.

Прочитав книгу, я обратил внимание на то, что в ее последней главе, содержащей краткие биографии многих ученых и других специалистов, которые участвовали в советском атомном проекте, отсутствует биография Емельянова. Этот факт я публично довел до сведения общественности в рецензии на книгу, опубликованной журналом Центра политических исследований (ПИР-Центра) «Ядерный Контроль». Петросьянц при встрече со мной был явно смущен и пытался оправдываться, ссылаясь на свою забывчивость. Но было ясно, что он сознательно обошел Емельянова, который к тому времени уже давно был в могиле.

Благодаря В.С., с которым мы много раз были вместе на различных международных конференциях, я познакомился с такими выдающимися физиками-атомщиками, как И.Е. Тамм, Гленн Сиборг, Роберт Оппенгеймер, Исидор Раби и многие другие.

Мне было приятно встретиться с Гленном Сиборгом в Сан-Франциско в 1993 г., он узнал меня и мы с ним побеседовали. Разговор состоялся после наших совместных с Сергеем Головатым (тогда членом парламента, а затем министром юстиции Украины) выступлений пе-

¹ Михайлов В.Н., Петросьянц А.М. (ред.) Создание первой советской ядерной бомбы. М.: Энергоатомиздат, 1995.

ред Советом по международным делам этого города (*World Affairs Council of San Francisco*).

Интерес к нашему совместному появлению в Совете был значительный, так как в то время некоторые украинские политики выступали с популистскими требованиями об объявлении Украины ядерной державой (тогда на ее территории находилось много советского ядерного оружия). Но, как известно, уже в следующем году разумный подход возобладал, и Украина присоединилась к ДНЯО в качестве неядерной страны, а все ядерное оружие было вывезено в Россию.

Своеобразный рецепт

В 1965 г. вместе с В.С. Емельяновым мы отправились на сессию Генеральной конференции МАГАТЭ, на которой была окончательно одобрена первая система гарантий Агентства (INFCIRC/66). Сессия проходила по приглашению японского правительства в Токио. Тогда не было прямого авиационного сообщения с этой страной, и мы добирались таким путем: самолетом Аэрофлота до Хабаровска (тогда на дальних расстояниях курсировал «ТУ-114», но этот самолет недолго перевозил пассажиров, так как имел технические недостатки, в частности, довольно сильно вибрировал в воздухе), затем поездом до Находки и оттуда теплоходом до Йокогамы и далее до Токио. Если не ошибаюсь, название теплохода — «Байкал». Это было довольно старое судно не очень большого водоизмещения.

Нас с В.С. разместили в одной кабине первого класса, и мы поначалу много гуляли по палубе с ним и академиком И.Е. Таммом, который направлялся в Японию на международную научную конференцию. Обсуждали, конечно, все больше атомную проблему. Но на следующий день на нас обрушился мощный тайфун, корабль бросало из стороны в сторону, практически все пассажиры заболели морской болезнью. В ресторан почти никто не ходил, но дядя Вася держался молодцом, я тоже не очень страдал, поскольку морская качка на меня почти не действует. Даже многие официантки не могли работать, и мы с В.С. сами ходили на кухню за едой, где трудились один или два повара.

Емельянов научил меня такому способу бороться с морской болезнью — выпивать несколько рюмок коньяка и выходить на воздух, на палубу, но, естественно, не прогуливаться по ней, а крепко держаться за какую-нибудь колонну или столб, а при самой сильной качке привязывать себя к чему-нибудь. Но нам не пришлось это делать, да и вскоре тайфун приутих.

Конференция в Токио прошла без каких-либо сложностей, поскольку система гарантий уже была согласована и принята Советом управляющих МАГАТЭ. Возглавлял нашу делегацию А.М. Петросьянц. Его основное выступление, направленное главным образом на поддержку гарантий и на пропагандирование советских достижений в атомной области, по моему настоянию (некоторые члены делегации почему-то не считали это нужным), было переведено сотрудниками нашего посольства на японский язык. Делегация организовала пресс-конференцию Петросьянца, и местные журналисты весьма одобрительно восприняли тот факт, что текст выступления главы делегации был роздан им на японском языке.

Встреча в Овальном кабинете

Теперь о встрече с президентом США Джоном Кеннеди в Белом доме.

Но вначале о другом человеке, которого я сопровождал при посещении Белого дома, — о Валериане Александровиче Зорине, многолетнем заместителе министра иностранных дел и дважды нашим представителем в ООН — в начале 1950-х и начале 1960-х гг., а также представителем в различных комитетах по разоружению. Зорин в течение многих лет был моим шефом и замечательным наставником.

Н.С. Хрущев, находясь в 1959 г. по приглашению президента Дуайта Эйзенхауэра с государственным визитом в Соединенных Штатах, посетил Нью-Йорк и внес на сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложение о всеобщем и полном разоружении. Конечно, нам и многим другим была ясна нереальность достижения этой цели в обозримом будущем. Тем не менее мне и сейчас представляется, что была польза в выдвижении

этой, пусть даже пропагандистской, идеи, направленной на то, чтобы с подачи СССР мировое сообщество знало о существовании такой задачи и о важности постепенного движения человечества в направлении ее реализации. (Ведь в то время между СССР и США разворачивалась безумная и безудержная гонка ядерных вооружений).

После внесения в ООН советского предложения между делегациями Советского Союза и США была согласована резолюция об одобрении ООН идеи всеобщего и полного разоружения, и в переговорах о тексте этой резолюции мне довелось принять самое активное участие совместно с моим американским коллегой — советником представительства США при ООН Питером Тэчером (Peter Thatcher). В результате получилась неплохая, достаточно содержательная резолюция, которую Генассамблея приняла единогласно.

Затем в 1960 г. последовали переговоры в Женеве, причем переговоры безрезультатные, в так называемом Комитете 10-ти государств по разоружению с целью практического претворения в жизнь принятой резолюции, о которых я расскажу отдельно. В конце концов, было решено провести двусторонние переговоры между Соединенными Штатами и Советским Союзом для выработки совместного заявления о принципах и путях достижения всеобщего и полного разоружения.

Проходили эти переговоры в 1961 г. поочередно в Вашингтоне, Москве и в *нейтральном месте* — в Нью-Йорке, где расположена штаб-квартира ООН. Советскую делегацию возглавлял В.А. Зорин, а американскую — Джон Макклой (John McCloy), крупный государственный деятель, в прошлом заместитель министра обороны. Он был и одним из инициаторов создания Агентства США по контролю над вооружениями и разоружению (АКВР).

И вот во время вашингтонского раунда двусторонних переговоров нашу делегацию пожелал принять Джон Кеннеди. Тогда отношения между нашими двумя странами были сложными. Новый президент, вступив в должность в январе 1961 г., вскоре санкционировал нападение на Кубу, и эта попытка вторжения была успешно отбита войсками Фиделя Кастро. Все это, конечно, еще более осложнило наши отношения. В этой обста-

новке Кеннеди и пригласил нас к себе, видимо, чтобы содействовать созданию более благоприятной атмосферы перед встречей с Хрущевым в июне того же 1961 г. в Вене (которая, однако, все же прошла безуспешно).

Нам было сказано, что наша делегация должна быть по возможности минимальной по составу. Вместе с Зориным были генерал-полковник А.А. Грызлов, советник И.Г. Усачев, я (тогда первый секретарь), а также переводчик. С американской стороны были Джон Макклой и кто-то еще. Мы с Усачевым вели запись беседы.

Президент был любезен и настроен дружелюбно, да ведь и основная тема беседы — всеобщее и полное разоружение — была в целом довольно абстрактной, а потому и не очень конфронтационной, тем более, что с нашей стороны не поднимались те спорные вопросы, которые разделяли обе делегации. Так что разговор шел больше на общие темы советско-американских отношений, которые тогда переживали не лучшие времена, но обе стороны вели себя в высшей степени политкорректно. Зорин был большой дипломат, и прекрасно знал, как действовать в любой обстановке. После беседы, продолжавшейся около часа, Кеннеди провел нас по Овальному кабинету и по аванзалу, в котором были размещены его трофеи рыболова — чучела выловленных им очень крупных морских рыб.

Делегация доложила в Москву о состоявшейся беседе, но я не припоминаю, чтобы мы отметили в нашем сообщении о каких-либо существенных новых моментах, кроме того, что Кеннеди хотел завязать диалог с советским руководством.

В конце концов, совместное заявление уже в Нью-Йорке было согласовано, но с оговорками: США зафиксировали, что контроль должен распространяться как на сокращаемые и ликвидируемые вооруженные силы и вооружения, так и на еще остающиеся в течение этого процесса; мы же настаивали на том, что под контролем будут находиться только сокращаемые войска и вооружения. Наша позиция, конечно, была нереальной и даже нелогичной. Согласованное заявление, которое было официально представлено Организации Объединенных Наций осенью 1961 г., известно как Заявление Зорина—Макклоя.

Разрыв переговоров

Как я обещал, расскажу о Комитете 10-ти государств по разоружению. Этот международный переговорный орган не был органом ООН, он был создан в 1960 г. по соглашению между двумя противостоящими военными блоками — НАТО и Варшавским договором. Но поскольку ООН поддержала создание этого комитета, то и взяла на себя его техническое обслуживание, включая финансирование, и предоставила место для заседаний — Дворец Наций (Palais des Nations) в Женеве. Комитет действовал на основе консенсуса, то есть с единогласного согласия всех его членов. Его секретарем был сотрудник секретариата ООН в Нью-Йорке канадец Билл Эпстайн, который возглавлял в нем Отдел по разоружению.

В Комитет входило по пять представителей от каждого блока — Варшавского договора и НАТО. От первого в комитет вошли Советский Союз, Польша, Чехословакия, Румыния и Болгария. Советскую делегацию возглавлял заместитель министра иностранных дел В.А. Зорин, входили в нее А.А. Рошин, генерал А.А. Грызлов (он был тогда помощником начальника Генерального штаба, а во время войны, еще будучи полковником, вел карту военных действий на всех фронтах и почти ежедневно докладывал ее Сталину), Л.И. Менделевич и другие. Я был по указанию Зорина вызван из Нью-Йорка, где тогда работал в представительстве при ООН, и тоже присоединился к делегации.

По дороге из Москвы в Женеву (а ехали мы поездом) делегация остановилась в Праге, чтобы согласовать тактическую линию на заседаниях Комитета 10-ти с руководством Чехословакии. Очевидно, прошли консультации и с другими соцстранами, как это было тогда принято, но я не помню, как они были организованы, скорее всего, они были проведены по дипломатическим каналам, то есть через наших послов в соответствующих столицах.

Комитет проработал с марта по конец июня 1960 г. За это время состоялись два раунда переговоров с коротким перерывом, когда делегации вернулись в свои столицы для получения дополнительных инструкций от

правительств. Переговоры проходили очень трудно, поскольку делегации соцстран делали упор на меры разоружения, а западные страны — на международный контроль.

В воскресенье 26 или 27 июня после прогулки за городом мы вместе с Грызловым и Менделевичем сидели в женевском кафе и пили пиво. Было около 5 или 6 часов вечера. Неожиданно появился один из сотрудников делегации (как он нас нашел, до сих пор не могу понять) и сказал, что нам следует немедленно явиться в советское представительство. Приезжаем, и Зорин дает нам прочесть срочную шифртелеграмму из Москвы, содержащую указание на ближайшем же заседании комитета сделать заявление о том, что деятельность комитета представляет собой «ширму для прикрытия гонки вооружений» и потребовать закрытия его сессии. Сообщалось также, что делегации других соцстран тоже должны получить аналогичные указания, но что поскольку это может потребовать большего времени, нашей делегации поручалось немедленно информировать их и предложить им действовать в комитете совместно с нами. Члены нашей делегации были распределены по делегациям других соцстран, и мне досталась делегация Польши, руководитель которой заместитель министра иностранных дел Мариан Нашковски должен был председательствовать на ближайшем заседании, назначенном на понедельник. Я довольно быстро разыскал его, и мы договорились, что он сначала предоставит слово делегациям соцстран, после этого закроет заседание и объявит о завершении сессии комитета.

Так и произошло на следующий день. Это вызвало гневные (и во многом справедливые) протесты западных делегаций, особенно французской, которую возглавлял бывший министр внутренних дел и в течение недолгого времени (кажется, около 10 дней) премьер-министр Франции социалист Жюль Мок. Когда мы покидали зал заседаний, Мок кричал нам вдогонку: хулиганы, бандиты (О Моке я еще расскажу отдельно).

О том, что послужило причиной полученных нами указаний, мы узнали только по возвращении в Москву. Оказалось, что в это время в Бухаресте проходило заседание Политического консультативного комитета Вар-

шавского договора, и на нем Хрущев ни с того, ни с чего учинил очередной *выверт*: предложил закрыть Женевский комитет 10-ти. Почему — один Бог ведает.

Стало быть, — протестант

После смерти Сталина, ликвидации Берия и его ближайшего окружения и отстранения от власти Г.М. Маленкова, руководящее положение в государстве захватил Хрущев. При нем, примерно с конца 1953 — начала 1954 г., после долгих лет нашей самоизоляции, начался выход страны на международную арену. В Москву приехал первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, зачастили и другие крупные деятели из разных стран, стали выезжать за границу и наши делегации. Сам Хрущев совершил визит в Белград (в 1955 г.), чтобы поправить отношения с Иосипом Броз Тито, которые были испорчены Сталиным.

В 1956 г. в Москву попросился представитель Франции по разоружению Жюль Мок, которому нашим руководством было решено оказать теплое гостеприимство, в том числе организовать большую поездку по стране. В тот период Франция не имела еще ядерного оружия и выступала с довольно гибких позиций в ядерных делах. Когда в 1954 г. был учрежден Подкомитет Комиссии ООН по разоружению в составе пяти стран (СССР, США, Великобритании, Франции и Канады), то Мок пытался искать компромиссные пути решения ядерной проблемы. Так, он объявил, что «более не существует плана “Баруха”», а в июне 1954 г. Франция вместе с Великобританией внесла известный англо-французский меморандум, в котором предлагался проект договора по разоружению из двух этапов, сочетавший поэтапное решение вопросов сокращения и уничтожения как обычных, так и ядерных вооружений.

Советский Союз оперативно откликнулся на этот меморандум, заявив о готовности взять его за основу для обсуждения вопроса о разоружении, а затем, выдвинув свое также хорошо известное контрпредложение от 10 мая 1955 г. (в разработке которого и в его последующем обсуждении мне довелось участвовать). В результате в эти годы в «Лондонском подкомитете» (так он назы-

вался по месту проведения его заседаний) проходили довольно продуктивные обсуждения, которым, однако, не суждено было привести к каким-либо положительным результатам, хотя американским представителем Гарольдом Стассеном к этому прилагались немалые позитивные усилия. Но в дело в середине 1957 г. вмешался госсекретарь США Джон Фостер Даллес, по указанию которого американская делегация совершила беспрецедентный шаг, отозвав назад свои предложения, содержавшие немало конструктивных элементов. На этом лондонский этап рассмотрения проблемы разоружения, продолжавшийся около трех лет, бесславно завершился. Тем самым был (в который раз!) упущен хороший шанс сдвинуть с мертвой точки решение этой проблемы.

Так вот, именно в период работы «Лондонского подкомитета», и было направлено приглашение Жюль Моку посетить Советский Союз. Моку тогда было 63 года. В нашей стране он бывал и раньше — до войны по каким-то делам или в качестве туриста. Человек остроумный, а нередко довольно язвительный, он рассказывал, что ему тогда все время показывали Московский метрополитен, который в то время только что вступил в строй. По этому поводу он выражался так: *Un peu trop de Metro!*

Отец Мока по делам тоже приезжал в Москву — еще в царское время. Жюль Мок рассказал мне о таком случае, произошедшем с его отцом, когда тот явился к русскому консулу в Париже за получением визы. Консул попросил его заполнить небольшую анкету, сказав, что после этого он тут же проставит визу в паспорте. Мок старший стал ее заполнять, но вдруг споткнулся, когда дело дошло до заполнения графы о вероисповедании. Он был иудейского вероисповедания и наотрез отказался от того, чтобы проставить в анкете свою принадлежность к этой вере. При этом Мок ссылаясь на то, что во Франции не принято это делать. Возник спор, который продолжался некоторое время. В конце концов Мок сказал: я протестую против вашего требования! Ну что ж, — ответил консул с улыбкой, чтобы прекратить спор, — проставим в этой графе, что вы протестант.

Жюль Мок пожелал приехать в Москву с женой в августе—сентябре, как я уже сказал, 1956 г. Меня вызвал

мой начальник заведующий Отделом международных организаций С.К. Царапкин и поручил мне всю организацию визита, включая и сопровождение Мока в его поездке по стране. Он сказал при этом, что «все карты в моих руках», поскольку я занимаюсь и проблемой разоружения, и знаю французский язык. Действительно, это так и было, хотя с тех пор мои знания этого языка сильно поубавились. Но я стал отказываться, так как у меня уже были на руках две путевки в санаторий МИД «Сосновая роща», что в Мисхоре (около Ялты). Но Царапкин настоял на своем, и мне пришлось подчиниться, я сдал одну путевку, и жена поехала в Крым одна, а я занялся подготовкой визита Мока.

Вначале составил программу (кажется, на три или четыре недели, точно не помню). В соответствии с полученным указанием сделал ее *идейно выдержанной*, так, например, предусмотрел посещение в Москве Музея Революции. Была также предложена поездка в подмосковный Обнинск, где в июне 1954 г. была пущена в эксплуатацию первая в мире атомная электростанция. Поездка по стране включала посещение Ленинграда с пригородами, Ташкента, Самарканда, Баку и Сочи. Программа была утверждена начальством, и я по спецтелефону ВЧ обзвонил все местное руководство, чтобы предупредить о предстоящем визите важного гостя. И, действительно, благодаря этому на местах все было должным образом приготовлено. Вся же техническая сторона — билеты на поезд и самолет, заказ номеров в гостиницах и т. д. — была, слава Богу, поручена всесоюзному объединению Интурист.

По приезде Мок с программой согласился, но вычеркнул Музей Революции и попросил сменить Баку на Тбилиси. Я доложил об этом начальству, которое не возражало против исключения музея, но заявило о невозможности поездки в Тбилиси, по какой причине — мне не сказали. Моку пришлось с этим согласиться.

В ходе визита он оказался в основном добродушным и любознательным человеком, но иногда был вспыльчив и даже вздорен. Время от времени возникали трения, и мне удавалось их погашать только при посредстве его жены Жермены, которая была женщиной совершенно выдающейся и к тому же покладистой. Она была первой

женщиной — судьей во Франции. Царствие ей Небесное.

В Ленинграде сопровождение Мока было поручено главному архитектору города Игорю Ивановичу Фомину, сыну знаменитого архитектора Ивана Фомина. С Игорем мы близко познакомились, и позднее он приезжал в Москву, где мы встречались, а я к нему ездил в Ленинград. Это тот самый Фомин, благодаря которому в 1966 г. Анну Ахматову оказалось возможным похоронить именно в том месте кладбища в Комарове под Ленинградом, которое было выбрано ее друзьями и родственниками (местное начальство против этого почему-то возражало).

В Ташкенте Мок пожелал выступить по местному радио. Он немного говорил по-русски, и я помог ему в редактировании текста. Мок в выступлении сказал много хороших слов о важности советско-французских отношений и необходимости разоружения и в заключение произнес, сильно грассируя: Миру мир!

Самарканд произвел на всех нас неизгладимое впечатление, а в Баку запомнился торжественный обед, в котором принял участие знаменитый тенор Бейбутов, исполнивший несколько произведений. Его голос был несколько сладковатый, и нам не очень понравился.

По возвращении в Москву Жюль Мок неожиданно объявил, что хотел бы все же побывать в Музее Революции. Это было быстро организовано, и даже была выделена женщина-экскурсовод с отличным знанием французского языка. Пройдя несколько залов музея, Мок остановился в том зале, который был посвящен подготовке к вооруженному восстанию в октябре 1917 г. Он внимательно осмотрел довольно жалкие экспонаты и обратил внимание на висевший в рамке на стене большой графический рисунок, на котором было изображено заседание Военно-революционного комитета, занимавшегося подготовкой восстания. Внимательно рассмотрев его, Мок спросил: «Почему здесь нет Троцкого»? Экскурсовод замешкалась, а Мок объявил, что дальше по музею он не пойдет. Спустившись вниз, он попросил провести его к директору музея, которой в резкой форме заявил, что музей занимается фальсификацией истории, и покинул здание.

Мне, конечно, стало ясно, что он намеренно устроил весь этот спектакль. Он неплохо знал историю России и ее революционное прошлое, к посещению музея, видимо, подготовился и, разумеется, предполагал, что роль Троцкого в нем не будет отражена.

После возвращения во Францию, Мок довольно быстро написал книгу о своей поездке под названием «Взгляд на СССР открытым взором»¹. В ней он посвятил мне страницу или больше, где, не называя моего имени, написал, что его сопровождал молодой дипломат, человек в общем хороший, но имеющий один большой недостаток: он безгранично верит тому, что печатается в «Правде».

А дело было в том, что тогда (в 1956 г.) назревал серьезный кризис на Ближнем Востоке. Президент Египта Насер национализировал Суэцкий канал, принадлежавший англо-французской частной компании. В отместку эта компания отозвала лоцманов, проводивших суда по каналу, так как сами египтяне достаточного числа таких специалистов не имели. На помощь Насеру пришли Советский Союз и некоторые другие страны, направившие в Египет своих опытных лоцманов.

Обо всем этом в ходе поездки я рассказывал Моку и его жене, так как другой информацией, кроме того, что печаталась в центральной советской прессе, я не располагал, а мой подопечный, естественно, интересовался происходящим в мире. И когда я перевел ему заметку из «Правды» об отзыве французских лоцманов, он был крайне возмущен этим сообщением, заявив, что такого не может быть, поскольку подобного рода решения могут приниматься только с согласия французского парламента, а он, Мок, уверен, что такого решения его парламент никогда не примет. Я с ним спорить не стал, но совершенно очевидно, как я убедился по возвращении в Москву, что французские лоцманы были отозваны, а кризис на Ближнем Востоке продолжал свою эскалацию.

В целом визит Мока, как мне представляется, был удачным. Позже я не раз встречался с Жюль Моком и его женой в Нью-Йорке и в Женеве.

¹ Moch Jules. U.R.S.S: Les yeux ouverts. P., 1956.

Игры в стиле ООН

С Андреем Януарьевичем Вышинским я неоднократно встречался в 1949—1953 гг., когда он был министром иностранных дел. Министр с большим вниманием относился к деятельности ООН и регулярно участвовал в заседаниях Генеральной Ассамблеи в качестве главы советской делегации. Понятно, что и в Москве он живо интересовался работой Отдела по делам ООН, предшественника Отдела международных организаций, и даже сам проводил производственные совещания сотрудников отдела, вызывая всех, в том числе и меня — самого молодого — в свой министерский кабинет.

При мне министр приезжал в Нью-Йорк на сессии Генассамблеи в 1950 и 1952 гг. (сессия 1951 г. проходила в Париже, в ней я не участвовал). Видимо, Вышинский обратил внимание на меня, так как в 1950 г. я был назначен старшим группы письменных переводчиков, в которую вошли хорошо знающие английский язык дипломаты, вызванные из Вашингтона и Оттавы. Некоторые из них были намного старше меня.

На нас была возложена задача переводить тексты выступлений представителей различных стран с тем, чтобы министр мог с ними ознакомиться и при необходимости дать ответ. Это он очень любил делать. Вообще говоря, он был отличным оратором-полемистом. Вот один пример. Однажды министр иностранных дел Ливана Чарльз (Шарль) Малик, по первоначальной профессии профессор философии, обрушился на Советский Союз с какими-то обвинениями. Вышинский тут же попросил слова и произнес под гром аплодисментов известное место из стихотворения Генриха Гейне:

Семьдесят семь профессоров,
И, Отечество, Ты погибло!¹

¹ Sieben und Siebzig Professoren,
Vaterland, du bist Verloren!

Ни тогда, ни сейчас немецкий язык не является официальным языком ООН. Но один из устных переводчиков, сидящих в будках, перевел его на один из официальных языков, а другие — на остальные языки.

Переводчики обычно работали по вечерам и даже ночам с тем, чтобы Вышинский мог вовремя ознакомиться с переводами выступлений. На меня была возложена ответственность за правильность переводов, и вот как-то ночью меня будят: вызывает министр. Я тут же оделся и явился к нему, и он отчитал меня за то, что какое-то место в выступлении югославского представителя, по его мнению, было переведено неправильно. Это, действительно, было так. Министр сравнительно мягко пожурил меня, и я заверил его, что такая оплошность больше не повторится. Я уже собирался уходить, но он задержал меня и вызвал другого подчиненного, который дожидался своей очереди в приемной.

Им оказался Юрий (Георгий) Павлович Францев, заведующий Отделом печати МИД, который до этого был директором МГИМО в мою бытность студентом института. Ю.П. был глубоко уважаемым студентами и всеми, кто его знал, человеком, звали мы его за глаза «папой Юрой». И в моем присутствии Вышинский в самой грубой форме стал его распекать и даже кричать на него. Затем он схватил лежавший на письменном столе документ, который был подготовлен Францевым, и с силой бросил его через весь кабинет, и Ю.П. пришлось побежать за ним. А кабинет был очень большим, длиной, может быть, в 20 метров. Это был самый большой зал виллы нашего представительства в Гленкове.

Меня пробил пот от изуверского отношения Вышинского к глубоко уважаемому и совсем немолодому и грузному человеку. Потом я часто вспоминал этот случай, когда больше узнал о чудовищных, кровавых делах Вышинского во время его пребывания на посту генерального прокурора в период сталинских репрессий 1930-х гг.

Еще один эпизод в моей жизни, связанный с Вышинским. В июне 1950 г. развернулась корейская война. Ее, конечно, как известно, начал руководитель Северной Кореи Ким Ир Сен, вторгшийся в Южную Корею с согласия Сталина и Мао Цзедуна. Но наша дипломатия и пропагандистская машина изо всех сил старались доказать, что войну будто бы спровоцировал Ли Сын Ман, руководитель Южной Кореи, который якобы сам первым вторгся в Северную Корею.

Я тогда вел в представительстве корейский вопрос, и мне было поручено собирать материалы и составлять досье с уклоном на то, что во всем виновата Южная Корея. Это, конечно, было совсем не простым делом, но я все же подготовил довольно много различных материалов. Когда осенью на сессию ООН прибыла делегация из Москвы, то мне были переданы и те материалы, которые были подготовлены в МИД. Все эти материалы я должным образом систематизировал, и накопилось больше 30 папок.

Первым выступал государственный секретарь США Дин Ачесон, который в своей речи, продолжавшейся 2 часа 40 мин. (я точно замерил то время, что он говорил), обрушил все обвинения на Северную Корею, а также и на Советский Союз и Китайскую Народную Республику (СССР направил на помощь КНДР свою авиацию, а КНР — *китайских народных добровольцев*). Вышинский смолчал и по возвращении в Гленков поручил мне расположить все мои досье по корейскому вопросу в определенном порядке в своем домашнем кабинете прямо на ковре, лежащем на полу, что я и сделал. Министр заперся на два-три дня и самолично диктовал выступление своей стенографистке.

После того как речь была подготовлена, мне только оставалось проверить точность всех конкретных данных, дат и фактов. Выступление свое он не без блеска произнес в ООН, и продолжалась оно ровно на час больше, чем речь Ачесона — 3 часа 40 мин.

Еще один *анекдот* о моих контактах с А.Я. Вышинским. Дело было в том же Гленкове. Он неплохо играл в русский бильярд и предложил сыграть с ним как-то в свободное время поздно вечером одну-две партии. Но первая партия сложилась не в его пользу. Мне неожиданно стало удивительно везти, и счет быстро достиг критической точки: 7 : 0 в мою пользу, а игра в «американку» (сейчас ее, кажется, называют русской пирамидой) идет до 8 выигранных шаров, причем случайно залетевшие в лузу шары — «дураки» — тоже засчитываются. Но тут ко мне подошел личный врач министра и шепнул на ухо, что я непременно должен проиграть, иначе Вышинскому может стать плохо, поскольку он сильно переживает свои поражения, и ему — врачу — «придется

с ним ночью долго возиться». Не знаю уж как, но мне все же удалось проиграть эту партию. Естественно, проиграл я министру и вторую партию.

И, наконец, последний эпизод. После смерти Сталина министром иностранных дел снова стал В.М. Молотов, а Вышинский был понижен в должности до поста первого замминистра и постоянного представителя в ООН. В конце 1954 г. он неожиданно скончался в Нью-Йорке, тело его доставили в Москву и были устроены довольно пышные похороны. Его гроб, а потом урна с прахом были установлены в Доме Союзов, где состоялось прощание с покойником, а потом урну захоронили в Кремлевской стене. К этому времени я уже возвратился в Москву и работал в МИД. Мне была оказана честь: я вместе с кем-то нес огромный венок от Дома Союзов до Красной площади.

«И жен тоже...»

Предыдущие рассказы из моей жизни о встречах с Вышинским подводит меня к воспоминаниям о В.М. Молотове. Лично я с ним не общался, но отдельные контакты — очные или заочные — с ним имел. Через некоторое время после его повторного назначения министром он в 1954 г. созвал Коллегию министерства, на которую были приглашены все молодые сотрудники МИД, в основном выпускники МГИМО. Собралось нас в зале коллегии министерства человек 50—60.

Молотов выступил с большой речью, обращенной не только к молодежи, но и к членам Коллегии и своим приближенным. Главное, что он сказал, это то, каким он видит дипломата. Дипломат, сказал он, должен обладать следующими основными качествами: быть профессионалом, интеллигентом (на что он особенно напирал) и хорошо понимать и уметь отстаивать государственные интересы страны. Словесной демагогией о марксизме, коммунизме и тому подобном он не занимался.

Мне его выступление надолго запомнилось, я и по сей день убежден в разумности такого понимания необходимых качеств дипломата. Кстати, тем же принципам меня учил мой непосредственный шеф К.В. Новиков, о чем я уже рассказывал. А нынешние разговоры (напри-

мер, окружения президента) о важности создания благоприятного *имиджа* России считаю пустым звуком. Если страна сильна и могуча во всех отношениях и проводит достойную политику, то ее так называемый *имидж* и без потуг дипломатов и *политтехнологов* будет велик, а попытки его создать на пустом месте ни к чему не приведут.

После увольнения Молотова в 1957 г. из-за его участия в так называемой антипартийной группировке вместе с Г.М. Маленковым, Л.М. Кагановичем, и «примкнувшим к ним» Шепиловым он был назначен послом в Монголию. По всей вероятности, Хрущев просто боялся его присутствия в Москве.

Для подготовки к новому назначению Молотову был предоставлен солидный кабинет на 7 министерском этаже МИД и к нему был направлен сотрудник Управления кадров — мой приятель Анатолий Ж. с необходимыми бумагами, в том числе с анкетой, которые заполняли все дипломаты, выезжающие за границу. Как мне рассказывал Анатолий, Молотов взглянул на многостраничную анкету и сказал, что не может ее заполнить, поскольку в ней были графы (вроде таких: где бывал, сколько раз выезжал за границу и по какому поводу, в каких партиях состоял, был ли на оккупированных гитлеровцами территориях и т. д. и т. п.), на которые он ответа дать не может из-за того, что просто не помнит многих фактов из своей долгой жизни. Кто составлял такую анкету? — с удивлением и упреком спросил В.М. Да ведь вы сами утвердили форму анкеты, — ответил Анатолий, — посмотрите: в верхнем углу справа указано, что форма утверждена вами (в пору, когда он занимал министерское кресло). Не знаю уж как, но Молотов с помощью кадровика с грехом пополам кое-как заполнил анкету, и новоиспеченный посол отбыл в Улан-Батор.

В.М. пробыл в Монголии два или три года. Не знаю, как у него сложились отношения с монгольским руководством, но с сотрудниками нашего посольства дела пошли из рук вон плохо. Они, как мне рассказывали те, кто работал тогда в Улан-Баторе, отлично знали прошлое Молотова и, в частности, такой широко известный факт 30-х гг.

Молотову принесли на согласование список ответственных работников партии и правительства, уже подписанный Сталиным, которых приговорили к тюремному заключению на десятилетний срок (это на тогдашнем языке означало расстрел с незамедлительным исполнением). Молотов поставил на документе свою визу, приписав из угодничества перед Сталиным: «и жен тоже». Потом и ему самому уже после войны от Сталина досталось (но не за это), когда Сталин и Берия арестовали жену Молотова Полину Семеновну Жемчужину.

После Улан-Батора встал вопрос, куда Молотова направлять послом, поскольку Н.С. Хрущев никак не хотел, чтобы тот возвращался в Москву. Выбрали Нидерланды в связи с тем, что заканчивался срок пребывания в Гааге предыдущего посла. Москва запросила агреман (согласие) на назначение Молотова, но голландцы отказались его принять, ссылаясь — и вполне справедливо — на то, что предлагаемый Москвой дипломат не пользуется доверием своего собственного правительства.

Сообщение об отказе выдать агреман пришло, когда Н.С. находился в Австрии с официальным визитом. Это было в 1960 г. Хрущев вызвал сопровождавшего его в поездке А.А. Громыко, и спросил, что делать. Далее следует рассказ Л.М. Замятина, который тогда работал постоянным представителем при МАГАТЭ в Вене. Леонид Митрофанович поведал об этом мне, когда мы долго ждали своего багажа в VIP салоне Шереметьевского аэропорта (Замятин в то время был послом в Лондоне, а я — постпредом при международных организациях в Вене).

Меня, рассказывал Замятин, вызывает Громыко и говорит, чтобы я быстро собрался и возвратился в Москву. Я, конечно, был огорчен, потому что пробыл на своем посту всего около двух лет и не знал за собой никаких грехов. Но когда уже выходил из кабинета министра, тот окликнул меня и сказал, чтобы я по приезде в Москву тут же зашел к нему. И я понял, что Громыко против меня ничего не имеет. Действительно, в Москве я получил лестное назначение на должность заведующего Отделом печати.

Уже позже, — завершил свой рассказ Замятин, — я узнал, что послужило причиной моего отъезда из Вены.

Когда Хрущев спросил Громыко, что делать с Молотовым, тот предложил назначить опального дипломата постпредом при МАГАТЭ, поскольку в данном случае не требуется получение агремана, а достаточно выдать ему соответствующие полномочия, которые не требуют согласия принимающей стороны, и только.

Молотов пробыл в Вене года полтора или немного больше, а потом вышел в полную отставку. В Австрии, как рассказывают, к нему относились неплохо. Он имел обыкновение вместе с супругой чуть ли не ежедневно после окончания рабочего дня прогуливаться по Пратеру — широко известному городскому парку. Многие австрийцы узнавали его и раскланивались с ним. Он тоже отвечал поклоном головы. Дело ведь в том, что именно Молотов в 1955 г. подписал вместе с союзниками по антигитлеровской коалиции Государственный договор, по которому прекращалась оккупация Австрии, страна получала независимость и объявлялся ее нейтралитет.

Комитет 18-ти

Как уже было рассказано, в июне 1960 г. Женевский комитет 10-ти государств по разоружению прекратил свое существование по необоснованному требованию СССР и других соцстран. При этом советская пропагандистская машина изо всех сил трубила о том, что именно западные страны сорвали работу комитета. После того, как по договоренности между США и Советским Союзом в 1961 г. было разработано совместное заявление о принципах достижения разоружения, известное как Заявление Зорина—Макклоя, встал вопрос о создании нового переговорного органа по разоружению. Под напором других стран было решено расширить состав прежнего комитета, включив в него, кроме блоковых государств, также и восемь неприсоединившихся и нейтральных стран.

Переговоры между Советским Союзом и США проходили осенью 1961 г. в Нью-Йорке во время очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Советскую сторону представлял В.А. Зорин, постпред при ООН (которому мне довелось помогать: вести записи бесед, готовить

проекты телеграмм в МИД и т. д.), а американскую — тоже представитель своей страны при ООН Эдлай Стивенсон.

(В скобках замечу, что Стивенсон был крупным деятелем демократической партии и в 1952 г. баллотировался в президенты США против Дуайта Эйзенхауэра. В это время моя жена находилась в роддоме, и одна медсестра — сторонница Стивенсона — все время говорила ей, что он такой хороший и бедный человек и будет помогать обездоленным. В доказательство этого она ссылалась на то, что у него даже до дыр протерлись подошвы ботинок — именно так Стивенсона показывали по телевизору. Но это ему тем не менее не помогло, и он проиграл на выборах. Конечно же, Стивенсон был достаточно состоятельным человеком).

Переговоры относительно подбора неприсоединившихся и нейтральных стран для включения в комитет по разоружению продолжались долго — несколько недель и, может быть, даже дольше, поскольку обе стороны стремились включить такие страны, которые в своей политике были ближе к ним. В конце концов, договоренность была достигнута, и состав комитета был окончательно согласован и получил одобрение Генассамблеи ООН. Его стали называть Комитет 18-ти государств по разоружению, по-английски: Eighteen Nation Disarmament Committee, а сокращенно: ENDC. За свое долгое существование он выработал ряд важных международных соглашений, в том числе Договор о нераспространении ядерного оружия в 1968 г. В 1978 г. комитет был расширен до 40 членов, а сейчас насчитывает уже 65 участников, но в течение последних десяти лет его деятельность не приносит никаких результатов. Впрочем, это происходит, разумеется, не по вине самого комитета, а из-за отсутствия надлежащей политической воли у правительств тех государств, которые в него входят.

Карибский кризис

В октябре 1962 г. разразился так называемый Карибский кризис (американцы называют его: Кубинский ракетный кризис — Cuban Missile Crisis). Тогда я работал в

Нью-Йорке советником нашего представительства при ООН. Это был самый острый ракетно-ядерный кризис за все долгое время холодной войны между СССР и США. Мир оказался на грани войны, притом ядерной. Именно только тогда обе стороны и весь мир в полной мере осознали, что собой представляет ядерное оружие. Имея в своих арсеналах уже сотни и тысячи единиц этого оружия и средств его доставки, они, наконец-то, поняли, что это, собственно говоря, не есть оружие, способное поставить на колени противоположную сторону, так как его залповое применение одной стороной может нанести непоправимый ущерб и другой стороне, да и миру в целом, а так называемый *случайный* или *несанкционированный* пуск может вызвать эскалацию конфликта и тоже привести к всеобщей ядерной войне с теми же катастрофическими результатами.

Некоторые военные — и наши, и иностранные — обычно возражают против подобной логики, но ведь никогда такое развитие событий не было опробовано, и бездоказательное утверждение о возможности *малого, не всеобщего* ядерного конфликта, говоря юридическим языком, является ничтожным.

Суть Карибского кризиса вкратце состояла в том, что Хрушев приказал тайно доставить на Кубу несколько десятков ракет с ядерными боеголовками, способных поразить Америку (надежных межконтинентальных ракет у нас тогда или не было, или было совсем мало, а США имели, кроме МБР, и тактические ракеты в Европе, нацеленные на советскую территорию). Соединенные Штаты, узнав с помощью аэрофотосъемки о нахождении на *Острове свободы* ядерных ракет, настояли на вывозе ракет из Кубы, взамен дав гарантии ненападения на нее. Хрущеву пришлось с этим согласиться. О Карибском кризисе написано сотни книг, я же расскажу только о том, что в то время происходило в ООН.

Мы в Нью-Йорке не знали о доставке на Кубу ядерных ракет. (У меня был допуск к шифрпереписке по кубинской проблеме, впрочем, не могу утверждать, что мой шеф Зорин тоже ничего не знал, поскольку некоторые телеграммы адресуются под особым грифом только послу, и он может не разметить их для ознакомления своим сотрудникам). Но в тех сообщениях из Москвы,

которые я читал, содержались указания отрицать присутствие наших ракет на Кубе.

По требованию США было созвано экстренное заседание Совета Безопасности. Оно было назначено на 3 часа дня. Стало известно, что американцы к нему тщательно подготовились, развесив в зале Совета аэрофотоснимки, на которых было видно, где размещены советские ракеты. Мы в представительстве подготовили для Зорина выступление, в котором безосновательно утверждалось, что ракет на Кубе нет.

В ООН царила паника, работа в секретариате практически прекратилась, его сотрудники и представители многих стран старались проникнуть в переполненный зал Совета Безопасности, чтобы присутствовать на его заседании.

Около 12 часов дня меня вызвал к себе Зорин. (Квартира его находилась на последнем этаже здания представительства). Посол был в постели и чувствовал себя очень плохо — так с ним иногда случалось, даже были обмороки при сильных стрессах. Поскольку заместителя постпреда П.Д. Морозова никак не могли разыскать, Зорин поручил мне представлять Советский Союз и передал мне текст нашего выступления. Но спустя некоторое время он, немного отдышавшись, все же нашел в себе силы поехать на заседание: Зорин был весьма ответственным человеком.

На заседании Совета Стивенсон учинил полное судилище над нами. Зорин как мог отбивался, но переубедить американцев, конечно, не удалось. Правда на этот раз была на их стороне: Хрущев вскоре признал наличие советских ядерных ракет на Кубе и вывел их оттуда. А Зорина через некоторое время отозвали в Москву, поскольку в дипломатической практике не принято оставлять на своем посту посла, который публично говорит неправду. Но спустя немного времени Зорина назначили послом в Париж.

Для полного завершения урегулирования Карибского кризиса и оформления необходимых договоренностей через ООН в конце 1962 г. в Нью-Йорк прибыл первый заместитель министра иностранных дел В.В. Кузнецов. Я ему помогал в некоторых делах, связанных с урегулированием кубинской проблемы. В период пребывания

Кузнецова как-то ночью меня будят и сообщают, что американское Федеральное бюро расследования (ФБР) — аналог нашего КГБ, а теперь ФСБ — арестовало двух работников нашего представительства, и надо их выручать (такая функция заранее была возложена на меня). Я приехал в Нью-Йоркское отделение ФБР, тогда размещавшееся на углу 69-й улицы и 3-й авеню (сейчас это жилой дом, и много позднее, лет через 25, я в нем даже жил), меня провели в кабинет директора, который задал мне вопрос: задержанные являются сотрудниками представительства? Я подтвердил их принадлежность к представительству и их дипломатический статус. Американец сказал, что они пойманы с поличным во время получения разведывательных сведений и должны незамедлительно покинуть США. Вид у наших ребят был плачевный, они были сильно перевязаны бинтами. Видимо, пытались оказывать сопротивление, и их порядочно избили. Когда мы выходили, собралась куча журналистов, и наши фотографии попали в утренние газеты.

Через некоторое время я зашел к В.В. Кузнецову и рассказал о случившемся. Он при мне вызвал резидента ГРУ и устроил ему сильнейшую выволочку. Мы только что миновали серьезнейший кризис, мир чуть-чуть не оказался на грани войны, почти кричал на адмирала вечно спокойный и уравновешенный Кузнецов, а вы тут устраиваете всяческие авантюры! Вскоре резидент был отозван.

Дипломат-литератор

В Нью-Йорк после отъезда Зорина постпредом назначили Н.Т. Федоренко. Этот последний был весьма представительным и даже франтоватым мужчиной, в верхнем наружном кармашке пиджака непременно носил яркий платок, который висел вниз сантиметров на десять, а то и больше. Он сделал большую карьеру в МИД главным образом благодаря своему хорошему знанию китайского языка и Китая вообще. На него обратил внимание еще Сталин, когда в начале 1950 г. принимал Мао Цзедуну в Москве. Беседы между ними переводил и записывал Федоренко. Он даже был избран членом-кор-

респондентом АН СССР за свои книги по Китаю. Но на посту постпреда в ООН Федоренко ничем не отличился. Мне все время казалось, что его основной интерес состоял в китайских «студиях» и различных литературных или окололитературных изысках. Отношения с ним у меня не сложились, я вскоре вернулся в Москву, пробыв в этот заезд в Нью-Йорке более пяти лет, и совершенно забыл о существовании Федоренко.

Проработав в Нью-Йорке несколько лет, Федоренко по возвращении на родину покинул МИД (или его «покинули», поскольку, как мне рассказывали, у него возникли какие-то трения с А.Н. Косыгиным) и стал главным редактором журнала «Иностранная литература».

Где-то во второй половине 1970-х гг. мы встретились с ним вновь, и вот по какому поводу. Вице-президент АН академик А.П. Виноградов, выдающийся химик, директор Института геохимии и аналитической химии и активный участник советского атомного проекта, пригласил меня к себе перед поездкой группы наших ученых на международную научную конференцию по вопросам мира и разоружения для того, чтобы ученые были проинформированы о последних веяниях в советской политике по этим вопросам. Войдя в его кабинет в главном здании президиума АН (Ленинский пр., 14), я увидел группу крупных ученых, некоторых из которых знал лично. Среди них оказался и Федоренко, также входивший в эту группу.

Моя задача, как я сказал, заключалась в том, чтобы ознакомить ученых с официальной позицией советского правительства по проблеме разоружения. Но это оказалось делом непростым, поскольку первым взял слово Федоренко и стал говорить и говорить, и все не по делу и все не на тему. Виноградов несколько раз пытался его остановить, но тот продолжал распространяться по разным не относящимся к делу вопросам. Мне показалось, что Федоренко страдает *недержанием речи*. В конце концов, А.П. был вынужден даже прикрикнуть на Федоренко, чтобы остановить поток его слов. Мое же выступление оказалось скомканным, поскольку у Виноградова не оставалось времени: он спешил на другое совещание.

В дальнейшем, как мне рассказывали, после смерти жены Федоренко женился на своей сотруднице по жур-

налу, болгарке по национальности, и уехал в Болгарию. Скончался он в октябре 2000 г. в Болгарии.

Тайные знаки

В 1963 г. меня командировали в Женеву для участия в работе Комитета 18-ти государств по разоружению и вот по какому поводу.

После завершения Карибского кризиса октября 1962 г. обе стороны — Соединенные Штаты и Советский Союз — довольно быстро пришли к выводу о необходимости по мере возможности выправить отношения между собой. Для этого по ряду причин была выбрана проблема прекращения ядерных испытаний в атмосфере. Проблема эта была не новая. Еще в 1954 г., после американского испытания водородной бомбы в Тихом океане, из-за неправильного предсказания погоды гидрометеорологами, радиоактивное облако направилось в другую сторону и выпало на японское рыболовное судно «Фукурю-Мару», в результате чего погиб один и сильно облучились другие японские моряки-рыболовы. Именно тогда премьер-министр Индии Джавахарлал Неру впервые поднял перед мировым сообществом вопрос о прекращении ядерных испытаний.

В 1958 г. Советский Союз после серии воздушных испытаний в одностороннем порядке объявил о моратории на ядерные взрывы, в июле—августе того же года в Женеве состоялось международное совещание экспертов для установления возможности международного контроля за запрещением испытаний, а в октябре там же начались переговоры по этой проблеме между тремя державами — Советским Союзом, Соединенными Штатами и Великобританией. Ими был объявлен и мораторий на ядерные взрывы, продолжавшийся несколько лет. Мне в трехсторонних переговорах не довелось участвовать, так как я работал тогда в Нью-Йорке, но в 1960 г. приезжал в Женеву на заседания Комитета 10-ти государств по разоружению и имел возможность познакомиться с ходом переговоров между тремя государствами.

Переговоры о полном прекращении ядерных испытаний продолжались около четырех с половиной лет и завершились ничем из-за невозможности договориться

о контроле за подземными взрывами. В начале января 1963 г. в Нью-Йорке мне довелось присутствовать на последней попытке решения проблемы полного запрещения ядерных взрывов. Спор был о том, сколько инспекций на месте проводить в течение года: США называли семь, а Советский Союз соглашался только на три. В какой-то момент американский представитель посол Артур Дин молча показал пальцами цифру пять, но наш представитель первый заместитель министра иностранных дел В.В. Кузнецов никаких ответных знаков не подавал, и на этом стороны разошлись и переговоры завершились.

Посла Дина, как мне рассказывали, потом обвиняли в Вашингтоне в несанкционированном предложении компромиссного решения. Кузнецова, кажется, никто ни в чем не обвинял. Но мне, как человеку стороннему, находившемуся на беседе двух представителей просто в качестве советника нашей миссии при ООН, все же было поручено МИД конфиденциально сделать запись того, как проходили переговоры в Нью-Йорке. Я написал всю правду, и на этом дело было закрыто.

Конечно, действительной причиной провала многолетних трехсторонних переговоров был не столько спор о трудностях контроля за подземными взрывами и не о том, сколько в год проводить инспекций, а тот фактор, что ни Советский Союз, ни США на деле не были готовы прекратить испытательные взрывы. Тогда уже началась подготовка к созданию компактных ядерных взрывных устройств для разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН) межконтинентальных баллистических ракет и для других целей. При этом нельзя было позволить противнику установить, какого изотопного состава будут такие устройства, а к этому времени обе стороны уже научились с помощью анализа радиоактивных проб, собираемых при участии авиации, узнавать достаточно сведений о составе оружейного ядерного материала противоположной стороны. Поэтому-то у обеих сторон и появилось стремление *уйти под землю* и продолжать проводить подземные взрывы, а от атмосферных отказаться. И США, и СССР, продолжая воздушные, наземные, подводные и косми-

ческие взрывы, стали отрабатывать и взрывы под землей. Первое подземное испытание Советский Союз провел в 1961 г.¹

И еще одна причина первостепенной важности. Все больше и больше ширилось всеобщее движение мировой общественности против радиоактивного заражения атмосферы. Еще ранее, в конце 1950-х гг., по инициативе И.В. Курчатова А.Д. Сахаров опубликовал свою широко известную научную работу, убедительно показывающую опасность для человечества атмосферных ядерных испытаний. Такие исследования проводились и в других странах, а в ООН был даже создан Научный комитет по действию атомной радиации (работу которого мне довелось курировать в качестве советника нашего представительства при ООН).

С учетом всех этих факторов президент США Кеннеди 10 июня 1963 г. выступил в Американском университете в Вашингтоне с предложением относительно заключения соглашения о запрещении ядерных взрывов в трех средах — в атмосфере, в космосе и под водой. Н.С. Хрущев и британский премьер Гарольд Макмиллан с этим согласились, и в Москве в июле—августе состоялись переговоры, завершившиеся 5 августа того же года заключением соответствующего договора. В московских переговорах участия я не принимал, поскольку только что возвратился из длительной командировки в США и деталей проблемы тогда не знал.

Теперь нужно было устроить так, чтобы этот договор стал международным и чтобы его поддержал Комитет 18-ти, а затем и ООН и чтобы к нему присоединились другие государства. С этой целью в Женеве и была проведена в августе 1963 г. сессия этого комитета, в работе которой я участвовал в качестве одного из советников нашего представителя С.К. Царапкина. Сессия была довольно быстро и вполне успешно завершена. Участниками договора со временем стали свыше 130 государств.

¹ Ядерные испытания СССР. Общие характеристики. Цели. Организация ядерных испытаний СССР / Под ред. В.Н. Михайлова. М.: ИздАТ, 1997. С. 150.

Была ли польза реальной?

Спустя несколько месяцев после вступления в силу Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах — в атмосфере, в космосе и под водой МИД получил указание из Кремля подготовить официальное сообщение о том, что радиоактивное заражение атмосферы уже заметно снизилось и продолжает уменьшаться. Это, наверное, потребовалось Хрущеву в качестве наглядного доказательства правоты его позиции по прекращению испытательных ядерных взрывов в атмосфере.

Дело было поручено мне, я подготовил черновой набросок такого сообщения и поехал в Министерство здравоохранения к заместителю министра А.И. Бурназяну, чтобы он дополнил этот проект необходимыми данными. Бурназян курировал вопросы атомной радиации и средств лечения от радиоактивного облучения.

Однако Бурназян, ознакомившись с имеющимися у него данными, заявил, что никакого заметного уменьшения радиоактивного заражения пока не наблюдается и что таково мнение и комитета ООН по атомной радиации. Для снижения уровня радиации нужно более длительное время. Но указание начальства есть указание, и оно должно быть любыми средствами выполнено. Пришлось, манипулируя имеющимися данными, все же показать в официальном сообщении, что Московский договор приносит пользу в плане оздоровления земной атмосферы от радиоактивности. Это сообщение, подготовленное МИД и Минздравом и одобренное ЦК КПСС, было выпущено от имени Академии медицинских наук 17 марта 1964 г.

Интервью с балкона

Теперь о приобретении здания для представительства СССР при ООН. Н.С. Хрущев был в Нью-Йорке дважды — в 1959 г. во время официального визита в США (тогда он и все сопровождавшие его лица были размещены в специальных покоех в отеле «Waldorf Astoria Towers») и в 1960 г., когда он прибыл на сессию Генеральной Ассамблеи ООН на теплоходе «Балтика»

вместе с руководителями других соцстран. Во второй раз Хрущев был размещен в здании нашего представительства на *Park Avenue 680*. Представительство занимало сравнительно небольшое здание, расположенное в весьма престижном районе города, где еще до размещения в нем представительства при ООН находилось советское генеральное консульство в Нью-Йорке.

Это был как раз тот приезд Хрущева в Нью-Йорк, во время которого он прославился на весь мир, когда снял с ноги ботинок и стал стучать по столу в виде протеста против действий председателя Генассамблеи (кстати, вполне справедливых). Я находился в 4—5 метрах от Н.С. и все отлично видел.

Хотя Хрущеву был отведен целый 3-й этаж в здании представительства, ему этого было недостаточно. Человек живой и подвижный, он оказался в замкнутом пространстве. И неслучайно Хрущев не раз выходил — к ужасу своей охраны и охранявших его американских полицейских и агентов в штатском — на расположенный на 2-м этаже балкон здания и даже давал с балкона интервью собиравшимся на тротуаре журналистам.

Наш постпред посол В.А. Зорин, воспользовавшись этой ситуацией, при очередном докладе Хрущеву поставил вопрос о приобретении нового здания для представительства. Хрущев дал на это согласие. Через некоторое время нам было выделено на покупку и оборудование здания 3,5 млн долл. (по тем временам сумма немалая, хотя все же довольно скромная) при условии последующей продажи старого здания не менее чем за 1,2 млн долл.

Как я и ожидал, приобретение здания Зориным было поручено мне без освобождения от основных моих обязанностей. Помогал мне юрист представительства Валентин Сапожников. Кроме того, я пользовался помощью американского юриста, который с давних пор вел юридические дела представительства и отлично знал законы США, — Мартина Поппера.

Поиск подходящего здания по его расположению и другим условиям (а мне нашими соответствующими органами были определены необходимые параметры для обеспечения безопасности здания) занял около шести месяцев. За это время сменилось несколько маклеров

по недвижимости, и каждую субботу и воскресенье я посвящал осмотру предлагаемых ими зданий. Иногда брал с собой жену. Мы много разъезжали по городу и знакомились с предлагаемыми вариантами вместе с молодым маклером по недвижимости Ричардом Кершманом (Richard Kirschman). Со временем мы с ним стали друзьями, о нем речь еще будет впереди.

В конце концов здание подобрал другой маклер в мое отсутствие, когда я выезжал на родину в отпуск. По возвращении я убедился в том, что это здание нам подходит и по цене, и по другим условиям. Одобрил выбор и Зорин. Здание было достроено и переоборудовано для нужд представительства, оно находится по адресу *136 East 67th Street*. Было это в 1961 г. В нем представительство Российской Федерации при ООН размещается и по сей день.

Блестящий переводчик

Когда Н.С. Хрущев совершал поездку по Соединенным Штатам в 1959 г., то перед прибытием в Нью-Йорк ему и, главное, его помощникам потребовалось знать, что происходит на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Мне было поручено как можно быстрее подготовить необходимые материалы и доставить их самолетом в Питсбург (шт. Пенсильвания), куда Хрущев вот-вот должен был прибыть из какого-то другого американского города. Я вовремя прилетел в Питсбург и передал материалы по назначению.

После этого меня пригласили поучаствовать в посещении этого города вместе с советским лидером и сопровождавшими его лицами. В частности, отцами города был организован торжественный обед, на котором Хрущев произнес в своей обычной манере своеобразную, но весьма яркую речь и ответил на многочисленные вопросы. Переводил его наш совершенно блестящий и артистичный переводчик Виктор Суходрев.

Мне его перевод чрезвычайно понравился, и я с ним вскоре близко познакомился. Достаточно сказать, что когда в 1964 г. я, находясь на отдыхе на черноморском курорте Гагры, отмечал свой день рождения, то Виктор

приезжал ко мне из Сочи со своей первой женой Инной Кмит.

Между прочим, совершенно невзначай, я сыграл какую-то роль в его приглашении на работу переводчиком МИД, о чем и сейчас Виктор, возможно, и не догадывается. Как-то примерно в 1956 г. мне звонит мой институтский сокурсник Владимир Поляков, который работал исполнительным секретарем Советской Ассоциации содействия ООН, и говорит, что появился выдающийся переводчик. Он, то есть Виктор Суходрев, закончил учебу в Военном институте иностранных языков (ВИЯК), но английский язык знал с детства, поскольку провел в Великобритании несколько лет во время войны, где его мать работала, кажется, в советском торгпредстве. После окончания института Суходрев остался без работы, поскольку тогда Хрущев проводил массовое и произвольное сокращение вооруженных сил, включая и некоторые военные учебные заведения.

Виктору пришлось подрабатывать переводами, и он оказался в поле зрения Ассоциации содействия ООН. Там обратили внимание на его незаурядное знание английского языка и позвонили мне, а я заочно, по телефону, переадресовал Суходрева заведующему Отделом переводов МИД В.В. Пастоеву. Виктор был приглашен в МИД и вскоре был принят на работу. Но я, как уже говорил, познакомился с ним лишь спустя несколько лет в Питсбурге.

Крупная сумма

Примерно в 1960 г., а, может быть, в 1961 г., когда я работал в Нью-Йорке, из Москвы пришло сообщение, что с очередной диппочтой направляется крупная сумма наличными: порядка 3,5 млн долл. Деньги эти были получены из Кубы от правительства Фиделя Кастро, и поскольку новая Куба находилась во враждебных отношениях с США, то их нужно было положить в банк «Чейс Манхэттен», принадлежащий семейству Рокфеллеров, на счет представительства СССР.

Когда из Москвы пришла *вализа* (специальный очень прочный мешок с сургучными печатями, используемый для перевозки диппочты), деньги пересчитали, и

оказалось, что наряду с крупными купюрами имеются и мелкие, в том числе достоинством в два долл. Многие банкноты были выпущены еще в начале века или даже раньше, но в США они имели хождение независимо от даты их эмиссии. Между прочим, получение в каком-либо магазине в виде сдачи двухдолларовых купюр тогда считалось большой удачей, и коллекционеры за ними даже охотились. Сейчас такие банкноты, кажется, больше не выпускаются.

Мой шеф Зорин поручил мне обеспечить доставку кубинских денег в банк. Я не знал, как поступить со столь большой суммой, и посоветовался с офицером представительства по вопросам безопасности. Он предложил попросить посла выделить для этого свой большой лимузин, со мной поедет этот офицер с оружием и, кроме этого, нас будет сопровождать еще один автомобиль с вооруженными людьми. Все это было крайне наивно и даже безответственно, но мы просто не знали тогда, что существуют инкассаторные автомашины для перевозки крупных денежных сумм.

Я позвонил в банк, что в общем тоже было неосторожно, поскольку звонки из нашего представительства прослушиваются. Мне было предложено доставить деньги в такой-то день и в такой-то час в головной офис «Чейс Манхэттена» на Уолл-Стрит. В назначенный час мы подъехали к воротам банка, нас пропустили, затем деньги пересчитали и положили на наш счет. Когда один из ответственных сотрудников банка узнал о том, как мы доставляли столь крупную сумму, он крайне изумился и сказал, что нам в целях безопасности непременно следовало использовать инкассаторную фирму, что, конечно, стоило бы немалых денег и, к тому же, за доставку денег еще пришлось бы заплатить соответствующую страховку.

Секретные акустики

Раз я уже упомянул семейство Рокфеллеров, то расскажу еще один *анекдот* из моих контактов с этим семейством. Как-то в начале 1960-х гг. на приеме в нашем представительстве была супруга Лоуренса Рокфеллера

Мэри Френч. Мы с ней разговорились, и вдруг она обращается ко мне с такой просьбой.

Лоуренс и его жена патронировали создание в Нью-Йорке Линкольн-Центра, который включал бы в себя новое здание оперы, поскольку старое подлежало сносу, филармонический зал (*Adrian Fischer Hall*) и другие музыкальные и зрелищные объекты. Если здание оперы получалось неплохо, то с филармоническим залом вышли проблемы: там была неважная акустика. Жена Рокфеллера от имени всего семейства попросила направить в Нью-Йорк двух широко известных советских акустиков, добавив, что помимо хорошего знания своей науки, специалисты должны обладать как бы особым чутьем, чтобы уметь отладить акустику зала, где выступают оркестры и музыканты. При этом она передала мне листок с фамилиями двух наших акустиков. Я обещал сделать все, что было в моих силах.

Мною об этом было доложено начальству (В.А. Зорину) и предложено направить в Москву запрос о возможности командирования наших экспертов в США, причем я сказал, что у советского правительства всегда было благосклонное отношение к Рокфеллерам, потому что и они в своей политике проводили линию на дружеские связи с Советским Союзом. Неслучайно мы держали большие деньги на счету именно в рокфеллеровском банке «Чейс Манхэттен».

Зорин одобрил мое предложение, я написал телеграмму, и он ее подписал. Через некоторое время был получен ответ в том духе, что наши специалисты по акустике заняты весьма важным делом в оборонной промышленности и приехать не могут, а потому на приглашение следует дать отрицательный ответ, приведя какой-нибудь благовидный предлог. Это и было мною сделано.

К этому рассказу добавлю, что в дальнейшем я бывал в *Adrian Fischer Hall* и нашел, что акустика там совсем даже неплохая, хотя, может быть, и хуже, чем в Большом зале Московской консерватории или в Венском *Мюзикферайн*, но уж во всяком случае гораздо лучше, чем в открытом в декабре 2002 г. Московском международном доме музыки у Павелецкого вокзала.

Ошибка

Году в 1987 меня пригласили вместе с двумя американскими специалистами выступить перед студентами юридического факультета (Law School) Колумбийского университета в Нью-Йорке по проблемам нераспространения ядерного оружия и гарантий (контроля) МАГАТЭ. После наших выступлений и ответов на вопросы студентов был устроен ланч. На нем выступил довольно известный тогда конгрессмен от демократической партии Стивен Соларз. Соларз отличался резкостью своих публичных высказываний и в дальнейшем из-за какого-то скандала (кажется, присвоения казенных денег) он больше в Конгресс США не избирался.

В ходе своей речи Соларз грубо (хотя в общем-то по существу справедливо) напал на Советский Союз за вторжение в Афганистан и заявил, что СССР совершил большую ошибку, совершив такую акцию. Я, конечно, не мог этого стерпеть и дал ему ответ в духе наших официальных заявлений по Афганистану, который, естественно, прозвучал не очень убедительно. При этом я произнес примерно такую фразу: «Если, возможно, ошибка и была совершена, сейчас главное — не разбираться, как и что в прошлом произошло, но имеется реальная возможность как можно скорее закрыть афганское досье, приняв новое советское предложение по урегулированию всей проблемы». И затем я рассказал присутствовавшим об этом предложении (содержание его я уже не помню).

На ланче были журналисты ряда крупных газет, в том числе корреспондент «Нью-Йорк Таймс». На следующий день всю прессу облетело сообщение о том, что советский посол признал, что СССР совершил ошибку, вторгнувшись в Афганистан. (В то время я работал первым заместителем постоянного представителя при ООН в ранге посла). Буквально на следующий день из Москвы приходит шифровка с запросом, что могло послужить причиной появления подобного сообщения, распространенного информационными агентствами. Она была подписана Ю.М. Воронцовым, первым заместителем министра иностранных дел.

Я был с самого начала афганской авантюры глубоко убежден в ошибочности наших действий, спровоцированных идеологами из ЦК КПСС, КГБ и лично, как мне рассказывали, его руководителем Ю.В. Андроповым при подсказке своего советника генерала Б.С. Иванова, которого я хорошо знал по Нью-Йорку, где он был резидентом нашей разведки, человеком порядочным, но не очень умным и совершенно *зашоренным*. В пользу вторжения в Афганистан были и некоторые другие члены Политбюро, наивно полагавшие, что страна созрела для социалистической революции. Однако, будучи лицом официальным, я, конечно, не должен был делать подобного заявления в Колумбийском университете, пусть и оброненного вскользь, об ошибке Советского Союза.

Вся история с моим заявлением в Колумбийском университете была мною доложена в Москву в том виде, как я ее описал выше, и никаких последствий для меня дело не имело. И объясняется это, очевидно, тем, что тогда М.С. Горбачев и все руководство страны уже искало пути выхода из позорной ситуации, которая привела к гибели многих тысяч наших солдат и офицеров и мирных жителей Афганистана, и вывода наших войск оттуда, и им было не до меня.

Сложное решение

А.А. Громыко, безусловно, был профессионалом своего дела. Хотя по образованию он был экономистом и до направления на работу в Наркоминдел работал в Институте экономики АН СССР, но, получив назначение на должность советника нашего посольства в Вашингтоне, а потом, уже во время войны, после отзыва М.М. Литвинова, — на пост посла в США, а затем постоянного представителя при ООН, он быстро овладел всеми тонкостями дипломатического искусства. Однако он, будучи человеком сталинской и постсталинской эпохи, все же до конца оставался в высшей степени дисциплинированным советским чиновником. Но ведь без этого он не выжил бы. Все же, — за что я его, как и многие другие, уважал, — даже в рамках этой вынужденной *заскорузлости* он стремился, хоть и осторожно, а иногда

даже робко, но непременно расчетливо делать все возможное для цивилизованного ведения дипломатии в интересах нашего государства. Он пользовался уважением и среди своих идеологических противников.

Мне хорошо помнится, как Громько, уже став министром, стремился детально разобраться в вопросе о том, каково должно быть отношение Советского Союза к Договору Тлателолко о создании безъядерной зоны в Латинской Америке. Вопрос был очень непростой.

Договор Тлателолко был детищем министра иностранных дел Мексики Альфонсо Гарсия Роблеса. Идея создания в этом регионе зоны, свободной от ядерного оружия, возникла после Карибского кризиса 1962 г., о котором я уже писал, и договор об образовании зоны был подготовлен и открыт для подписания в феврале 1967 г., еще до заключения ДНЯО. Договор имеет два протокола, в том числе Дополнительный протокол II, согласно которому ядерные державы должны были взять на себя обязательства соблюдать безъядерный статус зоны. Для Советского Союза присоединение к протоколу оказалось *крепким орешком*, и этот процесс оказался мучительно долгим.

Громько подробно заинтересовался текстом договора Тлателолко, и два или три раза я ходил к нему (однажды с нашим специалистом по Латинской Америке и по разоружению Маратом Антясовым) с тем, чтобы убедить министра в необходимости подписания дополнительного протокола, тем более, что другие ядерные державы к этому процессу уже приступили. Но мои доводы успеха сразу не возымели. Да, договор содержал ряд серьезных недостатков (об этом много написано, и я не буду повторяться), но можно было при подписании его сделать необходимые оговорки, как, например, поступили США, чтобы зафиксировать свои резервации в отношении договора. Громько придирчиво выслушивал меня и по своей привычке кривил губы, что означало неодобрение. Я упорно продолжал добиваться согласия министра на подписание протокола, не обращая внимания на то (или просто не учитывая по недостаточной опытности), что «наверху» незыблемым принципом была практически безоговорочная поддержка Кастро. Потом я

узнал, что А.А. кому-то нелестно назвал меня не очень глубоким человеком.

А главное состояло в том, что Фидель Кастро не только отказывался присоединиться к договору (сделал он это лишь спустя несколько десятилетий), но и не был заинтересован в нашей поддержке договора, что вытекало бы из подписи Советского Союза под Дополнительным протоколом к нему (по этой причине позиция высшего советского руководства по отношению к Договору Тлателолко была тогда негативной, и А.А., конечно, не мог не подчиняться этому). Мне было видно, я это чувствовал, что Андрей Андреевич в душе был за подписание протокола, но в то же время сознавал, что это может осложнить отношения с кубинским лидером. Меня командировали в Гавану для беседы с министром иностранных дел Кубы, но мой вояж оказался безуспешным. Знал я и о том, что сам Громыко при встрече с Кастро или его министром иностранных дел зондировал отношение Кубы к подписанию дополнительного протокола советской стороной.

В конце концов, к протоколу мы все же присоединились, сделав соответствующие оговорки, но намного позднее, чем США и даже Китай: Соединенные Штаты в 1971 г., КНР в 1974 г. а мы — только в 1979 г. Куба подписала договор Тлателолко лишь в 1995 г., а ратифицировала и того позже — в сентябре 2003 г.

Finita la Comedia

О моих встречах с Сергеем Георгиевичем Лапиным, который много лет проработал на радио и телевидении, но был и на дипломатической службе (в частности, послом в Австрии). О нем существуют разные суждения и часто можно было услышать и нелестное мнение. Но ведь, работая председателем Комитета по телевидению и радиовещанию, он неизбежно был главным цензором и радиовещания, и ТВ: такова была одна из основных его функций на этом посту. Независимо от моего отношения к его служебным делам, у меня сложились с ним личные добрые отношения.

Это было в 1966 г., когда мы были на очередной сессии Генассамблеи ООН. (Именно в период работы этой сессии начались переговоры с США по Договору о не-

распространении ядерного оружия.) Нас поселили в соседних гостевых комнатах здания нашего представительства при ООН — того самого здания, которое я помогал покупать и оборудовать за несколько лет до встречи с Лапиным. Мы познакомились с ним на почве двух совместных привязанностей — любви к Александру Вертинскому и к игре в шахматы. В шахматы мы играли в свободное время почти ежедневно под музыку Вертинского. (Замечу, что, впрочем, обе эти привязанности с тех пор постепенно отошли у меня на задний план, точнее даже сошли на нет.)

Лапин был хорошим рассказчиком и поведал мне две прелюбопытные истории. В послевоенные годы он был заместителем председателя Комитета по радиовещанию и в этом качестве в частности организовывал прямые радиопередачи с Красной площади военных парадов и демонстраций трудящихся. Как-то один ведущий, завершавший передачу, полагая, что эфир уже отключен, но в действительности еще не был, облегченно воскликнул на всю страну: *Finita la Comedia!* Его тут же уволили и очень серьезно и примерно наказали.

Другой *анекдот* Лапина. Сталин любил некоторые музыкальные произведения. Например, полонез Огинского, первую часть фортепианного концерта Чайковского, романсы в исполнении Надежды Обуховой и другие. Эти произведения часто исполнялись по радио, и их полюбили многие радиослушатели, в том числе и данный архискромный летописец. Во время войны радио во многих домах было постоянно включено в ожидании фронтовых сводок. По словам Лапина, часто на радио звонил один из секретарей Сталина и заказывал концерт именно из этих произведений, требуя, чтобы он состоялся, скажем, через полчаса, когда Сталин прибудет на свою ближнюю дачу. Один раз случилось так, что полонез Огинского был передан в исполнении не оркестра, а пианиста. Сталин был крайне раздражен: он предпочитал оркестровое исполнение. Его секретарь тут же позвонил на радио и приказал передать полонез еще раз, но уже в оркестровом исполнении. Но тут стали раздаваться телефонные звонки многих возмущенных радиослушателей: почему одно и то же музыкальное произведение передают повторно спустя всего несколько минут?!

Сидите и слушайте

Мне довелось непосредственно участвовать в переговорах с США о заключении так называемых *пороговых* договоров об ограничении подземных ядерных взрывов — как для испытания оружия, так и в мирных целях. Они проходили в Москве в период с 1974 по 1976 г. К этому времени и США, и Советский Союз в основном отработали наиболее мощные ядерные боеголовки, в том числе для МБР и БРПЛ с РГЧ ИН, и надобность в испытаниях чрезмерно мощных ядерных взрывных устройств практически отпала. Возникла идея ограничить мощность подземных взрывов определенным порогом. Такое соглашение нужно было обеим сторонам и по общеполитическим соображениям для закрепления наметившейся разрядки во взаимоотношениях между ними.

В июле 1974 г. намечался визит в СССР президента США Ричарда Никсона, и было решено к его приезду выработать проект договора об ограничении подземных ядерных испытаний каким-то порогом, который еще предстояло определить, но конкретный порог должны были согласовать лидеры обеих стран — Никсон и Брежнев. Делегациям же поручалось согласовать текст договора, оставив место для точной цифры размера порога.

Советскую делегацию возглавлял заместитель министра среднего машиностроения И.Д. Морохов, человек очень динамичный, в нее входили другой заместитель министра этого министерства, непосредственно отвечавший за ядерный оружейный комплекс, — А.Д. Захаренков, от Минобороны — генерал А.А. Осин, от МИД — автор этих строк, и кроме того было много экспертов, в том числе от Госкомгидромета его председатель Ю.А. Израэль. В целях весьма наивной конспирации Захаренков был представлен как профессор Курчатовского института, но он сидел рядом с главой делегации, и всем было ясно, что он занимал весьма влиятельную должность. Во время заседаний, а они проходили в здании Минсредмаша в Старомонетном переулке, Захаренков довольно сурово и недоверчиво наблюдал за всем происходящим, но в повседневной

жизни был очень милым человеком, мы с ним познакомились и иногда по воскресеньям прогуливались, благо что жили в одном районе города.

Во главе американской делегации был посол США в Москве Уолтер Стессел, чрезвычайно приятный и доброжелательный человек. Что-то нас быстро сблизило, я стал часто бывать в Спасо-хаусе, резиденции американского посла. Вскоре, но уже после заключения договоров, он чем-то серьезно заболел. Его перевели послом в Бонн (ФРГ), чтобы быть поближе к хорошим врачам, но, как выяснилось, у него была неизлечимая форма лейкемии, и спасти его не удалось.

Договор о *пороговом* ограничении испытаний ядерного оружия был довольно быстро (примерно за три недели) разработан. Договор имел протокол, предусматривавший обмен некоторыми данными по испытательным полигонам сторон. Весь текст был полностью готов и напечатан на специальной *договорной* бумаге, но место для цифры *порога* было оставлено пустым на решение лидеров обеих стран. Приехав в Москву, Никсон и Брежнев довольно быстро согласовали порог мощности разрешаемых взрывов и затем договор был в торжественной обстановке подписан в Кремле.

Что касается величины порога, то наши соответствующие ведомства (Минсредмаш и Минобороны) стремились к тому, чтобы была установлена такая шкала допустимых мощностей, чтобы иметь возможность производить испытания и довольно мощных взрывов. Конкретных цифр я сейчас не помню, но схема выглядела примерно так: один — два взрыва мощностью в одну мегатонну, три — четыре — в 500 килотонн и т. д. по нисходящей. Но уже первые заседания показали, что американская делегация не была готова обсуждать конкретные цифры, да к тому же нам было очевидно, что столь сложная схема может потребовать и более сложного и более строгого контроля, на что мы тогда не были готовы пойти. Да и политически было бы очень непросто оправдать перед международной общественностью цифры порога мегатонной мощности. Поэтому мы в делегации решили отложить вопрос о мощности разрешаемых взрывов до встречи между лидерами обеих держав.

Мне, однако, казалось, что вопрос будет решен путем согласования одной цифры порога — где-то в районе нескольких сот килотонн — 100, 200, 300, — не больше. Как на деле произошла договоренность о величине *порога*, видно из моей дневниковой записи от 14 марта 1984 г., сделанной спустя десять лет после подписания договора:

«На приеме в американском посольстве вчера, 13 марта, Билл Хайленд, в прошлом заместитель Генри Киссинджера по Совету национальной безопасности, рассказал о том, как согласовывался *порог* в 150 килотонн для договора 1974 г.

По его словам, американские военные хотели установить *порог* на уровне 600 кт, но Киссинджер резко возражал, напоминая на то, что это слишком высокая цифра. Было условлено предложить русским 200 кт. Эта цифра и была согласована между Киссинджером и Громыко.

Но в дальнейшем Киссинджер решил, что и 200 кт — многовато. На встрече Брежнева и Никсона последний, с подачи Киссинджера, предложил 150 кт и настаивал на этом *пороге*.

Тогда Брежнев, Косыгин и Подгорный перешли в другой зал Большого Кремлевского дворца для обсуждения предложения Никсона между собой. Когда они вернулись, Брежнев дал согласие на 150 кт, но присутствовавший Громыко продолжал настаивать на цифре 200 кт, ссылаясь на то, что она уже согласована с американской стороной. Косыгин вмешался в разговор, сказав министру иностранных дел: «Сидите и слушайте». Последнюю деталь рассказал мне советский переводчик, присутствовавший на переговорах в Кремле».

Однако оставался нерешенным вопрос о мирных ядерных взрывах (МЯВ). Дело в том, что и в США, и в СССР существовали программы использования ядерных взрывов в гражданских целях: для прорытия каналов, создания подземных емкостей для захоронения отходов вредных производств, глубокого геологического зондирования и других целей. Американцы были в этом отношении первыми, их программа МЯВ называлась «Operation Plowshare», но они сравнительно быстро разочаровались в МЯВ, поскольку подземные взрывы дава-

ли малую отдачу, а в США денежки умеют считать, и к тому же подобные взрывы (ведь они проводились не на специально отведенных испытательных полигонах, а в разных местах страны) могли вызвать опасные для населения экологические последствия. Эту программу возглавлял Джерри Джонсон, с которым мы потом познакомились, и я о нем еще расскажу.

В 1974 г. по предложению Советского Союза было решено разработать отдельный договор по ограничению мощности МЯВ. Мы настаивали на этом, поскольку у нас программа МЯВ тогда продолжала разворачиваться, и провели мы в целом 124 МЯВ, гораздо больше чем США. Собственно говоря, поскольку американцы свою программу уже свернули, нужно было договариваться об ограничении только советских взрывов. И это было справедливо, так как отличить ядерный взрыв в мирных целях от взрыва в военных целях невозможно, а значит, под видом МЯВ можно было испытывать взрывы и для отработки ядерного оружия.

Но выработать новый договор по ограничению МЯВ оказалось делом чрезвычайно сложным. Переговоры продолжались в Москве в том же здании в Старомонетном переулке целых полтора года, причем мы заседали очень плотно. Нашу делегацию по-прежнему возглавлял заместитель министра Игорь Дмитриевич Морохов, и он был идейным вдохновителем переговоров, но часто отсутствовал по занятости основными делами по Минсредмашу, и в его отсутствие мне приходилось нести эту тяжелую ношу.

В конце концов, мы договорились и о договоре, и о протоколе к нему. Было согласовано, что одиночный МЯВ не должен превышать по мощности испытательный взрыв в 150 килотонн, а групповой — 1,5 мегатонны при условии, что каждый одиночный взрыв в группе тоже не должен быть более мощным, чем те же 150 кт (групповые камуфлетные подземные взрывы предназначались для прорытия каналов). Для того чтобы противоположная сторона могла убедиться в непревышении мощности, протокол к договору содержал очень изоциренную и интрузивную контрольно-инспекционную систему, которую мы разработали с участием многих специалистов с обеих сторон.

Договор был подписан в мае 1976 г. Л.И. Брежневым и новым американским президентом Джеральдом Фордом одновременно в Москве и Вашингтоне, что было необычно с точки зрения мировой практики. К этому времени Никсон уже ушел с поста президента из-за так называемого *уотергейтского скандала*. Но и такого крайне интрузивного контроля Сенату США было недостаточно для ратификации обоих *пороговых* договоров и протоколов к ним. Стороны продолжали фактически соблюдать договоры около 15 лет, хотя время от времени обменивались взаимными запросами друг к другу относительно возможных превышений согласованного порога. Во многом это объяснялось различием в геологическом строении испытательных полигонов и, следовательно, в проблемах замера магнитуды мощности взрывов на телесеismicких расстояниях. Запросы делались без большой шумихи и не вызывали особых претензий сторон. У меня сохранилась справка о количестве таких запросов, подготовленная в 1985 г.:

«Количество запросов СССР и США в связи с проведением взрывов, превышающих порог в 150 килотонн

Запросы США к СССР (1976—1985 гг.) — 13

1976 — 1

1978 — 1

1979 — 3

1980 — 2

1981 — 1

1982 — 2

1983 — 1

1984 — 1

29.1.1985 — 1

Запросы СССР к США (1978—1985 гг.) — 8

1978 — 1

1979 — 1

1982 — 3

1984 — 2

25.4.1985 — 1».

Формально договоры были введены в действие после разработки еще более интрузивных контрольных протоколов только в начале 1990-х гг. В подготовке новых

протоколов я уже не участвовал, поскольку был в очередной заграничной командировке, этим от МИД занимались Е.Н. Головкин, И.М. Паленых и А.И. Белов.

Заключение в 1996 г. Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) по существу перекрыло необходимость в *пороговых* договорах, хотя оба договора, естественно, продолжают оставаться в силе, тем более, что ДВЗЯИ в действие еще не введен главным образом из-за отрицательного отношения к нему Конгресса США и нынешней администрации Джорджа Буша. Не ратифицировал ДВЗЯИ и Китай. Но свою позитивную роль *пороговые* договоры тем не менее сыграли, потому что впервые содержали столь серьезную и обстоятельную систему контроля и инспекции, а некоторые ее элементы были использованы для ДВЗЯИ.

Сложности переговоров

Придя к власти в январе 1977 г., новый президент США демократ Джимми Картер выступил с целым рядом предложений по ограничению вооружений. В их числе — предложение о *полном* запрещении ядерных испытаний, то есть в том числе и подземных. Хотя это предложение имело с советской точки зрения ряд недостатков (так, соглашение предлагалось не бессрочным, а должно было быть заключено на какой-то определенный срок, и должно было охватывать также и ядерные взрывы в мирных целях, в продолжении которых мы были тогда заинтересованы), советская сторона в целом благоприятно отнеслась к предложению Картера. Вначале, летом 1977 г., в Вашингтоне состоялись двусторонние советско-американские консультации, а немного позже, уже в Женеве, начались трехсторонние переговоры, на которые были приглашены и англичане. Американскую делегацию возглавил директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению (АКВР) Пол Уорнке, а советскую — заместитель министра среднего машиностроения И.Д. Морохов. В нашу делегацию входили автор этих строк, полковник Б.И. Тарасов из 12-го Главного управления Министерства обороны и много экспертов из разных ведомств. Однако в дальнейшем Морохов, которому я симпатизировал, повел себя в

личном плане не вполне достойно и в 1978 г. был заменен А.М. Петросьянцем. Этот последний время от времени отсутствовал, и тогда я оставался за старшего. Пола Уорнке впоследствии сменил Герберт Йорк, крупный физик, который был первым директором второй (после Лос Аламоса) американской атомной лаборатории — Ливерморской. О нем я расскажу отдельно.

Проблем на переговорах было, как я уже сказал, хоть отбавляй, и они тянулись крайне вяло. Тем не менее за четыре года удалось согласовать чрезвычайно важное положение о возможности проведения инспекции на месте «по требованию» («on site inspection by challenge») подозрительных явлений (чтобы определить, то ли это ядерный взрыв, то ли заурядное землетрясение). Это был крупный прорыв на переговорах, поскольку Советский Союз в прошлом обычно возражал против такого рода инспекций. При этом оказалось возможным в предварительном порядке даже выработать соответствующие тексты для включения в будущий договор. Этот принцип во многом был использован в дальнейшем, когда выработывался ДВЗЯИ уже в 1990-е гг.

Переговоры вызвали большой интерес со стороны американских политических кругов, и в Женеву зачастили сенаторы и конгрессмены. Приезжал в том числе сенатор-демократ Тед Кеннеди (младший брат Джона и Роберта), присутствовавший на одном из заседаний, на котором мне довелось возглавлять нашу делегацию. Сохранилась фотография. Тед посетил советскую миссию при Европейском отделении ООН (где работала наша делегация), и его восторженно приветствовали сотрудники миссии. Он, как и его старшие братья, обладал какой-то врожденной харизмой, которая притягивала к себе людей.

В нашей делегации, естественно, был представитель *спецорганов* — Сергей Васильевич П., который не только присматривал за всеми нами, но и иногда даже «встречал» в существо переговоров, что, конечно, было совершенно недопустимо. В делегацию входил и представитель ГРУ — военной разведки. Как-то на один из раундов переговоров представителя этого разведоргана не командировали, и тогда местный резидент ГРУ попросил меня включить в состав делегации своего одного

из самых способных, как он сказал, молодых сотрудников — Владимира Резуна. Он действительно оказался толковым парнем и добросовестно выполнял поручения делегации.

Но в один, как говорится, прекрасный день, Резун на внутреннее совещание делегации не явился. Когда я поинтересовался у резидента, что с Резуном произошло, тот с грустью ответил, что Резун исчез и, вероятно, стал перебежчиком. И, действительно, через некоторое время он оказался в Великобритании, где стал издавать одну за другой книги о порядках в СССР под псевдонимом Виктор Суворов — «Ледокол», «Аквариум» и др.

Непреодолимым препятствием для успешного развития переговоров оказалась проблема размещения так называемых национальных сейсмических станций (НСС), то есть самых современных особо чувствительных сейсмостанций, которые работали бы автоматически практически в режиме реального времени и передавали бы через спутниковую связь сейсмоданные в международный центр данных для последующего анализа. Были согласованы технические характеристики таких станций, но дело уперлось в то, что, во-первых, у нас в СССР не было такого сейсмического оборудования, и нам пришлось бы получать его от США. Мы этого не хотели, так как опасались того, что американцы поставят нам такое оборудование, которое не только будет регистрировать колебания земной коры, но и заниматься слежением за другими нашими действиями и объектами. Мы с Петросьянцем, будучи в Москве, раз или два были у заместителя председателя Совмина и председателя Военно-промышленной комиссии Л.В. Смирнова с просьбами о налаживании производства необходимого сейсмического оборудования, но какого-либо движения вперед добиться не смогли.

Во-вторых, неразрешимым оказался вопрос о числе НСС на территориях всех трех участников переговоров. Если было очевидно, что в СССР и США, ввиду размеров их территорий, должно быть по меньшей мере 10 НСС (эта цифра практически была согласована), то в Великобритании и на ее зависимых заморских территориях, как требовали мы, тоже должно быть именно та-

кое же количество станций. Англичане (их делегацию возглавлял Джон Эдмондс) никак не соглашались на ту же цифру, мы же совершенно безосновательно стояли на смерти, добиваясь их согласия на десять НСС. У нас, правда, была *в загашинике* запасная позиция (точно сейчас не помню, но, кажется, 7 или даже 5 сейсмостанций), но мы ее до завершения переговоров так и не успели использовать, хотя и делали туманные намеки на возможность проявления гибкости с нашей стороны в этом вопросе.

Причиной срыва переговоров стало то, что по многим другим аспектам соглашения дела шли все хуже и хуже, к тому же в конце 1979 г. Советский Союз вторгся в Афганистан, что серьезно ухудшило наши отношения с США и Великобританией, а в довершение всего в ноябре 1980 г. на президентских выборах в США победил республиканец Рональд Рейган. Это явилось последней точкой. Делегации распрощались и разъехались по домам. Но, конечно, главной причиной неуспеха трехсторонних переговоров явилось то, что ни та, ни другая сторона не были тогда готовы полностью отказаться от проведения ядерных испытаний. К решению этой проблемы три державы и другие страны подошли только спустя пятнадцать лет — в середине 1990-х гг., да и то Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. до сих пор в силу не вступил, хотя мораторий на ядерные взрывы продолжается.

Сколько ставить боеголовок?

В процессе переговоров мы с женой очень подружились с руководителем делегации США Гербертом Йорком, его заместителем Джерри Джонсоном и их женами. Йорк (я его называл по имени — Herb, а он меня тоже по имени) — совершенно замечательный человек, постоянно искавший развязки самых сложных вопросов. Мы с ним полностью сошлись в главном — в эпоху холодной войны надо делать все в наших силах, чтобы избежать глобальной катастрофы, — а ведь тогда мы переживали самый пик конфронтации между нашими

странами и гонки вооружений. Как мне, так и ему это было совершенно ясно, и между нами в этом отношении было полное взаимопонимание. Мы часто встречались с ним не только за столом переговоров, но и неофициально обсуждали проходившие на них конкретные дела, а также и более общие вопросы мира и войны.

Йорк молодым физиком был привлечен к работе в Манхэттенском проекте и занимался обогащением урана на изобретенном и сконструированном его научным шефом Нобелевском лауреатом Эрнестом Лоуренсом циклотроне (так называемый электромагнитный метод обогащения урана). Первоначальное обогащение производилось газодиффузионным методом, а дообогащение — на циклотроне, которому дали название *калютрон (calutron)*, поскольку он был детищем Лоуренса, профессора Калифорнийского университета в Беркли. И даже на циклотроне тогда не удавалось довести уран до высокой степени обогащения. Уран, использованный для Хиросимской бомбы, был 84% обогащения по U-235, и поэтому критическая масса, необходимая для ядерного взрыва достигала 64 кг, что, конечно, очень много и это сильно увеличивало общий вес атомной бомбы¹.

Йорк, не называя мне тогда этих цифр, сказал только, что где-то в июне 1945 г. было получено указание прекратить дальнейшее дообогащение урана электромагнитным методом, и он догадался, что его изготовлено достаточно для той задачи, которая была поставлена перед теми, кто занимался этим методом разделения изотопов урана.

О трехсторонних переговорах в Женеве о полном прекращении ядерных испытаний и о наших встречах

¹ Norris Robert. *Racing for the Bomb. General Leslie Groves, the Manhattan Project's Indispensable Man.* South Royalton, Vermont: Steerforth Press, 2002. P. 367. В Советском Союзе ученые столкнулись с той же проблемой. На газодиффузионном заводе удалось получить в 1948 г. уран только 75% обогащения, и он дообогащался электромагнитным методом на специальной установке под руководством академика Л.А. Арцимовича до 90%. Из этого делящегося материала и была создана наша вторая атомная бомба, испытанная в 1951 г. (Создание первой советской ядерной бомбы. С. 282—283).

Йорк рассказывает в своих мемуарах¹. Я тоже посвятил им выше несколько абзацев.

В ходе наших бесед во время прогулок по берегу Женевского озера (напоминаю, что это было в 1979—80 гг.) Йорк как человек, создававший оружейный материал для бомбы и в то же время стремившийся уберечь мир от нее, в частности, развивал мысль о невероятной трудности ограничения и сокращения ядерных вооружений и необходимости идти по этому пути по взаимоприемлемому поэтапному сценарию. Он одним из первых выдвинул идею необходимости перехода от МБР с РГЧ ИН к моноблочным ракетам. В дальнейшем это было воплощено в договоре СНВ-2, который, как известно, в силу так и не вступил и был заменен Московским договором о СНП в 2002 г., который допускает многоблочные средства доставки².

Тогда мне идея Йорка казалась интересной. Но она была более приемлемой для США с их более могущественной экономикой и финансовыми и технологическими возможностями. Мы и тогда, и сейчас все еще продолжаем делать ставку на более тяжелые ракеты с большим числом РГЧ. Но, надеюсь, что в будущем придет время, когда дальнейшее сокращение ядерных наступательных вооружений потребует возвращения к идее моноблочных ракет.

Тогда, в 1980 г., я информировал Москву об идеях Йорка. И, как я узнал значительно позже, в Советском Союзе тоже склонялись к постепенному переходу к моноблочным ракетам типа «Тополь», но наступившие в стране перемены подорвали оборонную промышленность и в значительной мере лишили ее финансирования. Но рано или поздно эксплуатационный ресурс нынешнего поколения тяжелых ракет с РГЧ иссякнет, и мы, возможно, тоже перейдем на моноблочные ракеты, благо, что здесь есть хороший задел в виде ракет «Тополь-М», которые, впрочем, могут быть оснащены и

¹ York Herbert. *Making Weapons, Talking Peace. A Physicist's Odyssey from Hiroshima to Geneva*. N.Y.: Basic Books, Inc. Publishers, 1987.

² Согласно этому договору, к 2012 г. ядерные вооружения каждой стороны должны быть сокращены до 1700—2200 ед.

многоблочными боеголовками. Так что, как представляется, еще много лет будет продолжаться ставка на многоблочные ракеты.

Джерри Джонсон был и остается верным другом и *Санчо Пансой* Герберта Йорка. Он, как я писал, возглавлял американский проект МЯВ «Operation Plowshare». С ним мы виделись и долго беседовали, когда я приезжал на конференцию в Сан-Диего в 1993 г. Джерри без всякого сожаления говорил о закрытии программы мирных ядерных взрывов.

Эдвард Теллер

Время рассказать о моей встрече с Эдвардом Теллером, считающимся отцом американской водородной бомбы, которая состоялась в апреле 1993 г. Теллер был инициатором создания в 1952 г. второй (после Лос Аламоса) атомной лаборатории в Ливерморе. (По этому пути позднее пошли и мы, создав в 1955 г. второй — после Сарова — ядерный оружейный центр в нынешнем Снежинске).

С давних пор меня глубоко интересовала идея полного запрета ядерного оружия, но я, конечно, понимал, что это одна из практически не выполнимых задач в нынешнюю эпоху развития человечества. Тем не менее мне всегда представлялось и представляется сейчас, что проблема ликвидации этого оружия должна обсуждаться, чтобы иметь ориентир — то, к чему следует все время стремиться, и не только ориентир, но также и возможный сценарий, пусть приблизительный, постепенного движения в направлении сокращения и уничтожения ядерных вооружений. Без такой, пусть, возможно, и бесконечно далекой, цели трудно намечать способы постепенного ограничения и сокращения ядерных арсеналов. Мне часто приходила и все время продолжает приходиться на ум мысль о необходимости постоянного поступательного движения в направлении ядерного разоружения. В моей дневниковой записи от 2 июня 1986 г. (было это написано под свежим впечатлением от Чернобыльской трагедии или нет, не знаю, не помню) можно прочесть следующее:

«Вчера я беседовал с молодыми людьми о “путях развития человеческого общества”. Нужно сказать, что общение с молодежью обостряет собственные мысли, а — главное — заставляет внутри самого себя обобщать, систематизировать и еще четче понимать, доводить до логического завершения свои многолетние думы.

Не раз задумывался я над тем, что появление ядерного оружия вносит коренное изменение в естественный ход исторического развития. Ведь при наличии оружия массового уничтожения вопрос о достоинствах и преимуществах или, наоборот, исторической *обреченности* той или иной общественной формации не может уже решаться естественным путем — так, как до этого одна социально-экономическая система сменяла другую, более прогрессивная приходила на смену отживающей. Военно-стратегический паритет и способность уничтожить не только противостоящую систему, но и весь мир позволяет отживающему строю *искусственно* поддерживать себя на плаву, угрожая всеобщим уничтожением.

Конечно, верно и то, что ядерное оружие — тоже результат естественного развития науки и техники. На это, кстати, обратили внимание мои молодые собеседники. Возможно, — из-за экстремальных обстоятельств периода Второй мировой войны — это оружие появилось на свет раньше на несколько лет или десятилетий, чем этого можно было ожидать. Но это в принципиальном плане ничего не меняет. Между прочим, многие ясные умы задолго до 1945 г. предвещали появление возможности приручения страшных сил, заложенных в материи.

Но если все это происходило естественным, то есть неизбежным историческим путем, то как же быть с *законами* исторического развития. Можно ли вообще признавать существование таких *законов* и вообще допускать возможность *научного* познания общественного развития, сменяемость формаций и т. д. Или, если до настоящего времени такие сменяемые формации и имели место, то сейчас в этот процесс внесена радикальная корректива?».

О необходимости ядерного разоружения написано много, в том числе и мною. Моя монография, вышед-

шая в 2003 г., целиком посвящена данной теме¹. На эту тему я часто выступал, в том числе в США, например, на конференции в Чикаго в начале декабря 1992 г., посвященной 50-летию пуска Энрико Ферми первого ядерного котла (реактора), и в Ливерморской лаборатории в апреле 1993 г.

Вот на этой конференции в Ливерморе я и познакомился с Эдвардом Теллером. Для меня эта встреча имела особое значение, поскольку незадолго до этого мне попал в руки меморандум Теллера о необходимости возвращения к плану Баруха, написанный для Ливерморской лаборатории². Мне его послал кто-то из моих американских друзей, знавших о моем интересе к этой проблеме.

Во время моего выступления на подиум вдруг стал подниматься глубокий старик с большим посохом в руке (Теллер в молодом возрасте получил травму ноги и ходил с палочкой), в котором я тут же узнал ученого. Он подошел ко мне, одобрительно похлопал по плечу и стал слушать то, что я говорил. О содержании я повторяться не буду, поскольку в своих книгах я неоднократно возвращался к теме ядерного разоружения и предлагал пути приближения к нему. В заключение я сказал — цитирую по стенограмме — следующее:

«Недавно я прочел меморандум д-ра Теллера о целесообразности возврата к плану Баруха. Он произвел на меня впечатление. В нем было сказано то, о чем я размышлял в течение длительного времени, и для меня стало большим сюрпризом, что сторонник такой идеи имеется и на этой стороне Атлантического океана. И притом это был, д-р Теллер, что оказалось очень приятным сюрпризом».

Тут Теллер прервал мое выступление (хотя я, собственно, уже завершил свою мысль) и взял слово:

¹ Тимербаев Р.М. Международный контроль над атомной энергией. Первоначальные планы. Существующие системы контроля за ограничением и сокращением ядерных вооружений. Дальнейшие перспективы // Научные записки ПИР-Центра. 2003. № 1(22).

² Teller Edward. Revival of the Baruch Plan (Unpublished memorandum prepared for the Lawrence Livermore National Laboratory). 1992. January 29 (Личный архив автора).

«Большое спасибо. Хотел бы кое-что добавить по этому вопросу. Я не помню, говорится ли об этом в самом меморандуме, но план Баруха — это неправильное название. План был написан Оппенгеймером. Но он не был принят Трумэнном, и тот передал его Баруху, который внес изменения в некоторые его положения. Возникли определенные разногласия, но в конечном счете со стороны Соединенных Штатов было выдвинуто предложение, которое получило поддержку и слева, и справа. Конечно, сегодня мы не можем возродить его в его первоначальном виде, но некоторые весьма важные положения могут быть возрождены. Я имею в виду два положения: его международный подход и то, что безопасность невозможно обеспечить секретностью, но ее можно обеспечить открытостью.

[...] У меня есть определения пессимиста и оптимиста. Пессимист — это человек, который всегда прав, но он не получает от этого никакого удовольствия, оптимист же — это тот, кто считает, что будущее это нечто неопределенное. Если вы считаете, что будущее неопределенно, то вы будете более склонны что-то сделать в этом отношении. Так что в этом смысле я полностью согласен с послем Тимербаевым».

После наших выступлений и ответов на вопросы (стенограмма сохранилась¹) у нас с Теллером состоялась беседа, содержание которой, к сожалению, не отпечаталось в моей памяти.

Эдвард Теллер скончался в сентябре 2004 г. в возрасте 95 лет.

Как долго будет существовать ядерное оружие?

В течение ряда лет я был членом международной Программы содействия ядерному нераспространению (Programme for Promoting Nuclear Non-Proliferation, сокращенно — PPNN). Идея создания этой международной группы принадлежала Бену Сандерсу (Нидерланд-

¹ Panel Discussions from the Lawrence Livermore National Laboratory Conference «Managing Nuclear Weapons in a Changing World». 1992. November 17–18. LLNL, Center for Security and Technology Studies. UCRL-JC-117047. CSTS-44-93.

ды), руководителю отдела исследований в области разоружения в Департаменте разоружения секретариата ООН в Нью-Йорке. Я знал его с давних пор по МАГАТЭ, в секретариате которого он ранее работал. Бен — весьма знающий и чрезвычайно целеустремленный человек, безгранично преданный делу нераспространения. В конце 1986 г. ему исполнялось 60 лет, предстояла отставка из системы ООН и он искал применения своим силам на новом поприще.

Первый разговор между нами состоялся где-то во второй половине 1986 г., когда я был заместителем постпреда при ООН. Мы обсуждали различные варианты образования новой организации, пути обеспечения финансирования и т. п. Было решено, что это будет небольшой международный коллектив из примерно 15—20 человек — признанных экспертов в данной области. Бен станет председателем, а его заместителем будет профессор Саутгемптонского университета англичанин Джон Симпсон. В группу войдут как официальные, так и неофициальные лица. В задачи Программы будут входить выработка рекомендаций для правительств, издание информационных материалов и сборников документов, участие в международных конференциях, в особенности проводимых каждые пять лет Обзорных конференциях по рассмотрению хода выполнения ДНЯО, обучение молодых дипломатов и других специалистов.

Бен предложил, чтобы я с самого начала вошел в состав группы, я к этому был готов, но сказал, что должен запросить согласия правительства. В Москве, однако, было решено, что членом группы от Советского Союза станет Олег Гриневский, который тоже в свое время участвовал в выработке ДНЯО, однако потом от этой проблематики отошел. Но, главное, в данное время он не имел каких-то обременительных конкретных обязанностей, я же был чрезвычайно занят по работе в Нью-Йорке. Спустя некоторое время я все же тоже вошел в состав группы.

Одной из наших главных задач была подготовка к конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО в 1995 г. Об этой конференции написано много, и я расскажу только то, что не было в достаточной мере описано в появившихся после нее многочисленных пуб-

ликациях. Как известно, ДНЯО предусматривает совершенно необычное положение о сроке его действия. Это был компромисс между ядерными державами и неядерными государствами. Ядерные хотели бессрочного договора, а неядерные — срочного. И позиция неядерных государств была вполне понятна, поскольку договор изначально был неравноправный, который делил мир как бы на две категории стран — *haves and have-nots*. Поэтому-то и положение о сроке было специфическим, компромиссным, в нем предусматривалось, что через 25 лет после вступления в силу договора должна состояться конференция его участников, на которой должно быть решено простым большинством голосов, будет ли после этого договор бессрочным или же будет продлен на какой-то новый срок или сроки.

В PPNN большинство членов группы, в том числе и я, было за то, чтобы вопрос о продлении на конференции 1995 г. был решен точно так же, как это было записано в договоре, то есть чтобы еще через 25 лет — в 2020 г. на новой конференции был бы повторно рассмотрен вопрос о дальнейшем сроке действия ДНЯО и далее такой порядок продления повторялся бы. Такой вариант, с одной стороны, был бы более удовлетворительным для неядерных стран, поскольку не закреплялся бы *навечно* ядерный статус пяти ядерных держав и неядерный статус государств, не обладающих ядерным оружием, а с другой, больше бы подталкивал ядерные государства к поиску путей движения к радикальным сокращениям своих ядерных арсеналов. Это мнение было зафиксировано рядом экспертов, в том числе и в научной записке PPNN¹, хотя у нас не было принято выпускать какие-либо совместные заявления от имени всех участников Программы.

На конференцию 1995 г. США и Россия, а также делегации других ядерных держав — Великобритании, Франции и Китая пришли с твердой решимостью добиваться бессрочного продления договора, и США, деле-

¹ Bunn George. Van Doren Charles & Fischer David. Options & Opportunities: The NPT Extension Conference of 1995. PPNN Study Two. Mountbatten Centre for International Studies. University of Southampton, 1991.

гацию которых возглавлял посол Томас Грэхем, прилагали все усилия в этом направлении, не останавливаясь и перед *выламыванием рук* сопротивлявшимся делегациям. Российская делегация, которой руководили С.И. Кисляк и Г.В. Берденников, тоже действовала в том же духе, хотя мне было известно, что в качестве запасной позиции она могла бы пойти и на меньшее — в том числе и на вариант, в пользу которого были многие члены PPNN.

Перед решающим этапом конференции меня и моего друга Джорджа Банна проинтервьюировала известный корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Барбара Кроссет (Barbara Crossette), задавшая прямой вопрос: как мы относимся к продлению ДНЯО. Отвечая как бы за нас обоих, я сказал, что мы предпочитаем вариант повторного продления на тот срок, который записан в договоре, то есть на 25 лет с положением о дальнейшем продлении таким же образом, как это предусматривается в самом тексте договора. Банн не возражал, он промолчал, тем самым по существу дав понять, что он согласен со мной.

На следующий день — 30 апреля 1995 г. — в газете появилась ее корреспонденция о беседе с нами. О нашей беседе она написала таким прямым текстом: «Двое из тех, кто изначально вел переговоры о заключении договора, — Джордж Банн из Соединенных Штатов и Роланд М. Тимербаев из России, — которые присутствуют на происходящей здесь конференции по договору в качестве наблюдателей от неправительственных организаций, заявили сегодня, что они предпочитают план продлений на 25-летние сроки. Такие продления, как они объясняют, позволят оказывать больший нажим на государства, обладающие ядерным оружием, в целях более быстрого разоружения и достижения соглашения о прекращении ядерных испытаний»¹.

Банна тут же вызвали руководители американской делегации и устроили ему выволочку, и Джорджу пришлось давать опровержение, которое было опубликовано в газете на следующий день. Мне ни Кисляк, ни Бер-

¹ Crossette Barbara. Developing Nations Softening Stand on Nuclear Treaty // New York Times. 1995. April 30. P. 16.

денников ничего не сказали и даже не могли этого сделать, поскольку они были готовы ради консенсусного решения конференции пойти на меньшее, чем бессрочное продление ДНЯО. Да к тому же к этому времени я уже был (с 1992 г.) в отставке и никакого официального положения не занимал. Так что в случае высказывания ими каких-либо претензий ко мне я бы просто ответил, что у меня имеется свое собственное личное мнение и я его придерживаюсь без каких-либо колебаний. Оба они, будучи в свое время моими молодыми подопечными, хорошо знали о моем подходе к подобным вопросам.

Конференция завершилась принятием на основе консенсуса решения о бессрочном продлении договора, но это решение было обставлено рядом политических условий, и при этом многие делегации, главным образом арабские, сделали резервации в отношении решения конференции, настаивая на обязательном присоединении Израиля к ДНЯО или, во всяком случае, о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Я по-прежнему считаю, что бессрочное продление — ошибка и те трудности, которые мы неизменно испытываем с поддержанием на должном уровне международного режима ядерного нераспространения, в немалой степени происходят оттого, что ядерные державы высокомерно считают, что только им дозволено постоянно быть в привилегированном положении в ядерной области.

Для более широкой популяризации идей ядерного нераспространения в рамках Программы по всему миру устраивались образовательные семинары с привлечением местных и региональных специалистов. Все места не упомнишь, но некоторые назвать можно: Канди (Шри-Ланка), какой-то маленький городок у подножия горы Фудзияма (Япония), Каракас (Венесуэла), Женева (Швейцария), Принстон (США), Саутгемптон (Великобритания) и др.

Меня давно интересовал и интригует и поныне вопрос о том, почему Соединенные Штаты, еще во времена Джимми Картера, отказавшись сами от переработки отработавшего топлива и от получения энергетического плутония, разрешают Японии делать это, причем низко-

обогащенный уран, сгораемый на японских АЭС, — американского производства. Этот вопрос я задал моему старому приятелю члену PPNN Лоуренсу (Лэрри) Шайнману, когда мы были на семинаре в Японии. Лэрри, отлично знающий всю эту проблему и, может быть, являющийся даже одним из авторов политики Картера, ничего вразумительного в ответ мне не сказал. Но другой американский знакомый, уже вышедший в отставку посол Томас Грэхем (о нем я только что упоминал в связи с конференцией по продлению ДНЯО 1995 г.), будучи несколько лет тому назад в Москве (дело было в 1999 или 2000 г. на частной квартире одного общего знакомого), шепнул мне: Япония — следующая ядерная держава.

Что касается PPNN, то Программа эта просуществовала почти пятнадцать лет, и в 2002 г. прекратила свою деятельность из-за отсутствия финансирования. Я же еще несколько ранее вышел из ее состава.

Свежий взгляд

В 1992—1995 гг. мне довелось преподавать в Монтерейском институте международных исследований в качестве приглашенного профессора, где я также занимался научно-исследовательской деятельностью в области ядерного нераспространения (моя должность официально называлась *Ambassador-in-Residence*). Одной из моих обязанностей, наряду с чтением лекций, семинарскими занятиями и подготовкой докладов и публикаций, было проведение моделирования (*simulation*) международных переговоров и конференций. Это — весьма эффективный способ обучения, поскольку студенты не только хорошо изучают всю рекомендованную им основную литературу, но и следят за текущими событиями, чтобы быть в состоянии отлично знать позицию той или иной страны на переговорах и уметь отстаивать интересы той страны, которую они представляют, вырабатывать в себе навыки ведения переговоров. Студенты часто не только увлекаются моделированием переговоров на занятиях, но иногда проводят неофициальные рабочие встречи во внеурочное время для согласования обсуждаемых решений.

Так, во время весеннего семестра 1993 г., проходившего с января по май вместе с профессором Билом Поттером, мы провели моделирование конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО, которая должна была состояться в 1995 г. Студенты и стажеры (около 20 человек из США, России, ЮАР, Украины, Казахстана и ряда др. стран) были распределены вразнобой по 9-ти делегациям: Китая, Египта, Германии, Японии, Казахстана, Мексики, Нигерии, России и США. После долгих и увлекательных, а иногда и ожесточенных дискуссий и споров вот к какому решению они пришли:

«Договор продлевается на последовательные установленные периоды, причем первый период составляет двадцать лет, за которым последуют двадцатипятилетние периоды, автоматически следующие один за другим.

Конференция отмечает, что в соответствии со статьей VIII.3 Договора конференции по обзору выполнения Договора созываются каждые пять лет.

Конференция далее соглашается, что большинство участников Договора может обратиться с призывом к государствам-депозитариям созвать конференцию для обсуждения вопроса о том, чтобы не проводить обзора Договора в конце периодов. Решение не проводить обзора Договора принимается большинством участников».

Думаю, что в целом студенты поработали неплохо, причем к принятому решению они пришли совершенно самостоятельно, без подсказок или какого-либо давления со стороны своих преподавателей. Вместе с профессором Поттером мы разослали результаты работы студентов многим странам-участницам ДНЯО.

Но, помимо общих занятий в институте, я вел в каждом семестре группы молодых специалистов из Украины, Казахстана, Белоруссии и других постсоветских республик по проблеме нераспространения, которых приглашали в Монтерей с целью повышения их квалификации в этой области и лучшего понимания необходимости недопущения дальнейшего распространения ядерного оружия. В те годы (1992—1994) в некоторых из

этих новых независимых государств, имевших на своей территории советское ядерное оружие, особенно на Украине, были отдельные политики, которые мечтали о приобретении этими государствами ядерного статуса. Так что разъяснение важности нераспространения было делом весьма актуальным. Некоторые из моих слушателей в дальнейшем заняли в своих странах ответственные должности. Как известно, к концу 1994 г. проблема нераспространения в этих государствах была полностью решена, и все они присоединились к ДНЯО в качестве неядерных участников, а ядерное оружие было вывезено на территорию РФ.

Лондонский клуб

О создании Группы ядерных поставщиков (ГЯП)¹. Мне довелось быть у истоков ГЯП и присутствовать на всех ее заседаниях в первый период деятельности Группы, которая поначалу чаще называлась «Лондонским клубом». О том, как, когда и почему она была образована, мною написана монография в издании ПИР-Центра и журнальная статья на английском языке². Поэтому, чтобы не повторяться, поведаю о некоторых существенных, а также и менее существенных, но любопытных деталях образования ГЯП.

Впервые идея принятия каких-либо мер по усилению международного режима ядерного нераспространения и усиления ядерного экспортного контроля без затрагивания текста ДНЯО и как бы в дополнение к нему, обсуждалась в здании Минсредмаша в Старомонетном переулке между американским послом Уолтером Стесселом, заместителем министра И.Д. Мороховым и мною от МИД осенью 1974 г. Это было вскоре после так назы-

¹ Nuclear Suppliers Group, or NSG.

² Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974—1978). М.: ПИР-Центр политических исследований, 2000. Октябрь. В то же издание включен и полный перевод книги на английский язык под названием: The Nuclear Suppliers Group: Why and How It Was Created; Roland Timerbaev. A Major Milestone in Controlling Nuclear Exports. Eye on Supply // A Quarterly Review published by the Emerging Nuclear Suppliers Project at the Monterey Institute of International Affairs. 1992. №. 6. Spring. P. 58—65.

ваемого *мирного ядерного взрыва*, произведенного Индией в 1974 г. и во многом изготовленного из материалов, поставленных некоторыми западными странами. Участники обсуждения пришли к выводу, что депозитариям договора о нераспространении — СССР, США и Великобритании нужно что-то предпринять в этом отношении и согласились, что следовало бы посоветоваться с англичанами. Великобритания, как бы младший партнер из числа депозитариев ДНЯО, часто брала на себя председательские и другие организационные функции.

В феврале следующего, 1975 г., в Москву приехала английская правительственная делегация во главе с премьер-министром Гарольдом Вильсоном, и было решено принять и подписать совместную декларацию о нераспространении ядерного оружия. Выработка декларации была поручена мне и ответственному работнику *Форин Офиса* — заведующему отделом разоружения Джону Томсону.

После того как вопрос о необходимости принятия декларации был в принципе согласован между А.А. Громыко и британским министром Джоном Брауном в ходе переговоров, которые проходили в особняке МИД на ул. Алексея Толстого (ей сейчас вернули прежнее название Спиридоновка), нас с Томсоном усадили в отдельную комнату на втором этаже этого здания и поручили в течение нескольких часов написать декларацию. Что мы и сделали, закончив довольно поздно, после чего нас хорошо покормили с вином. В декларации было прямо записано о важности соблюдения статьи III ДНЯО (о контроле) и гарантий МАГАТЭ «*всеми поставщиками*» ядерных материалов, оборудования и технологий, то есть в том числе и Францией, которая тогда не была участницей ДНЯО, вступив в него примерно одновременно с Китаем только в 1992 г.

Во время нашей беседы в особняке МИД и был поднят вопрос о желательности встречи основных поставщиков ядерных материалов и оборудования для разработки дополнительных мер по усилению режима нераспространения. Томсон реагировал весьма положительно, тем более, что к нему уже делали соответствующий заход и американцы. Сильно за полночь мы разъехались по домам.

А тем временем продолжалась упорная работа по согласованию других документов по вопросам двустороннего советско-британского сотрудничества. Подписание документов Л.И. Брежневым и Гарольдом Вильсоном намечалось на следующий день, 17 февраля. Не успел я прилечь, как вдруг глубокой ночью меня будят и вызывают в МИД. Прихожу во 2-й Европейский отдел к его заведующему Владимиру Суслову и нахожу у него Томсона. Нас опять засаживают за стол в отдельном кабинете, ставят перед нами бутылку виски и предлагают согласовать еще не завершенные части совместного коммюнике. К утру мы эту работу закончили. А вскоре нам с Суловым нужно было докладывать согласованные документы первому заместителю министра В.В. Кузнецову. Можно представить, какой у нас был при этом помятый вид!

Скрепленное этой эпопеей наше знакомство с Томсоном продолжалось много лет. Он, как знают многие, был бессменным председателем Лондонского клуба — так, как я уже упоминал, вначале неофициально называли ГЯП. В Лондоне я бывал у него дома. Позднее Джон стал постоянным представителем Великобритании при ООН.

Любопытно, как Франция отнеслась к участию в работе ГЯП. В то время, как я уже упоминал, она не была государством-участником ДНЯО, присоединившись к договору гораздо позднее. У Франции *рыльце было в нуху* — в большей степени, чем у каких-либо других ядерных поставщиков, некоторые из которых тоже были грешны в вопросе о поставках, в том числе и Советский Союз. Французы помогали в создании ядерного оружия и Израилю, и Ираку, готовились помогать Пакистану и Южной Корее. Францию нужно было во что бы то ни стало вовлечь в Лондонский клуб. Именно поэтому мы и включили в советско-британскую декларацию от 17 февраля 1975 г. фразу о важности участия в мерах контроля «всех поставщиков». Французы очень опасались огласки своего участия в ГЯП, и некоторые наши встречи с ними проходили конфиденциально. Но в конце концов они поддержали решения ГЯП.

Большую роль в этом сыграл входивший во французскую делегацию ученый-химик Бертран Гольдшмидт,

крупный функционер Комиссариата по атомной энергии и позднее в течение многих лет занимавший пост управляющего от Франции в Совете управляющих МАГАТЭ. Не так давно, когда я стал писать книгу о ГЯП, у меня завязалась переписка с ним, причем не по электронной, а по обычной почте. Видимо, ввиду преклонного возраста Интернетом он не овладел. Навестить его при моем очередном приезде в Париж не удалось, поскольку он был нездоров. Гольдшмидт умер в июне 2002 г.

А как быть с третьим лишним?

Мне довелось участвовать в переговорах об ОСВ-1, которые завершились принятием Договора по ПРО и Временного соглашения о некоторых мерах по ограничению стратегических наступательных вооружениях в 1972 г. Член нашей делегации на этих переговорах Олег Гриневский заболел, и мне пришлось его заменять два раунда переговоров в течение 1971 г. — в Вене и в Хельсинки. Там я познакомился с таким незаурядным человеком, как Владимир Семенович Семенов, заместитель министра иностранных дел, который возглавлял на этих переговорах советскую делегацию. Умер В.С. в 1992 г. Сказать, что он был незаурядным человеком — мало. Он меня многому научил — и умению писать документы, и еще больше ценить искусство *Серебряного века*, и много чему другому. Человек он был отнюдь не простой, но наши не раз возникавшие трения сейчас забыты, а хорошее помнится. Пожалуй, наилучшее определение его — он был ярким, блестящим человеком. В 2004 г. по совету академика С.Л. Тихвинского я прочел дневниковые записи Семенова, опубликованные его дочерью Еленой в журнале «Новая и новейшая история»¹. Дневники В.С. писал для себя, не для публикации, так что они, на мой взгляд, совершенно натуральны. И я еще раз убедился, насколько добротным и серьезным человеком он был.

Помимо указанных двух соглашений, широко известных в совокупности как ОСВ-1, на переговорах были выработаны еще два соглашения, но менее известных —

¹ Новая и новейшая история. 2004. № 3, 4.

о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны и о мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР — США. За них я отвечал персонально, у меня были специальные группы военных специалистов и связистов, которые помогали мне вести эти переговоры.

Существо первого из них (в нашей делегации его сокращенно называли «соглашением о мерах», а американцы — «Accidents Measures Agreement»), коротко говоря, состояло в том, чтобы две противостоящие друг другу ядерные державы взяли на себя обязательство взаимно уведомлять о несанкционированном, случайном или ином необъясненном инциденте, связанном с возможным взрывом ядерного оружия, уведомлять при обнаружении неопознанных объектов системами предупреждения о ракетном нападении, а также заблаговременно уведомлять о запланированных пусках ракет, если такие пуски производятся за пределы национальных территорий в направлении другой стороны.

Но главный смысл соглашения и его непреходящее значение заключались в том, что в нем *впервые* юридически закреплялось состояние стратегического баланса между двумя державами, который в целом сохраняется и по сей день. Второе соглашение было развитием прежнего соглашения о линии прямой связи, заключенного в июне 1963 г., и предусматривало использование спутниковой связи в дополнение к другим средствам связи.

В тот острый период холодной войны заключение подобных соглашений явилось существенным прорывом в установлении более или менее нормальных отношений между Востоком и Западом и в дальнейшем повело к достижению важнейших соглашений по ограничению и сокращению оборонительных и наступательных стратегических вооружений.

Начиная еще с военных времен, мы долгое время отставали от Соединенных Штатов в развитии ядерного оружия и средств его доставки, и лишь к концу 1960 — началу 1970-х гг. был достигнут более или менее приемлемый для нас баланс стратегических возможностей. К концу 1960-х гг. ежегодно строились по 200—250 шахт для МБР и по 7—8 атомных подводных лодок с баллисти-

ческими ракетами¹, и Советский Союз, отставая от США по количеству и, особенно, по качеству стратегических носителей, но уже приблизившись к ситуации взаимного стратегического баланса между двумя державами, стремился закрепить это в политико-юридической форме.

Мне, как я уже упоминал, было поручено, наряду с участием в переговорах по ОСВ, возглавить группу наших представителей — главным образом военных из Генштаба — и провести переговоры с целью выработки соответствующего соглашения с американской делегацией, которую возглавлял посол Джеф Парсонс. Договоренность эта называлась, как я также уже указывал, Соглашением о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США. Хотя прямо в соглашении, естественно, не говорилось о взаимном признании наличия стратегического баланса между двумя державами, но все оно было проникнуто именно этой центральной идеей.

Другое соглашение, тесно связанное с первым, — Соглашение о мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР—США — тоже было поручено курировать мне с участием наших соответствующих экспертов. Оно было развитием прежнего соглашения — Меморандума, заключенного между двумя державами в июне 1963 г. Меморандум был подписан спустя некоторое время после Карибского кризиса октября 1962 г., когда мир был на волоске от ядерной войны и стороны обменивались посланиями с целью скорейшего разрешения кризиса, особенно в самый критический момент противостояния, буквально прямым текстом по радио. Но тогда предусматривалось использование проводных телеграфных и радиотелеграфных каналов. Теперь же, в 1971 г., было решено задействовать более современные каналы прямой связи между двумя странами — спутниковые.

Специальная рабочая группа по подготовке соглашения о мерах, которую возглавляли мы с Джефом Парсонсом, провела более 25 заседаний в период с апреля

¹ Savel'yev Aleksandr and Detinov Nikolay. The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Westport, CT, and L.: Praeger, 1995. P. 2.

по август 1971 г. в Вене и Хельсинки, и достигнутое соглашение было парафировано В.С. Семеновым и главой делегации США на переговорах ОСВ Джерардом Смитом 20 августа в Хельсинки.

Вначале предполагалось, что все договоренности по ОСВ-1 (Договор по ПРО, Временное соглашение о наступательных стратегических вооружениях, соглашения о мерах и о прямой связи) будут завершены примерно в одинаковые сроки и подписаны на высшем уровне. Но мы спешили побыстрее закрепить стратегический баланс, и по настоянию советской стороны было согласовано, что два указанных соглашения будут подписаны раньше — как только они будут выработаны. Это состоялось в Вашингтоне 30 сентября 1971 г. Соглашения были подписаны А.А. Громыко и госсекретарем Уильямом Роджерсом.

Однако еще один важный аспект общей проблемы уменьшения опасности возникновения ядерной войны — вопрос о возможном применении ядерного оружия третьей стороной — вызвал большие разногласия и так и не был решен. Проблема «третьей страны» оказалась весьма *крепким орешком*. Речь шла о том, как поступить в том случае, если бы на одну из сторон было совершено нападение с применением ядерного оружия какой-либо другой ядерной державой (например, путем запуска с атомной подводной лодки) с целью спровоцировать ядерную войну между СССР и США и как предотвратить такое развитие событий. Советская делегация недвусмысленно поставила этот вопрос еще в самом начале переговоров ОСВ. В.С. Семенов неоднократно поднимал его перед Джерардом Смитом и в ходе дальнейших переговоров. Вопрос, поставленный советской стороной, безусловно, заслуживал рассмотрения и решения, хотя и содержал довольно деликатные политические *обертоны*.

Как писал позднее исполнительный секретарь американской делегации Рэймонд Гартхоф, советское предложение было расценено американской стороной как попытка установления некоего рода двустороннего *кондоминиума*, что затрагивало бы американские отношения со своими союзниками — Великобританией и Францией, но, прежде всего, с Китаем. «Явным фоку-

сом» советского внимания, считает Гартхоф, был Китай, с которым Соединенные Штаты «тайно находились на предварительных этапах сближения». Примерно в том же духе высказался в своих мемуарах и госсекретарь Генри Киссинджер: «Нам пришлось бы (в случае достижения договоренности. — *P.T.*) сотрудничать с Советским Союзом против двух союзников — Соединенного Королевства и Франции — и против Китайской Народной Республики, с которой уже тогда мы стремились установить контакт»¹. Но в то же время, признает Гартхоф, этот вопрос вызывал «законную озабоченность у советской стороны (а, возможно, и у американской) и имел прямое отношение к проходившим переговорам»².

Как свидетельствовал в своих воспоминаниях о переговорах об ОСВ-1 глава американской делегации Дж. Смит, Китай на заседаниях никогда не упоминался, «но часто казалось, что он как призрак присутствует за столом переговоров»³.

Вот как В.С. Семенов вспоминал в своих мемуарах, опубликованных в Германии, о переговорах по проблеме возможного применения ядерного оружия третьей стороной:

«Иногда наши переговоры оказывали влияние и на высокую государственную политику. В директивах советской делегации это неожиданное влияние сказалось, к примеру, в 1971 г. Мы получили поручение выяснить позицию США относительно возможных совместных действий обеих держав в случае нападения с использованием ядерного оружия со стороны ядерной державы (Китай). Будучи дипломатом, я знал, что к переговорам по таким вопросам высокой политики необходимо относиться с терпением. По сей причине я разделил всю операцию на три этапа. Первым делом, в разговоре со

¹ Kissinger Henry. *White House Years*. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1979. P. 548. Тут следует заметить, что в середине июля 1971 г. состоялась поездка Генри Киссинджера в КНР.

² Raymond L. Garthoff. *Detente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Wash., DC: The Brookings Institution, 1985. P. 177.

³ Smith Gerard. *Doubletalk. The Story of the First Strategic Arms Limitation Talks*. Garden City, NY: Doubleday & Company, Inc, 1980. P. 96.

Смитом я обрисовал данную проблему в общих чертах. Он сильно удивился и тут же проинформировал свое руководство, в чем я не сомневался.

Спустя несколько дней я изложил суть поставленного нами вопроса чуть подробнее. Для этого я выбрал перерыв между двумя актами оперы, на которой мы были в Вене. Я заметил, как Смит подозвал к себе исполнительного секретаря своей делегации Гартхофа, чтобы тот немедленно доложил содержание этого разговора в Вашингтон.

Затем на пленарном заседании делегации я подробно представил нашу позицию и передал Смиту лично ее письменное изложение на русском языке, а также неофициальный перевод на английский.

Я посчитал необходимым предоставить американской стороне некоторое время для выяснения ее позиции в Хельсинки и Вене и тем немного умерить пыл дискуссии. Однако не чужда была нам и твердая позиция: мы успешно завышали цену на нашу «Галошу»¹ и достаточно агрессивно выступали на пленарных заседаниях. Смит, человек с высоким умом и развитым чувством юмора, однажды после одного из воинственных выступлений нашей делегации обратился ко мне с такими словами: «Мне ясно, что вы, в первую очередь, обращаетесь к вашим военным. Они должны знать, что вы и мускулами можете поиграть»².

Но американская сторона отклонила наши усилия достичь хоть какой-то договоренности по проблеме третьей страны. Как пишет Гартхоф, в июле 1971 г. Киссинджер сообщил по конфиденциальному каналу советскому послу в США А.Ф. Добрынину, что предложение Семенова является «неприемлемым»³, а позднее оно и официально было отклонено делегацией США на переговорах. Нам стало ясно, что настаивать на решении этой проблемы бесполезно.

¹ Систему ПРО.

² Semjonow Wladimir. Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939—1995 / Перевод Алисы Лайта. Berlin: Nikolai, 1995. S. 351—52.

³ Garthoff. P. 179.

О времена, о нравы!

Между прочим, о царивших тогда в наших делегациях нравах говорит такой случай (впрочем, не исключая, что эти нравы живучи и сейчас). Поскольку в делегацию входили лица, весьма осведомленные в государственных секретах, то и в Вене (точнее в городке Баден под Венной), и в Хельсинки мы снимали отдельные отели, чтобы можно было в максимально возможной степени избегать общения с посторонними. И вот, когда мы с исполнительным секретарем нашей делегации ныне покойным Николаем Кишиловым впервые вошли в помещение отеля на окраине Хельсинки, снятого для делегации, то столкнулись в дверях с пресловутым разведчиком и контрразведчиком Олегом Калугиным, который, сделав вид, что не заметил нас, вышмыгнул из гостиницы прямо у нас на глазах. Зачем здесь Олег? — спросил я Николая, который, кстати говоря, был офицером ГРУ. Да он вербовал персонал отеля и устанавливал подслушивающие устройства, ответил он. Как я узнал позже, Калугин в это время был то ли начальником, то ли заместителем начальника внутренней контрразведки Первого главного управления КГБ (то есть разведуправления). Олега я знал с давних пор по Нью-Йорку, где он стажировался в Колумбийском университете, а потом работал *под крышей* корреспондентом советского радио в Нью-Йорке.

Настольная книга

В 1997 г. торжественно отмечалось 40-летие МАГАТЭ. Не помню, как праздновалось 30-летие Агентства и другие его юбилеи, но 40-летие хорошо отпечаталось в памяти. Кроме приглашения на сессию Генеральной конференции для участия в юбилее еще остававшихся в живых старожилов МАГАТЭ¹, было решено выпустить две книги — историю создания и функционирования организации и сборник личных воспоминаний. Но так как секретариату Агентства по многим политическим

¹ В их числе приехал Дональд Соул (Donald Sole) — первый и многолетний представитель Южной Африки при МАГАТЭ, весьма колоритная и авторитетная личность.

мотивам было неудобно самому подписываться под книгой об истории организации, было сочтено целесообразным, чтобы она была написана лицом, уже не работающим в Агентстве, но человеком авторитетным и хорошо знающим всю историю создания и деятельности МАГАТЭ при помощи и консультации группы лиц (в их число вошел и я), а также некоторых технических подразделений секретариата.

В качестве автора был избран Дэвид Фишер — по паспорту англичанин, но по происхождению и национальной принадлежности южноафриканец. Дэвид родился в колониальной Южной Родезии, но стал южноафриканским дипломатом и вошел в состав миссии ЮАР при МАГАТЭ с самого начала деятельности Агентства, а потом и крупным международником-чиновником организации. В течение многих лет он был руководителем Отдела внешних сношений (как бы министром иностранных дел) при Генеральном директоре Зигварде Эклунде (Швеция), который, будучи человеком технического уклона, нуждался в качестве своего помощника в хорошем знатоке международной политики. С Дэвидом Фишером мы дружили на протяжении многих лет.

Книга об истории МАГАТЭ вышла в срок и стала бестселлером, она была даже переиздана и вывешена на веб-сайт Агентства¹. Дэвид так хорошо сделал ее, что нам, членам группы консультантов, мало в чем пришлось поправлять рукопись. Мое основное замечание, кроме многих сравнительно мелких и редакционных, помнится, состояло в том, чтобы в книге правильно отражался *поворот* Советского Союза от критики системы гарантий Агентства в сторону ее принятия, а именно, чтобы вопреки мнениям многих западных экспертов он объяснялся главным образом тем, что в Москве в начале 1960-х гг. стали все больше опасаться приобщения к ядерным программам таких стран, как ФРГ, которая начала тогда лихорадочными темпами разворачивать свою атомно-энергетическую промышленность и искала пути приобщения и разработки передовых атомных техноло-

¹ Fischer David. History of the International Atomic Energy Agency. The First Forty Years. Vienna: The Agency, 1997.

гий за пределами страны, на территории которой это было ей запрещено, в частности в Южной Африке и Бразилии. И тогда в Москве было решено, что нужно иметь строгую систему гарантий для контроля за ядерными государствами. Мне в свое время довелось участвовать в этой работе по усилению системы гарантий в качестве как бы политического советника наших представителей.

Сейчас те, кто приступает к работе в Агентстве или в представительствах при нем, воспринимают монографию Фишера в качестве настольной книги. Когда я был не так давно в Вене на заседаниях Совета управляющих Агентства, то поддержал предложение о том, чтобы на ее основе подготовить обновленную монографию об истории МАГАТЭ к 50-летию юбилею, который отмечался в 2007 г. Идея эта имела немало сторонников, однако, трудно было подыскать подходящего автора. Дэвид был не очень здоров во время обсуждения этой идеи. В конце концов было решено отложить издание новой книги о МАГАТЭ к более позднему юбилею. Дэвид Фишер скончался весной 2007 г.

Что касается сборника личных воспоминаний, для которого мною была написана глава, то он имел меньший успех, что, думаю, вполне понятно в сравнении с книгой, систематически описывающей историю МАГАТЭ¹.

Зона мира

В начале 1980-х гг. меня назначили представителем СССР в Специальном комитете ООН по объявлению Индийского океана зоной мира. Первоначально идея создания такого комитета принадлежала, если не ошибаюсь, Шри-Ланке. Цель — удалить из Индийского океана американский флот, закрыть военную базу США на о-ве Диего Гарсия, после чего этот океан покинет и сравнительно небольшая советская флотилия, которая следила за американскими подводными лодками, осна-

¹ International Atomic Energy Agency. Personal Reflections. Vienna: The Agency, 1997. Моя глава называется: The IAEA and Nuclear Arms Control: Past, Present and Future.

ценными баллистическими ракетами, нацеленными на объекты в Советском Союзе. Индия поддерживала эту идею, но с некоторой сдержанностью, так как у нее была достаточно понятная озабоченность, как бы создание зоны мира в полном объеме не потянуло за собой и денуклеаризацию всего этого региона, что, с индийской точки зрения, противоречило бы ее стратегическим и военно-политическим интересам. (Я же в течение всего времени моей работы в спецкомитете имел в виду и эту проблему и в душе стремился умерить ядерные амбиции индийцев, тем более, что уже поступали сведения, что не только Индия, но и Пакистан предпринимает шаги к овладению атомной бомбой).

До меня нашим представителем был Л.И. Менделевич, человек чрезвычайно энергичный и, главное, как говорится, *писучий* (у которого я тоже учился готовить документы). В связи с его переходом на другую работу (кажется, послом в Данию), выбор пал на меня. Я с жаром взялся за дело, и один старший офицер ВМФ, входивший в советскую делегацию, сообщил мне, что со мной хотел бы познакомиться главнокомандующий ВМФ адмирал флота Советского Союза С.Г. Горшков. У адмирала я не раз бывал и тогда, и в дальнейшем.

Горшков неизменно подчеркивал важность создания зоны мира в данном регионе, поскольку, как он подчеркивал, нам трудно держать там флотилию по целому ряду причин, в основном финансового порядка. Был он невелик ростом, но умел весьма авторитетно и настойчиво проводить свою точку зрения. Как-то было назначено совещание в Москве представителей соцстран-участниц спецкомитета, и я организовал их визит к адмиралу. От соцстран, помнится, выступал посол ГДР Цахман, и, по признанию всех присутствовавших, Горшков произвел на них сильное впечатление.

По делам моего нового назначения я побывал и в Индии, и в Шри-Ланке, и в Пакистане. В Пакистан я поехал с заместителем министра иностранных дел Н.П. Фирюбиным, который одно время был женат на Е.А. Фурцевой. Фирюбин и я были приняты президентом страны Зия Уль Хаком, который вскоре после этого погиб в авиакатастрофе. На приеме был и Ага Шахи, министр иностранных дел, мой старый знакомый еще

по работе в Нью-Йорке, где он входил в состав миссии при ООН. Фирюбин обсуждал с президентом общие международные проблемы и, в особенности, вопросы, связанные с ситуацией вокруг Афганистана, где тогда шли жаркие и безнадежные бои с моджахедами, а я же затронул тему зоны мира в Индийском океане, а также вопросы ООН. Разговор был мало продуктивным, но надолго запомнился взгляд Зия Уль Хака, обладавший какой-то особой магнетической силой, гипнотически воздействовавшей на его собеседников.

Моим заместителем по комитету был Ю.Н. Виноградов, человек незаурядный, в прошлом один из самых блестящих переводчиков. Потом он стал послом в Шри-Ланке и умер довольно рано. Одно время он был мужем нашей знаменитой телеведущей Валентины Леонтьевой, тети Вали, как она была известна юным и не только юным телезрителям. Но после развода с Валентиной Виноградов женился на одной женщине из Ленинграда и был похоронен, кажется, там.

Для меня спецкомитет по Индийскому океану стал окном в сложный и глубоко противоречивый мир Южной Азии. Спустя несколько десятилетий я вновь вернулся к проблематике этого региона и написал довольно большую работу по вопросам ядерной ситуации в Южной Азии в связи с испытаниями ядерного оружия Индией и Пакистаном в мае 1998 г.¹

Неизвестные страницы

Начиная с 1996 г., я принимаю участие в большом проекте, посвященном истории создания ядерного оружия преимущественно в Советском Союзе, но также и в других ядерных державах. Проект этот был организован Курчатовским институтом и Институтом истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова

¹ Тимербаев Роланд. Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность // Научные записки ПИР-Центра. М., 2001. № 17. В этой записке опубликованы также работы А. Шилина об эскалации гонки обычных вооружений в регионе и И. Федченко о российско-индийском сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии.

(ИИЕТ РАН). Каждый месяц в ИИЕТ проводятся семинары, на которых выступают участники ядерных проектов и другие специалисты, а в 1996 и 1999 гг. состоялись две крупные научные конференции в Дубне и Лаксенбурге под Веной. Мне довелось не раз выступать на семинарах и конференциях в основном по международно-политическим аспектам проблем создания и существования ядерного оружия. В 2005 г. я сделал на семинаре доклад об истории ядерной программы Южной Африки.

На семинарах и конференциях участниками атомных проектов было рассказано много такого, что до этого нигде не публиковалось. Так, например, один из ученых из Харьковского физико-технического института поведал о том, что он с другим атомщиком еще до войны сделал заявку на получение патента на изготовление атомной бомбы, но она принята не была. Другой специалист из Курчатовского института представил доклад о попытках создать самолет с атомным двигателем. Но от этой идеи пришлось отказаться из-за непомерно большого веса системы биологической защиты экипажа самолета. Я неизменно посещаю семинар и с нетерпением жду приглашения на каждое его заседание.

В семинарах и научных конференциях принимал участие наш легендарный разведчик Герой России Владимир Борисович Барковский, для меня — Володя, поскольку мы познакомились в Нью-Йорке еще в 1950 г., когда ему было не более 35 лет. Барковский умер в 2003 г., немного не дожив до своего 90-летия. О нем в последнее время написано немало, и я не буду рассказывать о его делах и подвигах. Скажу только, что, получив высшее техническое образование и пройдя подготовку в разведшколе, он попал в техническую разведку, которая командировала его в Лондон. Он одним из первых стал заниматься атомным шпионажем, для чего ему пришлось уже на месте, в Лондоне, овладеть и ядерной физикой. В дальнейшем, уже в более поздние годы, он попал в немилость, кажется, из-за *пятого пункта* или по какой-то другой причине. Но правда в конце концов восторжествовала, и уже в 1990-х гг. при Ельцине он получил давным-давно заслуженное звание Героя России.

Времена Шеварднадзе

О встречах с Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе. Мне довелось работать под его началом в 1986—1991 гг. Но прежде всего я расскажу о том, как я узнал о новом его назначении на пост министра иностранных дел. Летом 1985 г. я был в краткосрочной командировке в Нью-Йорке и жил в одной из гостевых комнат нашего представительства. Каждое утро в 6 часов я слушал последние известия по своему маленькому радиоприемнику, и почему-то в это время лучше всего в Нью-Йорке принималось австралийское радио. И вдруг голос диктора сообщает, что в Москве назначен новый министр иностранных дел, называет его фамилию: она длинная, но неразборчивая.

Спускаюсь вниз в спортивном костюме, чтобы побегать трусцой в находящемся вблизи представительства Центральном парке и машинально спрашиваю у дежурного пограничника, как прошла ночь. Он отвечает, что все в порядке, но что всю ночь звонили журналисты и интересовались, кто такой Шеварднадзе. Тут меня осенило: Горбачев назначил министром своего друга и соседа по партийной работе (сам он был до Москвы секретарем Ставропольского обкома партии) — секретаря ЦК Грузии Э.А. Шеварднадзе. Громыко же был переведен на более спокойную должность председателя Президиума Верховного Совета СССР.

У меня остались от общения с Шеварднадзе, несмотря на мнения некоторых мидовских чиновников о его *коварстве* и прочая и прочая, самые хорошие воспоминания. Он умел внимательно выслушать собеседника, прислушивался к его мнению и советам, доверял людям, давал достаточно большую свободу действий и т. д. Таким образом, между нами сложилось полное взаимопонимание.

Как-то я предложил ему приехать в Вену на подписание очень важной международной конвенции по борьбе с наркотиками, мотивируя тем, что ее будут подписывать и другие министры и учитывая нарастающую проблему наркомании и наркотрафика в Советском Союзе, и он живо откликнулся на это. Еще когда я работал в Нью-Йорке, то Шеварднадзе во время ежегодных сес-

сий Генассамблеи ООН часто брал меня на встречи с другими министрами. Я вел записи его бесед, и он обычно отсылал их в Москву без какой-либо существенной правки.

Летом 1991 г. я решил подать в отставку, зная, что и в Москве были такие настроения: неумолимо приближалось мое 65-летие. У меня к тому же были давние планы перехода на научно-преподавательскую работу. Но мое заявление оставалось долгое время без ответа, поскольку в стране царил полная неразбериха: дело ГКЧП, чехарда с министерскими назначениями и т. д. Тогда в конце года я, как обычно, поехал в отпуск. И только Шеварднадзе, который на некоторое время вернулся на пост министра иностранных дел в конце 1991 г., дал согласие на мою отставку. Но указ президента Ельцина о моем переходе на пенсию был подписан только в марте 1992 г., так что я некоторое время был постпредом Российской Федерации в Вене.

«Пятидесятники»

Возвращаюсь назад — в 1950-е гг. Именно тогда сложилось мое мироощущение и мировоззрение. Большую и, наверное, решающую роль, конечно, сыграло то обстоятельство, что еще весной 1950 г. 22-летним молодым человеком я приехал на работу в Нью-Йорк, где как губка впитывал все, что видел вокруг. А в остальном я больше всего обязан моему другу Владимиру Глебовичу Шкунаеву. Он — из первого выпуска МГИМО, старше меня примерно на полтора года. Я его знал по институтским годам, тогда началась и потом окрепла наша дружба. Именно он и его друзья, в круг которых он меня ввел, оказали на меня огромное влияние в плане моего отхода от царивших тогда у нас догм и приобщения к пониманию общечеловеческих и истинно российских ценностей. Разумеется, и неудачная попытка изгнать меня из МИД, о которой я уже писал, тоже сыграла свою роль в моем становлении. Определенное значение имел, конечно, и доклад Хрущева на XX съезде партии в начале 1956 г., в котором был развенчан культ Сталина.

Особенно важными для меня были 1950-е гг. (с 1953 по 1958 г.), когда я находился в Москве и часто виделся

с Володей и его друзьями. Два раза — в 1954 и 1955 гг. — мы с ним выезжали на моей машине в Крым, отдыхали и в Мисхоре, и в Коктебеле. И когда некоторые говорят: мы шестидесятники, я отвечаю, что я пятидесятник, как и Володя.

Жена Володи Инна Гимпельсон входила в круг лиц, *кучковавшихся* вокруг Александра Трифоновича Твардовского, главного редактора «Нового мира». И по этой причине, и по *пятому пункту* ей был закрыт выезд за границу. Поэтому и Володя с ней не мог выехать в длительную командировку, хотя в краткосрочных командировках он часто бывал. Занимался он вопросами специализированного учреждения ООН — Международной организации труда (МОТ), возглавляя соответствующее подразделение в Министерстве иностранных дел. Он много сделал для внедрения в наше законодательство прогрессивных и справедливых принципов взаимоотношений между работодателями и наемными трудящимися. МОТ приняла значительное количество конвенций на этот счет, и Володя добивался и добился присоединения ко многим из них Советского Союза.

Он прилагал все усилия к тому, чтобы поехать на работу в Женеву в секретариат МОТ, но Инну не выпускали, и тогда он принимает решение добровольно, по своей воле уйти из МИД, что вызвало всеобщее удивление. В то время работа в министерстве считалась очень престижной, не то, что сейчас, когда лучшие молодые сотрудники МИД покидают его в поисках большего заработка в бизнесе.

В течение многих лет Шкунаев работал в ИМЭМО АН СССР, дружил с Григорием Морозовым, первым мужем Светланы Аллилуевой, который возглавлял в институте отдел международных организаций. Там Володя защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертации. Его монография по ООН, вышедшая в 1976 г., и сейчас представляет немалый научный интерес.

В 1971 г. Инна неожиданно умирает, и через несколько лет Володя женится на своей второй жене — Зое. С нею в 1979 или в 1980 г. он уезжает в Женеву на должность помощника (то есть одного из заместителей) Генерального директора МОТ, каковым он проработал

лет семь. По возвращении он умер в 1988 г. от сердечно-сосудистого заболевания.

Наши многочисленные разговоры с ним и нашими общими друзьями, проникнутые духом оптимизма и веры в лучшее будущее, как бы предвещали период гласности и перестройки. Он не дожил до больших перемен в нашей жизни, но также и до периодов глубоких разочарований. Мне чрезвычайно повезло, что у меня был такой мудрый старший товарищ.

Во многом я обязан ему и Грише Морозову (который умер в конце 2001 г.) тем, что я приобщился к научно-исследовательской работе. Меня и раньше к ней тянуло, и по окончании МГИМО в 1949 г. я предпочел бы остаться в аспирантуре, но меня направили в МИД на практическую работу. Году в 1966 Гриша попросил меня (а настойчиво просить он умел и обычно добивался своего) написать главу о МАГАТЭ для книги о специализированных учреждениях ООН, которая выходила под его редакцией. Прочитав ее, он спросил меня — а не написать ли мне на ее основе кандидатскую диссертацию. И с этого началось: вначале кандидатская, потом докторская и т. д. В 1969—1971 гг. (возможно, эти даты неточны) я даже работал по совместительству старшим научным сотрудником ИМЭМО. А в начале 1980 г. преподавал в МГИМО, где получил звание профессора. Но за этим, конечно же, в немалой степени стоял Шкунаев, его пример. И когда я выходил в отставку из МИД в 1992 г., я думал только о предстоящей научно-преподавательской работе, которой занимаюсь и по сей день.

Потерялся ребенок

А теперь довольно забавный *анекдот*, имевший у меня место с внуком Шкунаева Митей. Ему тогда было лет семь, и Володя и Зоя попросили меня привезти его в Женеву на лето, куда я направлялся в краткосрочную командировку. Перед вылетом его мама Галя Манфред (дочь известного профессора истории и первая жена сына Шкунаева Сергея) и бабушка Надежда Васильевна строго инструктировали внука: крепко держаться за меня, слушаться во всем, называть меня на вы и т. д. Мы благополучно долетели до Цюриха, во время полета

Митя проникся ко мне уважением и все время повторял как рефрен, что я «лучший человек на свете».

В Цюрихе предстояла пересадка на поезд, идущий в Женеву. Мы прошли паспортный контроль, а затем подошли к таможенному. Вещей у нас было порядочно, и я погрузил их на тележку. У таможенника произошла некоторая минутная заминка, ответив на какой-то его вопрос, я выкатил тележку из таможни, а Мити нет: ребенок пропал.

Тут же я подъехал к полицейскому участку и попросил разыскать мальчика. Об этом сразу же было объявлено по радио, но Митя-то никаких иностранных языков тогда не знал (потом он закончил Марбургский университет в Германии). Я решил двинуться в офис *Аэрофлота*, а там уже был Митя. «Ты что меня бросил?», — накинулся на меня он, забыв о наставлениях матери и бабушки. В конце концов, мы добрались поездом до Женевы. Но с большим опозданием. Володя и Зоя, конечно, очень перенервничали, долго дожидаясь нас на платформе Женевского вокзала.

Что-то положительное

Мне часто приходилось выступать по радио и телевидению — и в Нью-Йорке, и в Вене, и в Японии, и, конечно, в Москве. Обычно я настаивал на прямом эфире, чтобы редактор или режиссер передачи потом не мог передернуть мои слова. Но это не всегда удавалось. Чаше тележурналисты приезжали ко мне домой и делали запись.

Но вот в конце мая 2002 г., когда состоялся визит в Москву президента США Джорджа Буша для подписания с В.В. Путиным Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов, московское бюро *Би-би-си* попросило меня приехать в студию, находящуюся в гостинице «Россия» для участия в прямой передаче после подписания договора. Из Лондона ради этой передачи прибыл ведущий дипломатический обозреватель телекомпании. Меня попросили занять место перед телекамерой на крыше гостиницы и сразу же после подписания договора прокомментировать его значение. Началось длительное ожидание этого момента — помнит-

ся, не менее 40 минут. Все это время мне пришлось стоять на специально обозначенном месте — ведь подписание могло состояться в любой момент — под палящими лучами совсем не весеннего солнца, хотя был только конец мая. Наконец, мне дали сигнал говорить, но чего я сказал в прямой эфир, ей Богу, уже не помню, но что-то положительное.

Во всяком случае, к этому договору, при всех его недостатках, я и тогда, и сейчас отношусь в целом позитивно, он более справедлив и выгоден нам, чем договор СНВ-2, который так и остался не до конца ратифицированным и в силу не вступил. Но в то же время новый договор касается только стратегических носителей, и каждая сторона может сохранять в резерве столько ядерного оружия, сколько пожелает. Он подвергается критике — и вполне справедливой — со стороны многих неядерных государств.

Tour d'horizon

Когда я работал в Нью-Йорке в 1986—1987 гг., из Москвы было получено новогоднее поздравление от М.С. Горбачева бывшему президенту США Ричарду Никсону с указанием вручить его лично. В то время Никсон жил недалеко от Нью-Йорка — на своей вилле, кажется, в шт. Нью-Джерси. Связавшись с его секретариатом, я узнал, что у него совершенно необычный распорядок дня (и ночи), он встает очень рано и прибывает к своему месту работы в Федеральном здании (*Federal Building*) в южной части Манхэттена в 5 часов утра и к полудню, уже завершив дела, уезжает домой. Узнав, что у меня личный пакет от Горбачева, мне предложили приехать к нему к 9 часов утра, и я, разумеется, согласился.

Офис бывшего президента занимал, на что я обратил внимание, целый этаж Федерального здания, у него было много помощников и секретарей и большая охрана. Никсон был чрезвычайно любезен, было заметно, что он весьма польщен проявленным к нему вниманием. Ведь он не по своей воле ушел с поста президента, еще задолго до прихода к власти Горбачева.

После передачи Никсону поздравления от М.С. Горбачева, а также и от себя лично между нами состоялась длительная беседа, в ходе которой бывший американский президент сделал *tour d'horizon* международной обстановки и перспектив советско-американских отношений. По его мнению, с наступлением в Советском Союзе периода перестройки и гласности наши взаимоотношения будут выравниваться, и он был твердо убежден в этом. И, действительно, все шло к этому, и уже появились явные признаки улучшений во многих областях наших взаимных интересов. С разрешения Никсона я делал пометки и потом написал подробную запись беседы, которую телеграфно сообщил в Москву. Как мне потом говорили, она вызвала в Москве большой интерес.

Научный аргумент

Поделюсь воспоминанием об одном эпизоде из жизни нашего посла в Японии, Китае, Индонезии Николая Николаевича Соловьева, моего давнего друга, безвременно ушедшего из жизни в 2001 г.

Дело было в 1960-х гг. В Москву приехал из Петропавловска-Камчатского мой старый и добрый приятель Сергей Александрович Федотов, ныне академик РАН, директор Института вулканологии РАН, а тогда — молодой талантливый ученый-вулканолог, доктор наук.

Его безмерно беспокоило, что Москва будто бы собирается передать Японии Южно-Курильские острова, и он попросил встречи со мной, притом непременно в МИД — официальном учреждении, хотя до того (и после) мы общались с ним во время его редких приездов в Москву с Камчатки неофициально то там, то сям. Придя ко мне в кабинет, он стал обстоятельно и весьма аргументированно доказывать необходимость сохранения этих островов в составе СССР по причинам отнюдь не политическим или экономическим, а прежде всего чисто научным. По его мнению, острова нужны для продолжения проводимых советскими учеными научных исследований, крайне важных для изучения и предсказания вулканологической деятельности в этом сейсмоопасном регионе. Ссылался он на важность этих иссле-

дований и с точки зрения оборонных интересов нашей страны. Я с интересом слушал Федотова, как мог разъяснял позицию советского руководства в пользу сохранения Курильских островов в Советском Союзе, но в каком-то месте почувствовал, что ему нужны более авторитетные объяснения и заверения, что эти острова должны оставаться у нас.

И тогда я позвонил Николаю Соловьеву. В ту пору он был заведующим референтурой по Японии Дальневосточного отдела МИД, занимал небольшой, узкий, как пенал, кабинет на 11 этаже, деля его с кем-то еще. Н.Н. немедленно откликнулся и спустился ко мне на 10 этаж, в Отдел международных организаций.

Тут я воочию увидел Николая во всем блеске его на редкость убедительной и в то же время мягкой, ненавязчивой манеры аргументировать и убеждать. Но прежде чем высказать доводы в защиту линии на сохранение островов в составе Советского Союза, Н.Н. внимательно и терпеливо выслушал мнение ученого и, думаю, узнал много полезного для себя. Оба собеседника остались чрезвычайно довольными друг другом. Не знаю, встречались ли они еще раз.

С тех пор прошло много лет, время от времени я вижу с Сергеем Федотовым, и всякий раз он вспоминает свое посещение МИД и беседу с Николаем. Последний раз я видел ученого в 2002 г. во время похорон моей сестры. Узнав о безвременной кончине Николая, Федотов горестно посетовал на безжалостность судьбы.

Вы поступили правильно

Валентин Иванович Оберемко — выпускник МГИМО моего же выпуска 1949 г. Учился он в американской группе. Я же был в английской группе. Тогда, еще начиная с факультета международных отношений МГУ, предшественника МГИМО, мы были разбиты по так называемым академическим группам по страноведческому принципу, и уже только под конец учебы были учреждены факультеты МГИМО, и всех нас распределили по историческому и правовому факультетам. Нас с Валентином включили, не особенно спрашивая нашего мнения, на исторический факультет, впрочем, мы об

этом ни тогда, ни позже не жалели. Он собирался стать американистом, я — специалистом по Англии.

Но судьба распорядилась иначе. В тот период была острая нужда в специалистах по Организации Объединенных Наций и другим международным организациям, которые бурно создавались в конце войны и сразу же после ее окончания. Меня, как я уже писал, без моего желания распределили в МИД, и я ожидал конкретного назначения, рассчитывая, что меня, как специалиста по Англии, направят в соответствующий отдел — Второй европейский. Иду я по какому-то делу (кажется, на медкомиссию) в МИД, который тогда находился на Кузнецком мосту, и сталкиваюсь лицом к лицу с Валентином. Он, всегда такой жизнерадостный, идет грустный, с опущенным носом. «Что случилось, Валя?» — спрашиваю я его. «Знаешь, — отвечает он, — меня распределили в Отдел по делам ООН, чем я там смогу заниматься и зачем я отдал столько лет изучению Соединенных Штатов?»

Возвращаюсь домой, и мне говорят, что только что звонили из МИД и меня срочно разыскивают. Прихожу в МИД — в Учебный отдел Управления кадров к заведующему Учебным отделом А.И. Поповкину, и он безапелляционно объявляет, что решено направить меня в тот же Отдел по делам ООН. Вместе с нами туда распределили еще одного нашего выпускника — Владислава Леонидовича Швецова, с которым дружил 60 лет, он скончался в 2005 г. Вначале я был огорчен, но, сказать по правде, через несколько лет понял, что международные организации — мое призвание.

Весной 1950 г. Валентина командируют в представительство СССР при ООН, а спустя две-три недели и я присоединяюсь к нему. ООН — прекрасная школа дипломатии. В международных организациях дипломат, в отличие от представителей в тех или иных странах, взаимодействует с огромным множеством делегаций от самых различных государств и при этом занимается самыми разнообразными проблемами. Это позволяет оттачивать дипломатическое мастерство куда быстрее, воспитывает в дипломате такие важные качества, как оперативность, самостоятельность, необходимую гибкость при должной принципиальности. Но самое, пожа-

луй, главное, — он или она имеет возможность охватить широчайшую амплитуду международных проблем.

Валентин проработал в нашем представительстве 8 лет — с 1950 по 1954 г. и с 1958 по 1962 г. А между двумя командировками он опять в Отделе международных организаций (так стал называться Отдел по делам ООН), где возглавил новое направление — по мирному использованию атомной энергии. Здесь в период образования Международного агентства по атомной энергии (1957 г.) ярко проявился его дипломатический талант, смелость и принципиальность. Идея создания МАГАТЭ неоднозначно воспринималась различными советскими ведомствами (в особенности, Минсредмашем и Минобороны), и во многом по этой причине переговоры с американцами об Агентстве, особенно поначалу, проходили с большими трудностями.

В архиве МИД сохранился документ, подготовленный Отделом международных организаций и направленный руководству министерства, в пользу участия в новой организации, между тем как военное ведомство за подписью маршала В.Д. Соколовского, наоборот, высказывало свои возражения. Точка зрения МИД в конце концов возобладала, и свой значительный вклад в решение вопросов создания МАГАТЭ внес Валентин Оберемко. Именно в период работы над созданием этой организации и в начальный период ее деятельности Валентин глубоко понял важность диалога с США, особенно в вопросах, связанных с международной безопасностью и с атомной проблематикой, и он в значительной мере содействовал налаживанию сотрудничества с США в Агентстве, которое является базисом для успешной деятельности Агентства и по сей день. Сознывая значение завоевания крепких позиций в секретариате МАГАТЭ, Валентин выступил инициатором создания курсов по подготовке наших сотрудников для Агентства.

В 1962 г. осуществляется мечта Валентина — его, наконец, переводят на американское направление, и он становится заместителем заведующего Отделом стран Америки МИД. И на этом участке он всегда проявлял редкостную трудоспособность и целеустремленность в отстаивании интересов нашего государства.

В 1967—1972 гг. Оберемко — советник-посланник советского посольства во Франции. Блестяще владея не только английским, но и французским языком, он быстро завоевывает авторитет в дипломатическом корпусе и в самых влиятельных кругах страны. Его мнение весомо, к нему прислушиваются. Особенно значительна роль Валентина в период переговоров по вьетнамскому урегулированию, которые проходили в Париже между американцами и вьетнамцами в 1968—1969 гг. при посредничестве Советского Союза. Помогая послу В.А. Зорину, а при его частом и продолжительном отсутствии действуя самостоятельно, к чему он был готов благодаря опыту работы в ООН, Оберемко достигает значительного успеха — договоренности о полном прекращении американских бомбардировок и о проведении переговоров относительно мирного урегулирования вьетнамской проблемы в целом.

В самый критический момент парижских переговоров нужно было действовать незамедлительно, но Москва почему-то медлит с ответом на запрос посольства. И Оберемко берет решение на себя, иначе все дело сорвется. Несколько дней молчания, и, наконец, телеграмма Громыко: «Вы поступили правильно». Вьетнамцы также дали высокую оценку действиям советского дипломата.

С 1972 по 1980 г. Валентин Иванович работает на ответственном посту в аппарате ЦК КПСС — первым заместителем заведующего Отделом заграничных кадров. Подбор дипломатических кадров, частые выезды за рубеж для проверки работы посольств, разбора конфликтов.

И вот в 1980 г. он получает новое назначение — Чрезвычайным и Полномочным Послом в Италии. Накануне отъезда в Рим длительная беседа с тогдашним советским руководителем Л.И. Брежневым. Новый посол получает особое задание: в первую очередь восстановить нарушенные в результате вторжения советских войск в Афганистан отношения с руководством компартии Италии, ее генеральным секретарем Энрико Берлингуэром. И на этот раз заметный успех, чему помог богатый дипломатический опыт: отношения существенно выправлены. Не в последнюю очередь помогло и от-

личное знание французского языка: Валентин мог беседовать с Берлингуэром с глазу на глаз, без переводчика.

Но нервная, напряженная работа в течение тридцати лет, непрерывные стрессы подорвали здоровье талантливого человека, дипломата от природы. Через четыре месяца работы в Риме не выдержало сердце, и в июле 1980 г. Валентин безвременно скончался. Как мне рассказывали, в кармане его пиджаков оказалась не одна упаковка нитроглицерина.

Друзья и знакомые всегда будут помнить его доброе отзывчивое сердце, скромность, теплоту, тонкий юмор, интеллигентность, умение в свободное время раскованно повеселиться с друзьями, музыкальность, отличный голос.

Православные христиане в Индии

Беседа с православным митрополитом Дели владыкой Григориусом (вторым лицом в православной иерархии Индии) в самолете по пути из Женевы в Москву. Вот рассказ владыки (выписка из моих дневниковых записей от 5 марта 1982 г.):

«В Индии — 1,5 млн православных христиан. Их цитадель — штат Керала, где находится и Патриарх. Христианство пришло на территорию Индии в 1-м веке от Р.Х. По своей численности православные отстают от католиков — тех 5 млн и протестантов — 2—3 млн. В Керале имеется семинария, где преподавание ведется на английском языке. Службы проходят на языке малайялам, который является одним из диалектов тамильского языка.

Замечания митрополита по русской православной церкви: Пимен — посредственность. Его выбрал Куроедов (председатель Комитета по делам религий), чтобы иметь во главе церкви слабого человека. Никодим — конкурент Пимена — был сильной личностью, но болел сердцем (известно, что он скончался в Риме во время интронизации Иоанна Павла I от шестого (!) инфаркта).

Сейчас второе лицо в русской церкви — Филарет, митрополит Минский, руководитель отдела внешних церковных связей.

Но, по мнению митрополита Грегориуса, самой сильной фигурой должен стать архиепископ Кирилл, ректор Ленинградской духовной академии, которому всего только 35 лет.

Грегориус подтвердил, что имеются серьезные основания полагать, что Папа Иоанн Павел I умер не своей смертью. Это был “Папа разрядки”. Перед смертью Никодима между ними был разговор, который предвещал нормализацию отношений между католиками и православными, Западом и Востоком. Иоанн Павел I скончался на пятнадцатый день (после интронизации) по неизвестной причине. До смерти он не болел. Его труп был обнаружен через семь часов после смерти. Подозревают отравление.

Нынешнего Папу¹, по мнению Грегориуса, выбрали Збигнев Бжезинский и венский кардинал Кениг.

Грегориус соблюдает очень строгий Великий пост. Не ест даже рыбы. В самолете его кормили хлебом, фруктами, рисом.

Православная церковь Индии при всей ее малочисленности пользуется заметным влиянием. Главный секретарь Индиры Ганди — православный (по фамилии Александер).

На мой вопрос, как следует к нему обращаться, отец Грегориус ответил, что можно называть его владыкой (по-английски: *Your Lordship or Your Grace*), хотя это ему не нравится.

В ходе длительной беседы отец Грегориус поразил меня тем, что он глубоко и тонко понимает все перипетии западной политики, оставаясь человеком Востока. Правда, нужно сказать, что он учился в США и Англии. Он глубоко верит в то, что *The East and the West will meet one day*².

По оценке митрополита, в мире сейчас³ насчитывается около 130 млн православных христиан. Из них 60—70 млн в Советском Союзе».

¹ Имеется в виду Иоанн Павел II.

² Восток и Запад когда-нибудь сойдутся вместе (англ.).

³ То есть тогда, когда делалась эта дневниковая запись, — в начале 1980-х гг. Не думаю, что с тех пор число православных христиан существенно возросло.

Дело Шевченко

Об Аркадии Николаевиче Шевченко сказано и написано немало, были о нем даже передачи по нашему телевидению. Да, он оказался невозвращенцем, предателем родины, и не может не вызывать презрения. Но как на деле все это произошло — сие широкой публике мало известно, а о достоверности того, что появляется в СМИ, говорить не приходится. Я расскажу о Шевченко так, как лично видел события, связанные с ним. Думаю, что об этом полезно написать для тех, кто будет изучать нашу эпоху. Сам Шевченко вряд ли представляет существенный интерес для будущих историков, но обстановка этой эпохи заслуживает их внимания и изучения. Конечно, я не мог знать всех фактов, относящихся к «делу Шевченко» и, возможно, в чем-то или даже во многом ошибаюсь, но, вообще-то говоря, есть ли индивидуумы или какие-либо правительственные или иные органы, которые знают *все* факты?

Представители нашей разведки, даже высокопоставленные, стараются изобразить Шевченко в качестве человека, который будто бы задолго до перехода на сторону США был американским шпионом и уже тогда передавал ЦРУ «важные государственные секреты». По нашему телевидению сообщалось, в частности в телепередаче канала «Россия» 14 декабря 2004 г., что Шевченко информировал ЦРУ о том, как в Москве принимаются решения на высшем государственном уровне, и это будто бы была чрезвычайно важная для Вашингтона информация. Неужели и без Аркадия американцы не знали, как функционирует Политбюро и другие высшие инстанции страны? У меня версия о шпионской работе Шевченко до его «разрыва с Москвой» вызывает большие сомнения, потому что тут же возникает естественный вопрос, а зачем ему, занимавшему столь перспективное положение в советской иерархии, все это было нужно? Вопрос остается без ответа. В действительности, все обстояло намного проще, банальнее и очень *по-нашенски*.

Я хорошо знал Аркадия. Он пришел из аспирантуры МГИМО в референтуру по разоружению Отдела международных организаций, которую я тогда фактически

возглавлял, кажется, в 1956 г. И сразу же зарекомендовал себя способным и трудолюбивым сотрудником. Работать с ним было очень легко, немало различных документов мы изготовили, действуя в паре. Вскоре он практически стал как бы моим заместителем, хотя такая должность официально не существовала. В 1958 г. меня командировали в наше представительство в Нью-Йорке, и в дальнейшем мы сравнительно редко взаимодействовали, в основном только на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, но считались друзьями.

Довольно скоро обнаружилось, что Аркадий чрезвычайно амбициозный человек, до мозга костей карьерист и к тому же безмерно увлечен стяжательством. У него был и еще один крупный *грех* — он сильно выпивал и со временем стал запойным пьяницей. Именно это обстоятельство, я думаю, и сыграло решающую роль в его падении.

Притом у него выработалось чувство полной вседозволенности, в чем большая вина лежит на А.А. Громыко и, особенно, на его жене Лидии Дмитриевне. Зная пристрастие жены Громыко к дорогим подаркам, Аркадий и его жена Лина неизменно во все приезды министра с женою в Нью-Йорк делали им большие подношения, в том числе и драгоценности. Я хорошо знал Громыко в течение многих десятилетий, и мне было известно, что он всегда особо приближал к себе людей, лично ему преданных. Следует добавить, что Шевченко закончил МГИМО с сыном Громыко Анатолием. Они были приятелями и написали в соавторстве несколько статей. Именно личные контакты с Громыко и его семьей позволили Аркадию очень быстро получить ранг посла и занять лакомый для него пост заместителя Генерального секретаря ООН.

Хорошо помню, что когда я заходил к нему в кабинет заместителя Генерального секретаря ООН в мои приезды на сессии ООН, он неизменно был уже *на взводе*. Даже если это было утром, он, прежде чем вступить в беседу со мной, открывал ящик канцелярского файла, который служил ему в качестве бара, наливал себе изрядную порцию виски, предлагал вино и мне, и только после этого начинался разговор.

В 1975 г. в Женеве состоялась первая из обзорных конференций по Договору о нераспространении ядерного оружия, задача которых состоит в том, чтобы рассматривать ход выполнения этого договора, делать необходимые выводы и согласовывать рекомендации на будущее. Аркадий прилетел в Женеву из Нью-Йорка в качестве представителя Генерального секретаря ООН и на первом заседании конференции, как это принято, зачитал его послание, адресованное участникам конференции. А потом исчез. Шла первая неделя конференции, я был чрезвычайно занят делами и не заметил отсутствия Шевченко на председательском подиуме зала для конференций Женевского Дворца наций.

Спустя некоторое время ко мне подходит сотрудник Аркадия, мой старый приятель — заведующий отделом разоружения секретариата ООН, швед Рольф Бьернерштедт и говорит, что Шевченко пропал, отсутствует уже целую неделю, все в секретариате конференции обеспокоены тем, что он неожиданно, никого не предупредив, исчез и не подает никаких признаков жизни, не заболел ли он чем-то серьезным?

Через знакомых я довольно быстро узнал, где Аркадий остановился (на квартире у знакомых, выехавших в отпуск в Союз), попросил советника делегации Бориса Красулина (который, увы, скончался в мае 2004 г.) сопровождать меня и направился на квартиру Шевченко. С Борисом мы долго звонили и стучали в дверь, просили Аркадия открыть — никакого ответа. Но нам обоим послышалось, что какое-то движение или шорох в квартире были. И без лишних слов, не обмениваясь даже взаимными впечатлениями, мы поняли, что у Шевченко очередной запой. Вернувшись на конференцию, я сказал Рольфу, что Аркадий немного приболел, но вскоре объявится.

И действительно, на следующий день он появился на конференции, но по его красно-бурой распухшей физиономии было ясно видно, чем он занимался целую неделю. Аркадий вдруг стал на редкость предупредительным в контактах со мной, подчеркивал особый характер наших отношений, обещал всемерную помощь секретариата советской делегации, рассказывал о тенденциях, уже выявившихся на конференции и т. д. и т. п.

Еще один случай, характеризующий Аркадия. *Анекдот* этот имел место раньше конференции 1975 г. — наверное, в 1967 или 1968 г. Шевченко работал в нашем представительстве при ООН уже старшим советником и, приехав домой в отпуск, пригласил меня в ресторан «Хрустальный» на углу Кутузовского проспекта и Большой Дорогомиловской улицы. После первых же рюмок он вдруг спросил, а почему бы мне не войти в *близкий круг* министра, ведь это откроет широкие перспективы для моей дальнейшей карьеры. Хочешь, я тебя привезу к нему на дачу хоть в ближайшее воскресенье? Я, конечно, нашел повод уклониться, не раскрывая перед ним моего отношения (о чем я уже писал в настоящих воспоминаниях) к вопросам карьерным на основе личных контактов.

Перехожу теперь к тому главному, о чем хотел сказать, — как Шевченко изменил родине и перешел на сторону США. Наши соответствующие органы, конечно, хорошо знали основную *слабость* Аркадия, были обеспокоены — что вполне объяснимо и понятно — тем, как бы американская разведка, воспользовавшись этой его *слабостью*, не попыталась его завербовать, и, насколько мне известно, неоднократно ставили перед Москвой вопрос об откомандировании Шевченко в Союз. Уверен, что вопрос о его отзыве обсуждался на весьма высоком уровне — как мне говорили, между Андроповым и Громыко. В конце концов, было решено его отозвать, но сделано это было так аляповато и грубо, что не могло не привести к уходу Аркадия Шевченко.

В мае—июне 1978 г. должна была состояться первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Этому мероприятию в Москве придавалось особое значение. Загодя готовились директивы нашей делегации, мы активно участвовали в работе подготовительного комитета специальной сессии Генассамблеи. На одну из сессий подготовительного комитета ездил я, а на заключительную сессию этого комитета, которая проходила в апреле 1978 г. — месяца за полтора до открытия конференции — был командирован другой за-

меститель заведующего Отделом международных организаций — ныне покойный Геннадий Сташевский¹.

На основе той информации, которой я располагал, и моих собственных непосредственных наблюдений, — а я был задействован руководством МИД в мероприятиях по обеспечению его возвращения в Союз (которые были абсолютно безуспешны), — обстоятельства, толкнувшие Шевченко принять решение остаться в США, выглядят примерно следующим образом. В конце марта или в самом начале апреля Аркадию была направлена телеграмма, подписанная первым заместителем министра иностранных дел Г.М. Корниенко, с указанием срочно прибыть в Москву, чтобы проконсультироваться относительно того, с какими инициативными предложениями Советскому Союзу следовало бы выступить на спецсессии ООН по разоружению.

То, что Громыко сам не пожелал подписывать шифровку, а поручил сделать это своему заместителю, по-моему, было ошибкой. Подобного рода телеграммы обычно исходят не от министра, а от одного из заместителей, но случай этот был особенный. Если бы Громыко лично подписал телеграмму или, по меньшей мере, в ней было бы сказано, что указание дается по личному поручению министра, то Шевченко, учитывая особый характер его взаимоотношений с Громыко, возможно, и не пошел бы на разрыв с родиной. Ошибочным был и *повод*, избранный для того, чтобы объяснить необходимость командировки Аркадия в Москву. *Принципиальная* советская позиция по разоружению была совершенно ясной и долговременной — всеобщее и полное разоружение и запрещение атомного оружия. Внутри этой позиции могли быть предложены отдельные конкретные *новеллы*, но они требовали специальных профессиональных знаний, которыми Шевченко не обладал. Он превосходно знал проблему в целом, много лет посвятил ей, написал отличную книгу о разоружении, но в тот мо-

¹ Руководство МИД и сам Громыко явно пытались свалить вину за измену Шевченко на бедного Сташевского. Его перестали выпускать за границу. Многие друзья Сташевского считают, что история с отзывом Шевченко в Москву сыграла не последнюю роль в его преждевременной смерти от сердечного приступа.

мент вся *разоруженческая кухня* варилась в Женевском комитете по разоружению. Его обслуживал небольшой секретариат, подчинявшийся Шевченко, но сотрудники этого секретариата занимались лишь техническим обслуживанием работы Женевского комитета. Если Москве требовалась бы информация о том, с чем другие делегации могут прийти на спецсессию ООН, то для этого не нужно было приезжать в Москву, такую информацию вполне можно было передать телеграммой или диппочтой. К тому же на сессию подготовительного комитета была направлена квалифицированная делегация во главе со Сташевским.

Еще одна допущенная в Москве промашка. Перед поездкой в Нью-Йорк у Сташевского состоялся разговор со старшим помощником Громыко Василием Макаровым (о нем я уже писал выше), который поручил Геннадию посоветовать Аркадию «умерить свои возлияния», поскольку о его пристрастии к вину «в Москве уже ходят разговоры». Это тоже было ошибкой. Дал ли Макаров такое поручение Сташевскому по своей инициативе или с подачи министра, я не знаю, но полагаю, что это, скорее всего, сделал сам Макаров. При всей неотесанности последнего он, зная о направленном Аркадию указании срочно прибыть в Москву, все же должен был понимать, что разговор о вине в данном случае был бы неуместным.

Получив указание, Шевченко заказал билет на самолет и стал готовиться к отъезду. И тут в Нью-Йорк прибывает Геннадий Сташевский. Между Геннадием и Аркадием были особо близкие отношения, и в первый же день по приезде в Нью-Йорк Аркадий пригласил друга в ресторан, где между ними состоялась та роковая беседа, которая и привела к решению Шевченко перейти на сторону США. В ходе беседы Аркадий спросил Геннадия, как идет подготовка к сессии ООН, решено ли, с чем наша делегация придет на эту сессию? Сташевский, не зная о телеграмме Корниенко и ничего не подозревая об отзыве Шевченко, заверил товарища, что наша позиция уже разработана и все к сессии подготовлено. В ходе дальнейшего разговора он выполнил и поручение Макарова. Шевченко, конечно же, быстро сообразил, в какую ловушку он бы попал, если бы

вернулся в Москву, и, по всей видимости, тут же решил связаться с американскими спецслужбами, что было уже, так сказать, делом техники, поскольку он не мог не знать, *кто есть кто* в его собственном департаменте секретариата ООН, да и за его пределами.

Как только о невозвращении Шевченко стало известно в МИД, было решено вызвать в Москву Сташевского. Это произошло так. Утром в субботу 8 апреля меня срочно вызывают в МИД к первому заместителю министра В.Ф. Мальцеву, который исполнял обязанности министра в отсутствие Громыко. В это время я тоже замещал своего заведующего В.Л. Израэляна, который был на обследовании и лечении в больнице. В кабинете Мальцева находился и Корниенко. Меня спросили, может ли наша делегация в подготовительном комитете обойтись без Сташевского? Я ответил, что может, поскольку в ее состав входят и другие квалифицированные сотрудники. Но поскольку на моем лице можно было легко прочесть недоумение заданным мне вопросом, Мальцев и Корниенко решили познакомить меня с его подоплекой и рассказали, в чем дело. Тут же была отправлена телеграмма с вызовом Сташевского, а мне было поручено организовать *деликатно* откомандирование в Москву из Женевы сына Шевченко Геннадия, который находился там в составе нашей делегации в Комитете по разоружению.

Это было сделано таким образом. В Женеву было дано указание незамедлительно направить с сотрудником делегации Геннадием Шевченко в качестве дипкурьера особо срочный документ и по приезде в Москву доставить его в Отдел международных организаций. Геннадий это поручение добросовестно выполнил. (В действительности же в пакете, запечатанном сургучными печатями, был обычный официальный документ ООН).

Как известно, Шевченко опубликовал книгу о своем переходе на сторону США. Книга («Разрыв с Москвой»¹) вышла в 1985 г. В книге автор утверждает и на многих страницах подробно описывает, как он до своего

¹ Shevchenko Arkady. «Breaking With Moscow». N.Y.: Knopf, 1985. В 2004 г. вышел перевод книги на русский язык.

ухода в течение чуть ли не двух с половиной лет работал на США. Об этом писали и американские СМИ в некрологах в связи с его смертью в феврале 1998 г. Обращает, однако, на себя внимание, что книга появилась на прилавках с большой задержкой после объявления о сроке ее выхода в свет, и дата выхода не раз переносилась, что вызывает законный вопрос, не было ли это вызвано тем, что *редакторы* из ЦРУ подолгу переписывали описание *шпионской* деятельности Аркадия, чтобы придать этому описанию хоть какую-то видимость достоверности.

Некоторые факты, приводимые в книге, извращенно подаются автором таким образом, чтобы специально очернить тех или иных лиц, в том числе даже и тех, кто способствовал его головокружительному взлету по служебной лестнице. Мое особое удивление вызвало описание им одного совершенно незначительного случая, очевидцем которого был я, только для того, чтобы бросить тень на своего благодетеля А.А. Громыко. Советская делегация прибыла на сессию Генассамблеи ООН сразу же после того, как наше представительство при ООН переехало в новое здание, за покупку и подготовку которого я отвечал. Вполне естественно, что были некоторые недоделки, которые случаются не только у нас, но и в США. И чуть ли не в первый же день Громыко застрял на полчаса в лифте, который был установлен американской фирмой. Громыко проявил полное понимание и довольно спокойно распорядился навести надлежащий порядок, что и было сделано. Шевченко же описал этот случай под тем соусом, что министр несправедливо устроил мне полный разнос и жестоко наказал меня, что совершенно не соответствует действительности. Очевидно, что этот мелкий случай Аркадий включил в книгу только для того, чтобы очернить Громыко и тем самым выслужиться перед своими новыми хозяевами.

В печати много писалось о связи Шевченко с какой-то женщиной, которую ему якобы подсунули американские спецорганы. Я не берусь оспаривать этот факт (если это только факт), но сомнения у меня имеются, и сомнения большие. Пойти на такую связь могут только сумасшедшие, поскольку это не может со временем не стать известным. Мне довелось прожить очень

много лет в Америке, и я знаю, что скрыть такую связь от наших соответствующих органов в течение сколько-нибудь продолжительного времени невозможно. Аркадий слишком дорожил своей карьерой и вполне мог рассчитывать на дальнейшее продвижение по службе, чтобы проявить подобное легкомыслие. Он всегда был очень расчетлив, особенно в том, что относилось к его карьере. Шевченко, действительно, имел связь с одной американкой, которую ему подсунили ЦРУ или ФБР, но это было уже после «разрыва с Москвой». Позднее Аркадий дважды был женат — на американке и русской.

И, наконец, еще один существенный для меня момент, имеющий отношение к «делу Шевченко». Спустя более пятнадцати лет после описанных событий, в 1993 или 1994 г., я гостил у своего друга американского посла в отставке Джеймса (Джима) Леонарда в его имении в шт. Вирджиния. Вспоминая былое, мы, между прочим, стали анализировать обстоятельства ухода Шевченко. Джим знал об этом в деталях, поскольку в 1978 г. он был первым заместителем постоянного представителя США при ООН и был на связи с советским представителем ныне покойным О.А. Трояновским, когда с нашей стороны предпринимались неудачные попытки добиться возвращения Шевченко на родину. Джим уверял меня, что и тогда, и сейчас существовало и продолжает существовать строгое предписание не пытаться завербовать лиц, занимающих высокое положение, в особенности послов зарубежных государств и других лиц аналогичного или более высокого уровня. И объяснение этого, как сказал мне Джим, состоит в том, что на подобные посты назначают крупных деятелей, к которым правительство того или иного государства имеет полное доверие. Поэтому у нас считают, сказал он, что попытка их завербовать может вылиться в большой международный скандал. Так это или не так, судить не берусь, но хочу подчеркнуть, что с Леонардом мы знакомы десятки лет, и между нами всегда существовало полное взаимное доверие. Ко времени нашего разговора мы оба уже были в отставке, и я не могу поверить, ради чего Джим решился бы пойти на явный обман в разговоре со мною.

Таковы известные мне обстоятельства «дела Шевченко», и поведал я о них только ради потомства, чтобы мои возможные читатели лучше могли понять нравы прошедшей эпохи, которые наглядно характеризуются обстоятельствами этого «дела».

В конце эпохи

Мне уже приходилось упоминать об Эдуарде Амвросиевиче Шеварднадзе, который занимал пост министра иностранных дел с середины 1985 по конец 1990 г. (когда он покинул этот пост, заявив с трибуны сессии Верховного Совета СССР, что в стране грядет диктатура¹) и потом еще раз в течение нескольких недель в ноябре—декабре 1991 г. Расскажу теперь о нем немного подробнее. Среди большинства сотрудников МИД слава о нем ходила и по-прежнему ходит не очень хорошая, скорее даже отрицательная. Они считают, что он, видите ли, чуть ли не распродал интересы Советского Союза, заключая невыгодные для нас договоры, вел дело к развалу СССР, более того, был человеком коварным, склонным к интригам и т. д. и т. п.

Как я уже упоминал выше, у меня сложилось о нем достаточно благоприятное впечатление. По-моему, он вполне отвечал общей тенденции того времени, когда страна наша вступила в переходный период трудного поиска своего нового места во внутренних делах на широком пространстве Советского Союза и в общей системе международных отношений. Было совершенно очевидно, что эпоха *развитого социализма*, а фактически стагнации давно себя исчерпала, но это оставалось незамеченным или неприемлемым для людей закоснелых. Советский Союз постепенно, а потом и ускоренным темпом шел к своему неминуемому распаду. Попытки предотвратить этот распад или хотя бы сделать его более постепенным и плавным в стране, где исторически все решается посредством революций и бессмысленных бунтов, успеха не имели и иметь, очевидно, не могли.

¹ Возможно, он уже тогда знал или предполагал, что в некоторых руководящих кругах страны растет оппозиция курсу Горбачева, которая к августу 1991 г. вылилась в государственный переворот, учиненный ГКЧП.

Старики (то есть мое поколение мидовцев) не хотели или не могли этого понять. Они бездумно верили в то, что страна наша (великий Советский Союз!) как была, так и останется навечно могучей мировой державой. Может быть, когда-нибудь страна вновь обретет свое прежнее *место под солнцем*. Горбачев и Шеварднадзе (прежде всего, конечно, первый) пытались, но безуспешно, сохранить Союз на основе коммунистических или схожих с ними левых идеалов и принципов и искали возможные выходы из сложной ситуации, доставшейся новому руководству в наследство от 70-летнего правления большевиков. Но попытки сохранить Союз были, как скоро выяснилось, полностью обречены на провал. Они (прежде всего я говорю о Шеварднадзе, потому что я был далек от Горбачева, так как все это время находился за границей — в Нью-Йорке и Вене) вынуждены были считаться с тем, что внутренние неурядицы и международное окружение вынуждали их поддерживать определенный уровень отношений с Западом. Ведь невозможно же оставаться в конфронтации с США и другими западными государствами, когда главная задача состояла в том, чтобы хоть в какой-то форме сохранить, насколько это возможно, единство страны.

С точки зрения некоторых военных, может быть, и было ошибкой включить в число уничтожаемых ракетных систем по договору РСМД 1987 г. ракету «Ока», имевшую меньшую дальность, чем другие системы, подлежащие ликвидации по этому договору (ракеты в диапазоне 500—5500 км). Но если исходить из более глобальных задач, стоявших перед страной в тот сложный период, переживаемой страной, велика ли была потеря этих ракет? Не думаю, не уверен, скорее всего, нет¹.

У меня с Шеварднадзе за все время его пребывания на посту министра отношения были хоть и формальными, но взаимно уважительными. Не было ничего лично-

¹ Известные специалисты Н.Н. Детинов и А.Г. Савельев не считают принятое решение по «Оке» ошибкой, в частности, по той причине, что в этом случае США разместили бы в Европе ракеты «Lance-2» примерно той же дальности, что и «Ока». (Savel'yev Aleksandr G. and Detinov Nikolay N. The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Westport, CT, L.: Praeger, 1995. P. 134).

го, все по-деловому. Именно так я всегда стремился строить отношения со своим руководством. Для меня самым важным всегда являлось то, что руководитель готов выслушать меня и мои аргументы в пользу того или иного решения, и Шеварднадзе умел слушать и прислушиваться. Чаще всего (почти всегда) мне удавалось убедить или переубедить его. Притом я всегда отдавал себе отчет в том, что для принятия надлежащего решения он мог располагать большей информацией, чем я.

Припоминаю, что когда я работал в Вене, мне удалось убедить Шеварднадзе провести встречу с Генеральным директором МАГАТЭ Хансом Бликсом, не помню уже по какому конкретно вопросу, но имевшему тогда весьма важное значение. Для министра мною была подготовлена памятка страницы на полторы-две. Шеварднадзе внимательно ознакомился с ней и сам сформулировал на ее основе перечень вопросов, которые он изложил буквально на небольшом клочке бумаги. Этим листком он и пользовался в разговоре с Бликсом.

Помню также, как он приехал в Вену для встречи с французским министром иностранных дел осенью 1990 г., а после этого имел отдельные беседы с нашим двусторонним послом в Австрии (ныне покойным В.Н. Поповым) и мною. Мне он конкретных вопросов не задавал, в целом поддержав проводимую мною линию по вопросам деятельности международных организаций, расположенных в Вене, и дав понять, что я могу действовать смело в рамках уже имеющихся указаний и наших общеполитических установок.

О Примакове

С Евгением Максимовичем Примаковым я был хорошо знаком примерно с 1970 г. или немного раньше, когда работал в ИМЭМО по совместительству в качестве старшего научного сотрудника. Тогда была провозглашена линия на взаимодействие науки и практики, и поощрялось участие сотрудников МИД в работе научных учреждений, особенно системы АН СССР, но без ущерба для основной работы в министерстве. Как уже было мною сказано выше, я проработал в ИМЭМО, который тогда находился в районе ВДНХ (сейчас — ВВЦ),

несколько лет в конце 1960 — начале 1970-х гг. — в отделе международных организаций Григория Морозова — и за это время подготовил в сотрудничестве с соавторами книгу об ООН¹.

Интенсивно работая над своими разделами монографии и в качестве ответственного редактора зачастую переписывая некоторые главы моих соавторов, я не всегда по объективным причинам (работа в МИД и частые командировки за границу по линии министерства) был в состоянии выдерживать сроки и, особенно, участвовать в совещаниях и семинарах, проводимых институтом. В этой связи через некоторое время у меня стали возникать трения с руководством ИМЭМО.

Примаков тогда был первым заместителем директора ИМЭМО и во время частых отсутствий директора Н.Н. Иноземцева фактически руководил институтом. Вспоминаю вполне деловой, но довольно резкий разговор с ним на совещании, рассматривавшем выполнение плана публикаций. А потом пошли почти еженедельные звонки мне на работу с приглашением на совещания в институт в рабочее время, когда я был занят делами в МИД. Это продолжалось довольно долго. Не знаю, кто был инициатором этих бесконечных звонков, — Примаков или Морозов, который иногда мог быть резким в отношениях и с друзьями, несмотря даже на долгие годы дружбы. В конце концов, я не выдержал и подал заявление об уходе из института по собственному желанию.

Потом мы с Примаковым позднее время от времени встречались, но в основном мимоходом. В 1987 г. в Нью-Йорке, где я тогда работал, проходила специальная сессия ООН по связи между разоружением и развитием. Приехала из Москвы делегация во главе с заместителем министра иностранных дел Владимиром Петровским. Но после открытия сессии и нашего основного выступления он то ли улетел в Москву, то ли стал заниматься другими делами, но делегацию фактически возглавлять пришлось мне. В делегацию был включен Примаков. Он только что потерял жену и сына, и ему дали возможность поехать в Нью-Йорк, чтобы как-то отвлечься от

¹ ООН и поддержание международного мира / Отв. редактор Р.М. Тимербаев. М.: Международные отношения, 1973.

неожиданно свалившегося на него горя. Евгений Максимович просил меня не очень загружать его и дать возможность встретиться с его американскими научными коллегами, чтобы подготовить какие-то материалы для М.С. Горбачева. Я, разумеется, дал на это согласие. К слову будет сказано, основную работу на этой сессии ООН выполнял Сергей Лавров, нынешний министр иностранных дел, который тогда возглавлял в советском представительстве референтуру по экономическим вопросам.

Тесный контакт с Евгением Примаковым вновь завязался в начале 1990-х гг., когда он стал директором Службы внешней разведки, а я в то время работал в Вене. Это был период острого кризиса вокруг Ирака. МАГАТЭ по решению Совета Безопасности ООН проводило инспекционные мероприятия по выявлению и затем ликвидации ядерной программы Ирака и пользовалось главным образом американскими разведанными. Мне было ясно, что в целях избежания одностороннего подхода МАГАТЭ к стоявшей перед ним задаче, поскольку информация поступала в Агентство главным образом из ЦРУ и израильского Моссада, нашим соответствующим органам при соблюдении всех необходимых мер безопасности и осторожности тоже следовало бы снабжать Гендиректора Ханса Бликса теми данными, которыми мы располагали, но, конечно, не раскрывая источников. Не спрашивая разрешения МИД и зная о положительном отношении Э.А. Шеварднадзе к моим действиям, я через нашего резидента в Вене связался по каналам СВР с Примаковым и предложил, чтобы наши спецорганы тоже включились в эту работу. После некоторой переписки мне удалось организовать по крайней мере две встречи Примакова с Хансом Бликсом. Не знаю, не спрашивал ни Евгения Максимовича, ни Ханса, во что вылилось это сотрудничество, но, во всяком случае, попытка налаживания сотрудничества между СВР и Бликсом мною была предпринята, и сам по себе факт контакта между Примаковым и Бликсом, я уверен, имел положительное значение в тогдашних обстоятельствах. Бликс при нашей очередной встрече, а разговаривали мы с ним тэт-а-тэт очень часто, как-то поблагодарил меня за организацию контакта с нашей

разведслужбой. Сейчас сотрудничество между разведслужбами основных держав по борьбе с международным терроризмом вошло в постоянную практику.

Еще две-три встречи имели место позднее, когда Примаков стал министром иностранных дел — кажется, в 1996 г., но встречи эти носили формальный характер, что и было в моих правилах. Был у меня с ним, в частности, разговор об оказании помощи в допуске к Архиву Президента (в прошлом это был архив Политбюро) для подготовки моей монографии об истории выработки ДНЯО, на что он отреагировал с полным пониманием. На практике мне посодействовал один из заместителей министра (В.С. Сидоров), подписавший по моей просьбе соответствующее письмо в администрацию президента, и я тут же получил допуск в архив. И в том же 1996 г. Примаков на заседании Коллегии МИД вручил мне российский Орден Дружбы. Орден я получил по случаю пятидесятилетия атомной отрасли, которое отмечалось в 1995 г. в связи с круглой годовщиной подписания Сталиным 20 августа 1945 г. известного постановления Государственного комитета обороны о создании атомного оружия.

О предках Ленина

Моя жена Нина вскоре после нашего возвращения в 1963 г. из длительной заграничной командировки в Нью-Йорке поступила на работу не по своей специальности (она окончила Институт внешней торговли), а в Главное архивное управление при Совете министров СССР (сейчас Федеральная архивная служба РФ), в системе которого она и проработала до выхода на пенсию.

По ее рассказам, в 1964 или 1965 г. в Главархиве разгорелся огромный скандал в связи с тем, что по недосмотру отдельных работников архива в руки некоторых исследователей и писательницы Мариэтты Шагинян попали материалы, свидетельствующие о том, что дед Ленина по материнской линии был евреем. По указанию ЦК КПСС было проведено специальное расследование, в результате которого чуть было не пострадало руководство советской архивной службы, и в том числе ее начальник Г.А. Белов. Дело закончилось выговорами

и предупреждениями в адрес руководства Главархива СССР, а некоторые архивные работники были освобождены от работы. Сами документы были изъяты из архивов без снятия копий и переданы в ЦК КПСС. Где они после роспуска КПСС находятся, неизвестно, — по всей видимости, в Архиве Президента РФ, бывшем архиве Политбюро.

Поскольку все подробности разглашения архивных материалов о предках Ленина и о разбирательстве этого дела держались в большом секрете, Нина, естественно, ничего не могла тогда знать, кроме самого факта о еврейских предках Ленина. Лишь после наступления периода перестройки в начале 1990-х гг. в специальном архивном журнале «Отечественные архивы» были опубликованы некоторые архивные материалы, относящиеся к предкам вождя мирового пролетариата¹.

Из опубликованных в журнале материалов следует, что еще в 1960—1961 гг. в нью-йоркском журнале, издаваемом на русском языке — «Новом журнале», была опубликована работа публициста Н. Валентинова (Н.В. Вольского), эмигрировавшего из СССР в 1930 г., в которой содержались сведения о еврейских корнях Ленина. Однако, как свидетельствуют документы, хранящиеся в бывшем Центральном партийном архиве (позднее именовавшемся Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории — РЦХИДНИ, а сейчас называющемся Российский государственный архив социально-политической истории — РГАСПИ), первыми исследователями документов о родословной Ленина были его близкие родственники.

По предложению Истпарта² Секретариат ЦК РКП(б) 14 ноября 1924 г. поручил старшей сестре Ленина — Анне Ильиничне Елизаровой-Ульяновой, которая была одним из организаторов Истпарта и Института В.И. Ленина, заняться собиранием материалов по истории семьи Ульяновых. Получив в Ленинграде в фонде быв-

¹ Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 65—83.

² Истпарт — Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП, с 1920 г. при Госиздате и Наркомате просвещения, с 1921 г. при ЦК РКП(б). В 1928 г. Истпарт слит с Институтом В.И. Ленина.

шего Департамента полиции копии документов о происхождении отца матери, А.Д. Бланка, Анна Ильинична восемь лет носила эту тайну, груз которой заставил ее в декабре 1932 г. все-таки обратиться с письмом к И.В. Сталину с просьбой использовать выявленные материалы для написания подробной биографии Ленина, готовившейся к изданию Институтом В.И. Ленина. А.И. Елизарова-Ульянова писала Сталину 28 декабря 1932 г.:

«...[В] последние годы я, слыша, что антисемитизм у нас проявляется опять сильнее, даже среди коммунистов, просмотрев обследование, произведенное по этому поводу в 1929 г. МЦСПС¹, прихожу к убеждению, что вряд ли правильно скрывать от масс этот факт, который, вследствие уважения, которым пользовался среди них Владимир Ильич, может сослужить большую службу в борьбе с антисемитизмом, а повредить ничему не может [...]. У нас ведь не может быть никакой причины скрывать этот факт, а он является лишним подтверждением данных об исключительных способностях семитического племени, что разделялось всегда Ильичем, и о выгоде для потомства смешения племен»².

В ответ *сверху* поступило распоряжение: об открытии выявленных материалов — молчать!

Через полтора года А.И. Елизарова-Ульянова обращается к Сталину вторично. «Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замалчивания этого факта», — ставился ею вопрос генеральному секретарю ЦК ВКП(б). И на этот раз ответа она не получает. В первой научной биографии В.И. Ленина, подготовленной к изданию Институтом Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК партии³, этот факт, признававшийся тогда вредным для создания образа вождя, был опущен. С 1960 г. о присутствии в генеалогическом древе Ульяновых А.Д. Бланка все последующие переиздания био-

¹ МЦСПС — Московский центральный совет профессиональных союзов.

² Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 78.

³ Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1942.

графии сообщают только, что мать Ленина, Мария Александровна, была дочерью врача, который имел большую семью из шести детей¹.

Из писем и материалов, найденных А.И. Елизаровой-Ульяновой и опубликованных в «Отечественных архивах», а также из помещенных в журнале комментарии следует, что осенью 1924 г. она ездила в Ленинград для работы в архиве Департамента полиции, где были выявлены следующие данные. Бланк Александр (Израиль) Дмитриевич (Давидович) (1802 или 1804 г. р., умерший в 1870 г.) — сын житомирского мещанина Мойшки Бланка. Александр Бланк получил крещение 25 мая 1820 г. и в том же году поступил в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, по окончании там курса удостоен звания лекаря. Затем служил уездным врачом в г. Изречье Смоленской губернии, частным врачом в Санкт-Петербургской полиции. В 1826 г. произведен в штаб-лекари, в 1829 г. признан акушером. Далее работал сверхштатным ординатором больницы Св. Марии Магдалины, инспектором Пермской врачебной управы, заведовал Юговским заводским госпиталем, исправлял должность медицинского инспектора Златоустовских госпиталей. Один из основателей бальнеологии — лечения природными или искусственно приготовленными минеральными водами. Статский советник. 16 июля 1859 г. пожалован в дворянство.

Девичья фамилия бабушки В.И. Ленина по матери была Анна Иоганновна (Ивановна) Гросшопф, дочь немца и шведки Анны Баты Эстедт. Тетка матери, Е.И. Гросшопф, по мужу фон Эссен, была крестной матерью и воспитательницей Марии Александровны и позднее, по смерти своей сестры Анны Ивановны, она, овдовевшая в тот же год, уехала с Александром Дмитриевичем, назначенным тогда в Пермь, и воспитывала его детей. Дед Ленина по отцу, Николай Васильевич, был крови калмыцкой и чувашской, бабка — Анна Алексеевна Смирнова — калмычка².

¹ См.: Ленин Владимир Ильич. Биография. М., 1960.

² Набросок статьи М.И. Ульяновой о происхождении А.Д. Бланка. (1930—1936 гг.). См.: Отечественные архивы. 1992. № 4.

О незавершенной карьере Морохова

Об Игоре Дмитриевиче Морохове я уже упоминал в связи с его участием в различных переговорах, связанных с атомной энергией и атомными испытаниями. Пора рассказать об этом незаурядном человеке немного поподробнее. Его непростая судьба очень примечательна и характерна для многих и весьма одаренных, и менее одаренных людей, особенно в нашей стране. Мои тесные дружеские отношения с ним поддерживались в течение более десяти лет — с конца 1960 и до конца 1970-х гг. прошлого столетия. Спорадические контакты были и позднее. Познакомился я с ним вот при каких обстоятельствах.

Первым советским членом Совета управляющих (СУ) МАГАТЭ был, как я уже писал, Василий Семенович Емельянов. Эту должность он, будучи заместителем министра среднего машиностроения и председателем Государственного комитета по использованию атомной энергии, занимал с 1957 по 1965 г. Неожиданно для МИД в конце 1965 или в начале 1966 г. в Министерство иностранных дел на подпись министра поступила из Министерства среднего машиностроения записка в ЦК КПСС (так обычно назывались доклады или предложения, направляемые на утверждение Политбюро ЦК), уже подписанная министром Е.П. Славским. В записке предлагалось освободить Емельянова от должности управляющего от СССР в СУ Международного агентства и на его место назначить некоего Морохова И.Д. Меня вызвал к себе первый заместитель министра В.В. Кузнецов и спросил, почему освобождают Емельянова и назначают, не посоветовавшись с МИД, никому не известного человека. Я пожал плечами и сказал, что мне ничего не известно. Нужно сказать, что Емельянова в МИД хорошо знали и глубоко уважали, а с Кузнецовым они вообще знали с довоенных времен и между ними сложились добрые личные взаимоотношения. Кузнецов передал мне из рук в руки записку Славского

и приказал подержать ее в моем сейфе, никому не показывая, до особого распоряжения.

Прошло что-то около двух месяцев, вызвал меня к себе Кузнецов вновь, предложил завизировать один из экземпляров этой записки и затем подписал оригинал, сказав, что следует срочно направить записку в ЦК. На мой недоуменный вопрос он ответил без каких-либо пояснений, что решено назначить управляющим Морохова. Потом я узнал, что Кузнецов пытался отстоять Емельянова, но это ему не удалось.

Вскоре мы с Мороховым познакомились, стали часто встречаться и выезжать в загранкомандировки, устраивать неизбежные совместные застолья, что особенно сближает. Был он к тому же большим жизнелюбом и, мягко выражаясь, отнюдь не чурался женщин. Игорь Дмитриевич оказался очень умным, а, главное, энергичным и инициативным человеком. Со временем мы с ним сдружились.

Такие тесные отношения помогали нам согласовывать весьма сложные вопросы нашей политики в атомной области, по которым между МИД и Минсредмашем нередко возникали естественные расхождения, вызываемые разными подходами к некоторым проблемам. Например, с точки зрения МИД, из внешнеполитических соображений и исходя из общегосударственных интересов было желательно договориться по какому-нибудь вопросу, например, по ограничению или прекращению ядерных испытаний, а с позиции наших атомщиков это могло быть невыгодным для них из тех или иных узковедомственных предпочтений¹. Конечно, в конце концов, решение принималось на высшем партийно-государственном уровне, но ведь требовалось согласование и на уровне ведомств, чтобы были учтены и их интересы. И здесь имело важное значение взаимо-

¹ Напомним о таком хорошо известном случае, когда в 1995 г. министр Минатома В.Н. Михайлов подписал с иранцами протокол о намерении поставить в Иран газоцентрифужный завод. Михайлов был позднее дезавуирован Б.Н. Ельциным. Или о том факте, что в 1992 г. Минатом добился разрешения правительства Ельцина соорудить в Китае газоцентрифужный завод, что являлось ошибочным решением по мнению многих политических деятелей. Я тоже считаю это решение недалновидным со стратегической и геополитической точек зрения.

понимание и умение убедить собеседников. Благодаря хорошим контактам и с Емельяновым, и с Мороховым мне, да и некоторым другим мидовским работником обычно удавалось найти точки соприкосновения с Минсредмашем, и со временем руководство МИД, как правило, поручало мне договариваться по тем или иным делам с руководящими работниками Минсредмаша, включая и министра Славского. Такая ситуация сохранялась и после ухода Емельянова и Морохова со своих постов в течение всей моей последующей дипломатической службы. Не могу не упомянуть в этой связи отличные отношения, которые сложились у меня в дальнейшем с другими ответственными работниками Минсредмаша — первым заместителем министра А.М. Петросьянцем и министром Л.Д. Рябевым, начальником главного управления по производству и испытанию ядерного оружия Г.А. Цырковым и др.

Судьба Морохова весьма примечательна. Ему не было еще 30 лет, когда он стал начальником цеха на крупном авиационном заводе в Москве, а в 1948 г. его направляют на Урал для участия в строительстве и наладке нашего первого газодиффузионного завода по обогащению урана на комбинате 813 в Свердловске-44 (сейчас г. Новоуральск Свердловской области). Именно на этом заводе, еще далеко от надлежащего уровня производительности, был получен высокообогащенный уран для первой советской урановой бомбы, испытанной в 1951 г. Правда, завод Д-1 комбината 813, на котором работал Морохов, давал тогда уран только 75 % обогащения, который затем доводился электромагнитным методом до более чем 90 % обогащения на комбинате 418 в Свердловске-45 (ныне г. Лесной Свердловской области).

На Урале Морохов сделал быструю карьеру и, еще не достигнув 40 лет, стал в 1957 г. директором комбината 813 (сейчас он называется Уральским электрохимическим комбинатом) и на этом посту проработал до 1960 г., а затем был вызван в Москву и переведен на более высокую должность в центральном аппарате Минсредмаша. В сентябре 2004 г. я побывал в Новоуральске для чтения лекций для сотрудников ЗАТО (закрытых административно-территориальных образований) Урала и Сибири, и мне было приятно узнать, что Игорь Дмитриевича там

еще помнят и что он пользовался большим авторитетом. Знакомясь с городом, я все время как бы чувствовал его рядом с собой.

Сам он много рассказывал мне о красотах тамошней природы и об увлекательной жизни на Урале. Помню и его рассказ о посещении комбината Л.П. Берия, который был председателем Специального комитета по созданию атомного оружия. Влиятельный сановник приехал в Свердловск-44 спецпоездом осенью 1949 г. — в тот период, когда еще шли наладочные работы. Вместе с ним прибыли Б.Л. Ванников, М.Г. Первухин, И.В. Курчатов и др. Дело тогда не клеилось в связи с проблемами создания пористых перегородок (фильтров) для газодиффузионных машин.

Морохов, как и другие руководящие работники, сопровождал Берия по цеху завода, который в длину имел не менее одного километра. При входе на завод, где было достаточно тепло, рассказывал мне И.Д., Берия сбросил с плеча свое пальто, и потом, когда важный гость дошел до выхода из цеха, пришлось посылать машину через весь цех, чтобы привезти пальто. Л.П. остался недоволен посещением и устроил всем разгон за то, что завод, который строился с 1946 г., все еще не дает качественную продукцию. Об этом свидетельствует и А.М. Петросьянц, который писал, что Берия сказал перед отъездом: «Даю вам сроку три месяца, чтобы все закончить, но если вы не обеспечите за это время все, что от вас требуется, пеняйте на себя, а я заранее предупреждаю — готовьте сухари». Всем было ясно, какие кары могли последовать. Но в то же время Берия принял ряд необходимых организационных мер по оказанию реальной помощи заводу, в частности, распорядился привлечь к решению возникших проблем некоторых крупных ученых, в том числе академиков А.Н. Фрумкина и А.П. Виноградова, а также и немецких специалистов. Первая продукция была получена уже в 1950 г.¹

Большую роль сыграл И.Д. в продвижении планов перевода комбината с производства обогащенного урана газодиффузионным методом на более современный и

¹ Создание первой советской ядерной бомбы. Цит. соч. С. 278—279; Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Страницы истории Уральского электрохимического комбината. Новоуральск, 1999. С. 55—60.

высокотехнологичный — газоцентрифужный. Опытный завод на комбинате 813 по газоцентрифужному обогащению был выведен на расчетный режим в январе 1958 г. — в пору директорства Морохова. Это был первый в мировой практике опыт массовой эксплуатации газовых центрифуг.

На основе полученного опыта руководство комбината воочию убедилось в перспективности промышленного применения газоцентрифужного метода и стало добиваться форсирования строительства полномасштабного промышленного завода. Тогда в Минсредмаше еще до конца не определились, где строить первый такой завод — на Урале или в Сибири. Морохов в январе 1960 г. направляет министру Славскому письмо о недопустимости переноса сроков начала строительства промышленного газоцентрифужного завода на комбинате 813. И в августе 1960 г. министерством было утверждено проектное задание на строительство первого в мире промышленного газоцентрифужного завода на этом комбинате¹.

Инициативность Морохова была высоко оценена, и он был переведен на весьма ответственную работу в центральный аппарат министерства. Вскоре после возвращения в Москву в 1960 г. И.Д. возглавил в Минсредмаше направление по организации научных исследований и много сделал для развития отраслевых НИИ и КБ, а через некоторое время его привлекли к курированию вопросов международных научных связей, а затем и международного сотрудничества. Вот тогда мы с ним и познакомились.

Между нами сложились отношения полного взаимного доверия, и работать с Мороховым мне и моим коллегам было очень легко. В 1970 г. мы тесно сотрудничали при выработке системы всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ применительно к обязательствам неядерных государств-участников ДНЯО (INFCIRC/153). Эта работа проходила в Вене в течение нескольких месяцев осенью 1970 г. и в начале 1971 г. Наибольшие трудности исходили тогда от западных немцев, но солидарные действия делегаций США и Советского Союза позволили разработать добротную систему гарантий.

¹ Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Указ. соч. С. 137—138.

Вместе с Мороховым и представителями Министерства обороны мы разработали позицию по *пороговому* ограничению подземных ядерных испытаний и провели переговоры, завершившиеся подписанием Ричардом Никсоном и Л.И. Брежневым 3 июля 1974 г. Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия. Совместно с И.Д. в 1975—1976 гг. мы провели переговоры о подземных ядерных взрывах в мирных целях, и соответствующий договор был подписан Брежневым и Джеральдом Фордом 28 мая 1976 г. Наконец, в 1977 г. начались переговоры в Вашингтоне о полном запрещении ядерных испытаний, которые были продолжены в Женеве уже в трехстороннем формате с участием Великобритании. Морохов был главой делегации на этих переговорах до 1978 г.

И тут над ним стали сгущаться тучи. По моим собственным наблюдениям и по рассказам некоторых из наших общих знакомых, у Морохова были хорошие перспективы занять еще более высокий пост в атомной отрасли. Он был энергичен, отлично знал атомное производство, зарекомендовал себя крепким администратором, руководя на Урале огромным многотысячным комбинатом, был вовлечен и в государственную деятельность с выходом на международную арену. При этом был сравнительно молод, практически здоров (хотя в свое время и перенес жестокий инфаркт), вхож к высшему руководству страны, которое хорошо его знало.

Но постепенно стали замечать, что он несколько переоценивает свои возможности, и это, конечно, не могло понравиться его министру Славскому. Рассказывают, что на заседаниях Политбюро он мог позволить себе высказать самостоятельное мнение в присутствии своего министра, что было не принято делать. Мне было доподлинно известно, что когда в 1974 г. в узком кругу (Брежнев, Косыгин, Подгорный, Громыко, Славский) решался вопрос о количественном *пороге* ограничения подземных ядерных испытаний (о существовании вопроса я уже писал выше), присутствовавший на этом заседании Морохов позволил себе высказать мнение Минсредмаша, хотя там был и Славский, и о своем активном участии в обсуждении вопроса И.Д. сам с гордостью потом рассказывал мне. Видимо, он думал, что настало или

вот-вот настанет его время. Но Славский, несмотря на свой весьма почтенный возраст (ему тогда было за 75 лет), проработал на министерском посту еще более десяти лет и покинул его только в 1986 г. в возрасте 88 лет.

Конец карьеры Морохова был и печальным, и весьма банальным. И.Д. стал много позволять себе: девушки, вино, и все это происходило открыто, не стесняясь присутствия посторонних, среди которых были и те, кому вменялось в обязанность внимательно следить за *благонадежностью* и *добропорядочностью* наших работников, особенно в заграничных условиях. Этим в Минсредмаше его недруги и воспользовались. Все кончилось тем, что в начале 1978 г. он был снят с поста руководителя делегации на переговорах по запрещению ядерных испытаний, а через некоторое время ему пришлось покинуть и должность заместителя министра среднего машиностроения. К сожалению, он не очень понимал, почему это произошло, решив, очевидно, что ему *подставили ножку*. Как я узнал позже, Морохову даже показалось, что и мидовцы причастны к этому. Спустя какое-то время я попытался разъяснить ему, что, с моей точки зрения, в действительности с ним произошло, но откровенного разговора не получилось, и наши контакты с ним постепенно сошли на нет, а потом он стал серьезно болеть. А жаль, что такой действительно незаурядный человек не стал видным администратором в такой важной, критической для страны области и даже, может быть, и более крупным государственным деятелем, имея для этого все возможности, кроме одной — умения последовательно, не забегая вперед и не опережая события, двигаться к своей цели.

Третья столица

Рассказ о Морохове написан мною вскоре после посещения Екатеринбурга и Новоуральска в сентябре 2004 г. Это было мое первое знакомство с Уралом, и он произвел на меня неизгладимое впечатление. Сам Новоуральск находится на берегу изумительной красоты озера, окруженного дивной природой и безграничными лесами. Построен атомный комбинат рядом с небольшим поселком Верх-Нейвинск — в прошлом одним из цент-

ров Демидовской промышленной империи. Находится он в 69 км к северу от Екатеринбурга и в 10 км к востоку от главного Уральского хребта.

Место для комбината было выбрано исходя и из наличия водных и энергетических ресурсов, и с учетом близости крупных индустриальных центров с их высококоразвитой промышленностью и квалифицированными рабочими и инженерными кадрами. Но главное, по-моему, состояло в том, что Урал — это как бы самая сердцевина России, глубоко удаленная от всех внешних границ. Именно Урал с его промышленностью сыграл важнейшую роль в обеспечении фронта необходимыми вооружениями и во многом решил исход войны. Урал, как мне показалось, менее подвержен тем политическим и иным конъюнктурным флюктуациям и играм, которые происходят в Москве или Петербурге. Он твердо, прочно стоит на своих ногах. Находясь на Урале, все время ощущаешь, что здесь все крепко и стабильно. Будущее страны, если она на века сохранится в качестве единого государства, во многом будет зависеть от благополучия и неуклонного поступательного развития Урала. Наши политики должны это четко сознавать и создавать для Урала все необходимые возможности для его дальнейшего прогресса.

И видимо, неслучайно прежний период в истории страны завершился на Урале расстрелом царской семьи в Екатеринбурге, а новый этап, каким бы он в дальнейшем ни оказался, начался там же — с приходом к власти Б.Н. Ельцина, который превратился из местного партийного руководителя в государственного деятеля всероссийского масштаба. Не есть ли в этом промысел Божий?

Между прочим находясь в Екатеринбурге, я слышал по телевизору объявление об открытии в городе выставки пасхальных яиц Фаберже, недавно возвращенных на родину благодаря стараниям известного местного предпринимателя и коллекционера Виктора Вексельберга, создавшего свое состояние на Урале. При этом диктор объявила, что по закрытии выставки она будет в дальнейшем перевезена из «третьей столицы» России во вторую — в Петербург. Вот так-то!

Ностальгия о музыке

Пора рассказать о моем друге Леониде Шульмане, с которым знаком более четверти века. Познакомились и подружились мы с ним в Кисловодске, очевидно, во второй половине 1970 г. Он был дирижером Кисловодского симфонического оркестра. Как произошла наша первая встреча, я уже не помню. Но главное, что меня заинтересовало, что мне особенно импонировало в нем с самого начала и что потянуло к нему, — это его безграничное и настойчивое стремление популяризировать современную классическую музыку — Шостаковича, Прокофьева, Мясковского, Кабалевского и др. Замечу, к слову говоря, что меня вообще больше всего интересует и глубоко трогает музыка конца XIX и всего XX в., которая одна только способна отразить всю бездонную глубину, сложность, а временами и трагичность нашей жизни, прежде всего духовной. Хотя я интересовался, например, Шостаковичем с давних пор (очевидно, после первого прослушивания его 5-й и 7-й симфоний), именно Лене Шульману я бесконечно обязан его умением тонко проанализировать и донести до слушателя все многообразие и своеобразие современной музыки. Перед каждым своим выступлением он делал перед аудиторией краткий эмоциональный и притом глубокий анализ того музыкального произведения, которое он собирался исполнять.

Леонид родом, кажется, из Киева, окончил Ленинградскую консерваторию по дирижерскому классу, работал дирижером в ряде провинциальных городов и в начале 1970-х гг. перебрался в Кисловодск, где стал одним из двух дирижеров местного симфонического оркестра. Оркестр имеет давние славные традиции, его создателем был известный музыкальный деятель и дирижер второй половины XIX в. и начала XX в. — основатель симфонического оркестра Московской консерватории Василий Сафонов. В советское время его имя знали только отдельные знатоки музыки. И причиной было то, что дочь Сафонова Анна Васильевна (по первому мужу Тимирёва) была гражданской женой адмирала Колчака. Несколько лет тому назад, посещая музей Московской консерватории, я обнаружил там большой

портрет Сафонова, изображавший его во весь рост. Как сохранился этот портрет, спросил я смотрительницу? Она ответила, что портрет висел в одной из аудиторий консерватории, и никто не обращал на него особого внимания, а сейчас стало возможным выставить его на всеобщее обозрение. Доброе имя Сафонова сейчас восстановлено и в Кисловодске: большой зал Кисловодской филармонии с недавнего времени стал носить его имя.

Приведу несколько выдержек из моих дневниковых записей прошлых лет о Шульмане и о его концертах. От 22 декабря 1979 г.:

«Был на прекрасном концерте, посвященном 75-летию Кабалевского. Исполнялись его наиболее популярные и известные произведения — в частности, скрипичный концерт, 3-й фортепианный, сюита “Комедианты”, песни для детей.

По музыке наиболее сильное впечатление производит скрипичный концерт, мною очень любимый в юношеском возрасте. Его я не слышал лет 20—30, но тут же узнал.

Вообще, Кабалевский — это лучший период соцреализма в музыке, это годы наших детских надежд. Он весь полон радостного оптимизма. Сейчас, сегодня Кабалевский интересен в ностальгическом отношении.

Весь концерт задуман и создан Леонидом Шульманом, который настойчиво популяризирует советскую музыку — Шостаковича. Прокофьева и др.

После концерта зашел к нему за кулисы, он был очень растроган».

Запись от 1 января 1980 г.:

«Первого был в гостях в кисловодском доме. Хозяйка Нина Павловна — преподаватель немецкого языка Пятигорского института иностранных языков — очаровательная женщина, гости — кисловодская интеллигенция: дирижер филармонии, ведущий архитектор города (автор кинотеатра “Россия”), главный инженер крупного предприятия и т.п. Был очень популярный сейчас пианист Лазарь Берман с семейством. Играли в “Монополи”, смотрели слайды.

Общая обстановка, на мой взгляд, отлична от московской — всеобщее доброжелательство, может быть, объясняемое курортным настроением этого города.

Дирижер Леонид Шульман рассказал, как М. Ростропович характеризует Д. Кабалевского:

“Кабалевский всю жизнь стремился написать 7-ую симфонию С. Прокофьева, но так и не смог”. (7-ая — самое соцреалистическое произведение композитора, но все-таки это — Прокофьев!)».

Запись от 5 января 1980 г.:

«Ходили на Большое седло в компании с Л. Шульманом. Он много рассказывал о современной музыке. Очень рекомендовал учеников Шостаковича — Тищенко и Баснера (“На безымянной высоте”), а также дагестанского композитора Чалаева.

Тищенко написал 5 симфоний, продолжая малеровскую линию своего учителя. Его недавняя работа — концерт для арфы с оркестром.

У Баснера два прекрасных цикла песен на слова Ахматовой и Лермонтова, написанных еще в 50-х гг. Он автор музыки для военного мемориала в Кисловодске (“Журавли”).

Вечером был в гостях у Шульманов. Начали с записи симфонии Вениамина Баснера. При первом ее исполнении 20 лет тому назад она была подвергнута резкой критике соцреалистами, особо постарался тут Кабалевский. Она, видите ли, слишком трагична, пессимистична, мало литавр и барабанов. Леонид Шульман вернул симфонии новую жизнь, исполнив ее недавно после столь долгого перерыва. Сейчас она издана.

Судя по отрывкам, которые я прослушал, это весьма добротная музыка, мелодичная, отвечающая теме. Видимо, она не очень глубока. Баснер, написавший партитуру для многих кинофильмов, пишет легко, заметно без натуги, но на высоком профессиональном уровне и с чувством.

Затем исполнялась знаменитая альтовая соната Шостаковича, последнее его произведение, написанное за несколько недель до смерти композитора.

Как известно, последние годы Шостакович болел и, зная о приближающейся смерти, готовился к ней. Об

этом очень проникновенно рассказал Леонид Шульман на ярошенковской¹ субботе при исполнении альтовой сонаты.

Последние произведения композитора, начиная с 14-й симфонии, — это своеобразный многочастный реквием. Выступая на репетиции этой симфонии в Малом зале Московской консерватории, Шостакович говорил, что нужно помнить и напоминать другим о неизбежности смерти. Это нужно потому, что человек должен достойно встретить смерть, жизнь должна быть прожита честно.

Следующая важная часть реквиема — сюита для баса с оркестром на слова Микеланджело. В ней Шостакович дважды (в начале и конце) подчеркивает необходимость служения истине. Именно это дает человеку бессмертие.

И, наконец, соната для альты (Op. 147), посвященная московскому альтисту П. Дружинину. В Кисловодске на субботе Секлюцкого она исполнялась главой ленинградской школы альтистов Ю. Крамаровым.

Вначале Шостакович дал названия трем частям сонаты (новелла, скерцо, адажио памяти великого Бетховена), потом почему-то их снял.

Это — поистине гениальное произведение уходящего великого композитора, его прощание с жизнью. Особенное впечатление производит третья часть.

Поражает, прежде всего, удивительная скромность композитора, глубокое преклонение перед музыкальными корифеями прошлого. Поэтому — множество музыкальных цитат, в частности из «Лунной сонаты» Бетховена. Уходя из жизни, Шостакович как бы благодарит своих учителей.

В музыке звучат и безысходность смерти, и светлая грусть, сознание честно прожитой жизни. Смерть нужно принять такой, какая она есть.

Философское отношение Шостакович к смерти, очевидно, сходно с мыслями знаменитого русского психиатра Бехтерева о *бессмертии человеческой личности*:

«Если вместе со смертью навсегда прекращается существование человека, то, спрашивается, к чему наши

¹ В доме-музее Н.А. Ярошенко, созданном стараниями кисловодского художника В.В. Секлюцкого, регулярно проводятся музыкальные вечера, часто с участием заезжих музыкантов и певцов.

заботы о будущем? К чему, наконец, понятие долга, если существование человеческой личности прекращается вместе с последним предсмертным вздохом? Не правильнее ли тогда ничего не искать от жизни и только наслаждаться теми утехами, которые она дает?..

Нет! Потому что *ни один вздох и ни одна улыбка не пропадают в мире бесследно.*

Нет! Потому что каждая человеческая личность... не прекращает своего существования вместе с прекращением индивидуальной жизни, а продолжает ее в полной мере во всех тех существах, которые с ней хотя бы косвенно соприкасались во время ее жизни, и таким образом живет в них и в потомстве как бы разлитую, но зато живет в них вечно, пока существует жизнь на земле... Поэтому все то, что мы называем подвигом, и все то, что мы называем преступлением, непременно оставляет по себе определенный след в общечеловеческой жизни, который имеет соответствующие ему последствия в преемственном ряде поколений...».

«И наконец, последним в этот чудный вечер у Шульманов был исполнен 1-й фортепьянный концерт Брамса. Играл Лазарь Берман в сопровождении кисловодского оркестра под управлением Шульмана. Запись любительская, но все же и непосвященному было понятно, что это выдающийся пианист.

Берман в молодости был известен как пианист-виртуоз и в какой-то мере романтик. Но с годами (скоро ему 50 лет) в его игре появились простота, величественность, широта, благородство».

В 1980 г. я в Кисловодске не бывал, и наши контакты с Ленией были на время прерваны. Мы перезванивались, но редко. В самом начале 1990-х гг. Шульман и его жена Ирина перебираются в США и поселяются в пригороде Вашингтона. У Лени еще дома появилась опасная опухоль за левым ухом, требовалась нейрохирургическая операция, и это явилось поводом для ускорения переезда в Америку. Операция прошла благополучно, он немного потерял слух на это ухо, но мог продолжать заниматься музыкой, хотя востребован как музыкант в Соединенных Штатах он не был и продолжает почти ежегодно приезжать в Кисловодск и давать концерты в местной филармонии. Но не менее важной причиной

были его отношения с Ниной Павловной (о ней я писал выше), которые продолжались еще с 1970 г.

В 1992 или 1993 г. я оказался в Вашингтоне, разыскал Леню, и мы провели вместе с ним чуть ли не целый день. Тем временем Лазарь Берман перебрался в Италию, где давал фортепианные концерты и одновременно дирижировал симфоническим оркестром (кажется, в Неаполе, но, может быть, в каком-нибудь другом городе). Жил он во Флоренции. Один раз, кажется, в 1987 г., Лазарь приезжал в Нью-Йорк, и я помог ему организовать концерт в ООН, который прошел с большим успехом.

В свою очередь, Берман пригласил Шульмана дать концерт в Италии. И тут так случилось, что у Лени не было хорошей записи симфонических танцев Рахманинова, которые он должен был исполнять в Италии. Он позвонил мне в Монтерей, где я тогда работал, и, к счастью, среди моих кассет оказалась отличная запись в исполнении не помню какого оркестра, но под руководством известного маэстро Лорина Маазеля. Я ее выслал в Вашингтон, и Леня использовал эту запись для подготовки к концертам в Италии. Берман скончался во Флоренции в феврале 2005 г.

Рассказы Николая Семашко

В конце декабря 1979 г. я познакомился с научной сотрудницей Исторического музея Надеждой Николаевной Нелидовой (по мужу Гончаровой). Ее бабушка вторым браком была замужем за Николаем Александровичем Семашко, первым наркомом здравоохранения. В семье Нелидовых сохранились два рассказа Николая Александровича. Привожу по своей дневниковой записи от 24 декабря 1979 г.:

«I. В первые годы советской власти как-то раз Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Семашко с женой (той самой бабушкой) ехали в легковом автомобиле где-то в Подмосковье. Водитель остановил автомобиль перед мостом через речку: его смущал ненадежный вид моста. На дороге оказался местный крестьянин. “Выдержит ли мост?” — спросил его водитель. “Вряд

ли — мост-то *советской*”, — отвечал крестьянин. В.И. был очень огорчен.

II. После смерти В.И. ЦК заседал несколько дней подряд. Николай Александрович Семашко возвращался поздно, и близкие набрасывались на него — Ну, кто, кто? Он отмахивался.

На третий (примерно) день Николай Александрович приходит мрачный. Те же вопросы: Кто?

Кто, кто... Кто палку взял, тот и капрал, — мрачно буркнул Николай Александрович».

ОТМАХнись

До тех пор, пока не родился цесаревич Алексей, наследник российского престола, бытовала шутка: ОТМАХнись (от девок). Имелось в виду, что последовательность по рождению царевен была: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, и ждали Христину, но появился Алексей. (Рассказала Надежда Николаевна Гончарова.)

Об Александре Обухове

Заслуживает почтительного рассказа такой замечательный и неординарный человек, как директор академического Института физики атмосферы академик Александр Михайлович Обухов, с которым я был довольно близко знаком в 1970-х и в начале 1980-х гг., главным образом по совместным ежегодным посещениям Кисловодска и походам в горы. Ему посвящена специальная книга воспоминаний¹, и я ограничусь только некоторыми личными наблюдениями².

Обычно А.М. приезжал в Кисловодск неожиданно, но непременно в зимние месяцы, когда там собиралась наша традиционная кисловодская компания. Он приезжал налегке. Его спортивное обмундирование — военного вида брюки, светло-серая курточка, свитер, вязаная шапочка и кеды — хранились у кого-то в Кисловодске.

Запись из моих дневников от 9 января 1980 г.:

¹ Академик Александр Михайлович Обухов. Жизнь в науке. М.: Издательский дом «Ноосфера», 2001.

² Частично в моих воспоминаниях использованы заметки Р.К. Казаковой, опубликованные в этой книге. С. 63—70.

«А.М. Обухов организовал поездку в лабораторию примесей верхней атмосферы, расположенную вблизи горы Шиджатмаз (2127 м). Лаборатория (вернее, филиал лаборатории, которая сама находится в Звенигороде под Москвой) занимается изучением озонного слоя (25—30 км) и ионосферы (до 300 км).

По мнению сотрудников лаборатории, ведущих постоянные наблюдения, и самого А.М., каких-либо изменений озонного слоя пока не зарегистрировано, поэтому опасений возможного разрушения этого слоя и потепления земли со всеми вытекающими последствиями пока нет. Они, однако, осторожно избегают делать какие-либо предсказания на будущее.

Нас сводили также на соседнюю горную солнечную обсерваторию — филиал Пулковской обсерватории, — где ведутся наблюдения за солнечной короной (посредством коронографа, имеющего искусственную луну, что позволяет вести работу постоянно, раньше такие наблюдения были возможны только во время полных солнечных затмений). Основная задача — следить за солнечной активностью. Вскоре (начиная с будущей весны) ожидается небывалый пик солнечной деятельности. В обсерватории имеются данные о солнечной активности с 1755 г., свидетельствующие о постепенном неуклонном повышении такой активности.

Но, конечно, самое главное для меня — знакомство с настоящим Кавказом. С горы Шиджатмаз открывается захватывающий дух вид Эльбруса и прилегающих гор. До Эльбруса по прямой — 45—50 км. Съездили мы и в Долину нарзанов — 1300 м (над уровнем моря). Там бьет около 20 источников разных видов этого целебного источника, бьет прямо из-под земли. В центре урочища — дом в виде крепости в мавританском стиле. Валентина Николаевна Афанасьева рассказывала, что раньше он был госдачей, там раз был Сталин, многократно останавливался Серго Орджоникидзе, любивший охотиться в этих местах. Вокруг — множество туристских троп. Сейчас в урочище — турбаза.

В целом впечатление такое, что я как будто оказался в знакомых Альпах. При желании туда можно поехать на неделю походить по горам».

Как-то в Москве академик организовал посещение своего института в Пыжевском переулке, куда он пригласил «кисловодчан», проживающих в Москве. Только

там, как и в его лаборатории на Кавказе, все мы поняли, какой вклад в науку о познании такой важной среды обитания человека, как атмосфера нашей планеты, делают сотрудники института под руководством своего директора.

Обухов отличался доброжелательным искрящимся юмором и любил складывать эпиграммы на своих друзьях. Я, кому он дал кличку «дипломат», удостоился такой эпиграммы:

«Дружил он с Фернандо —
Была там и Ванда...
Однажды Фернандо
(А может, и Ванда)
Позвали Роланда
К себе на веранду».

Здесь не надо искать какой-нибудь смысл и отождествлять имена с кем-то из известных лиц. Это просто рифмованный каламбур «на тему о Роланде».

Скончался Александр Михайлович в декабре 1989 г., когда я находился за границей и на похоронах быть не мог. На траурном митинге присутствовал Андрей Сахаров. Как рассказывает очевидец, ссутулив плечи и опустив голову, он постоял у изголовья Александра Михайловича, а через несколько дней не стало и его.

Ненастоящее искусство

Характерным для нравов советской и постсоветской эпохи является такое явление, как феномен художника Ильи Глазунова.

Вообще говоря, художник он неплохой (скорее, график¹, с цветом он не очень в ладах) и притом весьма работоспособный, но, увы, его главная черта, запредельно перекрывающая некоторую художественную одаренность, — деловая хватка и непомерная амбициозность, как у Зураба Церетели, который, правда, в отличие от Глазунова, особенно как художник, но так же и как скульптор совсем никудышный. Появился Глазунов на

¹ Производит благоприятное впечатление, например, графический портрет Патриарха Алексия I (в миру Симанского), выполненный еще в 1960-х гг.

московском горизонте, по-видимому, еще в 1960 г. и завоевал определенную известность своими вроде как бы не вполне диссидентскими работами, но все же отличающимися от произведений официального соцреализма. Конечно, Глазунов не примыкал к откровенным диссидентам, которых Хрушев, как все помнят, презрительно обозвал *педерасами* на выставке в Манеже в 1962 г. Однако же художник пользовался некоторым вниманием у не слишком взыскательной *квазиинтеллигентской* публики. Помню, в конце 1970 г., будучи по делам в Кремле, я не мог не обратить внимания на его выставку в коридоре правительственного здания, где размещалась Военно-промышленная комиссия Совмина СССР.

А затем, как из рога изобилия, посыпались его бесконечные работы с непременными глазастыми женщинами (по Москве ходила шутка, что если бы у художника фамилия была похожа на иную часть человеческого тела, то он в своих произведениях, очевидно, особенно выразительно прорисовывал бы именно ее). Одновременно он освоил мир страждущих запечатлеть свое изображение на портрете, выполненном популярным в светском обществе художником. В давнее время как-то на приеме у посла Финляндии хозяин хвастался портретом своей супруги кисти Глазунова, которая, как было широко известно в дипломатических кругах, была в свое время возлюбленной тогдашнего президента Урхо Кекконена, благодаря чему посол, собственно, и получил этот пост.

Следующим этапом были его широко разрекламированные громадные и совершенно безвкусные панно с изображением всех и вся, которые назывались «XX век» или как-то похоже и на которых обязательно присутствовали Иисус Христос, Ленин, Гитлер, Троцкий... и, конечно же, сам автор, а иногда и дважды — в молодом и пожилом возрасте. Одно из таких панно было, кажется, даже подарено им для штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже.

О Глазунове, может быть, и не следовало бы писать — того он не заслуживает, да вот недавно после посещения Музея изобразительных искусств, где была выставка французских импрессионистов из коллекции Сергея Щукина и экспонирован знаменитый танец Анри Ма-

тисса, привезенный из Парижа, я зашел в только что открывшийся музей Ильи Глазунова, размещенный в здании вызывающе ярко-бирюзовой окраски, которое расположено прямо напротив храма искусства скромного серого цвета. И внутри оно было все в мраморе и позолоте. Но, наверное, самое любопытное, что и публика была совсем другая, чем в музее изобразительных искусств, — куда как попроще и поневзыскательнее.

В истории мирового искусства было немало баснословно богатых художников, но устраивать при жизни собственные музеи, а тем более так вызывающе arrogantly, напоказ всему миру, как это сделали Глазунов и Шилов, возможно, наверное, только в нашей стране и в нынешнюю эпоху. Причем этим музеям был даже предоставлен статус государственных, что, разумеется, является признаком особого благорасположения к художникам со стороны то ли федеральных, то ли московских властей.

Трудные времена для искусства

Приведенное выше суждение о Глазунове и Шилове и иже с ними (к ним никак нельзя не присовокупить Зураба Церетели с его Христофором Колумбом / Петром Первым на Москва-реке) подводит меня к целесообразности воспроизвести в настоящих воспоминаниях некоторые записи, сделанные мною в сентябре—ноябре 1979 г., которые, как мне думается, не менее актуальны и сегодня:

«Чем же все-таки объясняется всеобщий культурный кризис, поразивший, как раковая опухоль, и Восток и Запад и затянувшийся на несколько десятилетий? Если взять музыку, то после Прокофьева и Шостаковича в сущности нет ни одного равного им нового имени вот уже не один десяток лет¹. А на Западе та же картина: на смену Малеру и Равелю опять же никого нет. Разве не сходная ситуация, скажем, и в художественной литературе? Дал ли советский период хоть одно имя, достой-

¹ Замечу сейчас справедливости ради, что тогда, в 1970-х гг., я еще плохо знал Шнитке, которого, конечно, нужно тоже причислить к сонму самых именитых.

ное наших корифеев прошлого века — Пушкина, Толстого, Достоевского?¹ Ничуть не лучше и на Западе. Но даже если несколько снизить требования и говорить о просто первоклассных писателях (допуская, что гении, как Пушкин и Байрон, рождаются раз в сто лет), то и здесь полная скудость. После Булгакова и Хэмингуэя умами завладели Робинс и Пикуль.

Думаю, что в изобразительном искусстве дело обстоит таким же образом. Если говорить о наших художниках, то последние тридцать-сорок лет мы не видели ни одного имени, не только что равного, но и близкого по новизне, размаху, таланту Малевичу, Филонову, Татлину, да и многим другим из многочисленной плеяды авангардистов. Справедливости ради заметим, что очень даже одаренные художники и скульпторы время от времени как у нас, так и на Западе все же появляются (В. Попков, Э. Уайат и кое-кто еще), но они не могут изменить общей картины упадка, заката, которая, очевидно, устойчиво охватила все *развитое* человечество (в противоположность развивающемуся).

Недавно (сентябрь 1979 г.) довелось мне побывать на выставке молодых наших художников в залах Академии художеств на Кропоткинской². И не очень сведущему в делах искусства было очевидно, что устроителям пришлось ради того, чтобы представить одни лишь сугубо соцреалистические работы, пойти на явное снижение уровня картин, скульптур и графики даже с точки зрения элементарной техники исполнения. Несмотря на то что среди *молодых* встречались авторы 1946 и 1948 г. рождения, многие работы (на мой взгляд, большинство, безусловное большинство) не отвечали самым минимальным требованиям по рисунку, композиции, цвету. А если говорить о передаче в живописных и скульптурных образах глубокого и сложного мира наших современников, то здесь ни в одном из произведений не обнаружишь и намека на это.

Допустимо, что более талантливые из наших молодых художников пробуют свои силы отнюдь не на соцреалистическом направлении. Но и тут, по отзывам многих специалистов, включая и западных искусствове-

¹ Добавлю, что, скажем, Ахматова, Мандельштам, Пастернак все же принадлежат прошлому.

² Ныне ул. Пречистенка.

дов (самому мне довелось видеть немного: работы М. Шемякина, выставленные в одной из галерей «Мэдисон Авеню», да кое-какие репродукции картин, экспонировавшихся в павильоне «Пчеловодство» на ВДНХ несколько лет тому назад), царит полное эпигонство и даже самое элементарное подражательство. Советский поп-арт просто-напросто повторяет путь, пройденный западными авангардистами, но только с большим запозданием. То же — и в других направлениях модерна.

Характерной фигурой становятся художники (да и не только художники) типа Ильи Глазунова. В прошлом и начале нынешнего века их называли салонными художниками, впрочем, эта квалификация звучит по-современному и сегодня. Их цель — потрафить вкусам неискушенных *ценителей* искусства и на этом строить свое личное благополучие. На что только не идут эти весьма преуспевающие дельцы от искусства, чтобы поддержать *общественный* интерес к себе! Вплоть до точно рассчитанного *фрондерства*, вызывающего бурный восторг современного мещанства. Достаточно напомнить о шумной истории с картиной «XX век», не допущенной Министерством культуры на персональную выставку Глазунова (кажется, в 1977 г.). Как это смело! — причитали *знатоки*. А вскоре после этого Глазунову было присвоено звание заслуженного деятеля искусств.

Но и на Западе царит подобная же серость, отсутствие идей, упадок. Знакомство с новыми работами в нью-йоркском *Уитни-музеум*, в галереях «Мэдисон Авеню» и «Сохо» (Гринвич Виллидж), в музеях Базеля, Цюриха, Женевы приводит именно к такому однозначному выводу. И неслучайно постоянно и по нарастающей поднимаются цены на аукционах Лондона и Нью-Йорка на произведения старых мастеров, художников XIX и начала XX в. Знакомство с газетными отчетами об аукционах Кристи и Сотеби-Парк-Бернетт не выявляет хоть какого-то интереса у современной публики и коллекционеров к творчеству молодых художников.

Представляется весьма характерным, что застойные явления одновременно или почти одновременно охватили и культуру социалистического мира, и культуру Запада, хотя, казалось бы, условия развития культуры

представляются диаметрально противоположными. На одной стороне — хвалебная свобода творчества, ничем не ограниченная, дающая полный простор любым направлениям в искусстве, на другой — строгие рамки социалистического реализма, скрупулезно охраняемые широко разветвленной системой принуждения. Но ведь вот что воистину удивительно — и здесь, и там результаты одни и те же: отсутствие развития, застой, упадок.

Послушаем, что говорят о состоянии западной культуры их крупные представители. Вот мнение Артура Миллера, ведущего американского драматурга последних десятилетий, автора пьесы, считающейся многими классической, — «Death of a Salesman» (написанной в 1948 г.). «В США мы субсидируем симфонические оркестры, оперы, струнные квартеты и тому подобное, потому что мы знаем, что средний человек на них так или иначе не пойдет. Все это для самой верхушки общества [...]. Но когда мы спускаемся от высшего класса ниже, то отношение становится иным: пусть зрители заплатят. А это ведет к упору на коммерческую сторону, что, в свою очередь, искажает (извращает: *distorts*) театр. А уж если взять телевизор, то в нашей стране он в сущности находится под игом автократии. На телевидении автор не имеет никакой свободы. Вот почему продукция столь плоха. Автор создает произведения, соответствующие нашему пониманию официальной идеологии. Идеология же эта сводится к следующему: отвлечь внимание телезрителей с помощью любых доступных средств и никогда не выходить за пределы самого низкого общего знаменателя. В этих условиях автор находится как бы в наручниках. И получается, что из имеющегося в нашем распоряжении самого мощного средства массовой информации — и самого демократического — мы изгнали и продолжаем изгонять все, что может быть талантливым». (Интервью А. Миллера журналу «U.S. News & World Report», опубликованное 12 ноября 1979 г.).

В конце 1979 г. в западной литературе и печати появилось множество аналитических материалов, подводящих итоги 1970-х гг. Вот один характерный для общих настроений вывод о состоянии дел в американской культуре: «Как представляется, в 1970-е гг. искусство как бы билось во всех направлениях в попытках найти

новые позиции, новые средства воздействия, новые отправные точки в период неуверенности и неустойчивости» (“Newsweek”, 19 ноября 1979 г.). Журнал призывает к поиску героического идеала в нынешнее «неуверенное время, когда нет абсолютов ни в искусстве, ни где бы то ни было». Вывод неутешительный, а призыв скорее сводится к благому пожеланию.

Сходная картина, по признанию западных же специалистов, наблюдается в западном изобразительном искусстве. Понтус Гултен (Pontus Hulten), директор парижского Национального центра искусств и культуры им. Жоржа Помпиду (называемого в широкой публике также Бобургом) высказывает такое мнение о состоянии развития изобразительных видов искусства на Западе: “Я думаю, что в искусстве наступило время раздутий. Искусство развивалось в 1960-е и начале 1970-х гг. слишком быстро. Это было слишком искусственное, слишком нездоровое развитие. Возникло так много короткоживущих (*short-lived*) тенденций, на искусство наложила столь сильный отпечаток мода. Может быть, ответом на это и явились сейчас ретроспективные выставки” (“International Herald Tribune”, 30 ноября 1979 г.)

Как известно, со времени открытия Бобурга (февраль 1977 г.) в нем состоялись, прямо скажем, грандиозные ретроспективные выставки: Париж—Нью-Йорк, Париж—Берлин и Париж—Москва, а в 1980 г. там будет развернута самая полная — из когда-либо имевших место — ретроспективная выставка произведений Сальвадора Дали, а затем выставка на тему “Реализм в искусстве, литературе и архитектуре 1920—1930 гг.” — то есть опять же *ретроспективная* выставка...

Возврат к прошлому — особенно к периоду 1910, 1920, 1930-х гг. — глубоко симптоматичен, являя собой несомненный признак всеобщего разочарования низким идейным и даже техническим уровнем изобразительного искусства последних десятилетий, отсутствием новых ярких имен, новых тенденций, всеобщим разгулом ремесленничества, коммерциализма...

В чем же все-таки причина общего застоя в культуре Запада и Востока? Не в том ли дело, что существует какой-то объективный закон (мы пользуемся общепринятой социально-экономической терминологией), кото-

рый с неизбежностью приводит к тому, что чем шире распространяется культура, развиваясь, так сказать, по поверхности, тем она становится более плоской, скудной, немощной, пошлой? И это, видимо, всеобщий закон, действующий независимо от конкретных социально-экономических условий той или иной страны? (Речь, конечно, идет о странах, считающихся развитыми, согласно общепринятым понятиям). Иными словами, превращение культуры в массовую, охватывающую широкие слои населения посредством распространения грамотности, всеобщего образования, внедрения радио, телевидения, развития газетно-журнального дела и т. д., ведет к понижению ее общего уровня, к упрощению, а стало быть, к упадку.

Мысль эта в общем не новая, новы только многочисленные подтверждения этой мысли, наваливающиеся на нас, как из рога изобилия, ежедневно и ежечасно. Удивительно другое — то, что мы не сознаем этого, вернее, не хотим сознавать».

Коллекционер

С Владимиром Семеновичем Семеновым (заместитель министра иностранных дел) я познакомился в начале 1970-х гг. при следующих обстоятельствах. Впрочем, собственно говоря, мы знали друг друга с давних пор, о чем я уже писал. Году этак в 1965 (или в 1966) в один погожий воскресный день меня и скончавшегося в начале 2005 г. Бориса Терентьевича Бацанова, заместителя заведующего Третьим европейским отделом, Семенов вызвал к себе на дачу и поручил срочно написать наше первое обращение к европейским государствам с предложением о созыве совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Совещание это спустя много лет завершилось Хельсинкским актом и созданием Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). На даче состоялось знакомство и с семейством Семенова, который незадолго до этого женился вторым браком на молодой женщине Лидии Ивановне (Лике, как он ее называл) — подруге и однокурснице его дочери по первому браку Светланы.

Но более близкое знакомство с В.С. состоялось в 1971 г. Как хорошо известно, и я об этом писал, с конца

1969 по май 1972 г. попеременно в Вене и Хельсинки проходили советско-американские переговоры по ОСВ-1, которые завершились подписанием в Москве Ричардом Никсоном и Л.И. Брежневым Договора об ограничении систем ПРО и Временного соглашения по ограничению стратегических наступательных вооружений.

Семенов возглавлял нашу делегацию на этих переговорах, в нее входили крупные военачальники и ответственные представители оборонной промышленности. От Отдела международных организаций МИД в делегацию были включены заместитель заведующего Олег Гриневский, а также Николай Кишилов, полковник ГРУ, который несколько лет проработал *под крышей* МИД. Хотя Николай был лишь исполнительным секретарем делегации, он играл на переговорах одну из ключевых ролей.

Как я уже упоминал, в начале 1971 г., поскольку Олег заболел и вернулся на лечение домой, потребовалось найти ему срочную замену, так как Семенов должен был выехать в Москву на несколько недель для участия в очередном съезде партии (30 марта — 9 апреля) и проведения консультаций с руководством, а замещать его по делегации полагалось старшему после него представителю МИД. И Семенов дал телеграмму, чтобы меня незамедлительно командировали в Вену, что и было сделано в считанные дни.

После приезда в Вену мне пришлось заново овладеть проблематикой, которой я не занимался несколько лет. Связь с Москвой, как обычно, поддерживалась путем шифрпереписки, а в совершенно срочных случаях нужно было через нашу воинскую часть, размещенную в Братиславе (в 70 км от Вены), сноситься с Москвой по телефону. Как-то раз у меня с представителем ВПК академиком А.Н. Щукиным возникла мысль выступить на переговорах с какой-то небольшой инициативой, вернее предпринять некий тактический ход, вполне укладывающийся в имеющиеся директивы и требуемый, как мы считали, конкретной ситуацией на переговорах. Наша идея была поддержана делегацией, и мы с Щукиным решили согласовать наши действия с В.С. Но поскольку мы посчитали не вполне уместным спрашивать на это

разрешение шифртелеграммой, которая была бы доступна в Москве и тем, кто не был посвящен в детали переговоров, было решено переговорить с В.С. по телефону, и мы поехали для этого в Братиславу.

Несмотря на приведенные нами аргументы, которые нам казались весьма убедительными, Владимир Семенович наотрез отказался дать согласие на наше предложение. Нам стало ясно, что Семенов не хочет дать делегации возможность предпринимать какие-нибудь действия для дальнейшего развития переговоров в его отсутствие. И в его стремлении к самовластию, в нежелании кому-либо в чем-то уступать я и потом не раз убеждался. Таков был его неуклонный характер, и приходилось с этим мириться.

Но у В.С. было много положительных черт. Он безусловно был чрезвычайно одаренным человеком, работать с ним было интересно и довольно легко, и я многому у него научился. Помню, как он учил писать телеграммы. В каждой из них, поучал он, нужно употреблять необычные обороты или какие-нибудь неожиданные словца, которые могли бы обратить на себя внимание, иначе при гладком тексте взгляд проскальзывал бы и суть поставленного вопроса оставалась бы незамеченной. В правильности такого подхода к написанию реляций в Центр я не раз убеждался в дальнейшем.

Вообще говоря, наши послы пишут слишком длинные и *красивые* телеграммы — такова сложившаяся многолетняя практика, и важные сообщения и соображения послов иногда остаются незамеченными. Многие московские читатели посольских сообщений любят читать такие *красивые* телеграммы, зачастую не вдумываясь в суть дела, и часто судят о деятельности посла не по существу, а по тому, как посол излагает то или иное событие. Послы же норовят написать так, чтобы это понравилось московскому начальству. В 1998 г. мне довелось работать в американских архивах, и я удивился краткости, четкости, точности, деловитости и неприязнительности телеграмм от послов и других представителей США за границей, поскольку был хорошо знаком с состоянием дел на тех переговорах, в которых я сам участвовал.

В.С. мне много дал и в части понимания музыки и, особенно, живописи. Он был заядлым коллекционером. Вначале он собирал передвижников, но потом выгодно их распродал и увлекся русским авангардом. Тогда коллекционировать художников русского *Серебряного века* было сравнительно легко. Сами художники в большинстве своем уже вымерли, начальство довольно косо смотрело на произведения представителей этого направления в искусстве, и музеям не выделяли средства на приобретение их картин. Вдовы художников чуть ли не голодали, и за небольшие подачки (дубленки и пр.) в тогдaшнее время можно было создать хорошие коллекции. Семенов вовремя это понял и составил очень добротное собрание картин — Фальк, Лентулов, Тышлер (один из лучших в Москве), Гончарова, Древин¹ и др.

Семенов не раз уговаривал меня заняться коллекционированием, но я упорно отказывался — нет у меня страсти к собиранию. Все, что висит на стенах моей квартиры, это случайные вещи — либо подаренные кем-то, либо купленные ради памяти о чем-то или о ком-то. Единственная ценная вещь — это акварель Роберта Фалька его парижского периода. Попала она ко мне вот каким образом.

Году в 1974 или 1975 вместе с Лидией Ивановной мы выезжали в Ленинград познакомиться с собранием крупного коллекционера — профессора физики Федора Абрамовича Чудновского. У его внуки в грудном возрасте был обнаружен врожденный порок сердца, и ее спасти могла только операция, которую у нас тогда не делали. Хирургическое вмешательство требовалось срочно, но это мог сделать только один лондонский хирург. Однако мать девочки не выпускали за границу, поскольку она работала в *почтовом ящике*, связанном с атомным ведомством. Через мои контакты с этим ведомством (при помощи И.Д. Морохова) мне удалось добиться разрешения на выезд матери с дочерью в Лондон, где ей удалось сделать успешную операцию. В благодарность за это Чудновский и подарил мне Фалька.

¹ Моя жена Нина очень любила Древина, и у нас в квартире висят две копии с его картин, сделанные по ее заказу.

Неправительственная инициатива

В личном архиве обнаружил свое обращение от 15 ноября 1990 г. к ряду ученых, специалистов и сотрудников различных ведомств с предложением о создании неправительственной организации, которая имела бы целью содействие ядерному нераспространению. В числе адресатов — Георгий Арбатов, Виталий Гольданский, Алексей Мешков, Абрам Иойрыш, Александр Калядин, Анатолий Карпов, Сергей Кисляк, Андрей Кокошин, Игорь Паленых, Владимир Петровский, Михаил Рыжов, Роальд Сагдеев, Олдас Сулейменов, Владимир Шмелев, Владимир Шустов и др. Всего — 34 чел. В письме, в частности, говорилось:

«Хотел бы поделиться с вами идеей создания у нас неправительственной организации, имеющей целью содействие нераспространению ядерного оружия [...]

[...] Такие организации, специально посвященные проблеме укрепления международного режима нераспространения, имеются в ряде стран. Опыт показывает, что они играют существенную роль в продвижении идей нераспространения, организации и проведении исследований, вскрывающих сложности в решении данной проблемы и намечающих пути повышения эффективности режима нераспространения.

В США действуют “Вашингтонский совет по нераспространению” (председатель — Джерард Смит), Проект по ядерному нераспространению при Фонде Карнеги (директор — Леонард Спектор), Проект по новым ядерным поставщикам при Монтерейском институте Калифорнийского университета, Лос-Анджелес¹ (директор — Уильям Поттер) и ряд других. Такие организации созданы в Англии, где ее возглавляет Джон Симпсон и Роланд Смит, и в Канаде. С 1987 г. активно действует международная неправительственная группа “Программа содействия нераспространению ядерного оружия”, которую возглавляют Бен Сандерс (Нидерланды) и Джон Симпсон (Англия).

¹ Здесь ошибочно указано, что Монтерейский институт входил в систему Калифорнийского университета. В действительности, это частное учебное заведение.

На состоявшейся 13—14 ноября 1990 г. в Вашингтоне под эгидой Фонда Карнеги конференции «Ядерное нераспространение: роль неправительственных организаций» (на которой присутствовало свыше 100 человек) отмечалось расширяющееся влияние различных организаций на процессы, связанные с нераспространением.

Убежден, что настало время и нам объединить силы растущего числа специалистов в области нераспространения ядерного оружия, работающих как в научно-исследовательских и учебных заведениях, так и в правительственных ведомствах.

Это представляется тем более насущным, что предстоящее пятилетие перед конференцией 1995 г., на которой будет решаться дальнейшая судьба Договора о нераспространении ядерного оружия, будет особо ответственным периодом, требующим консолидации всех усилий на путях повышения эффективности международного режима нераспространения, вовлечения в него максимально широкого круга государств.

Предлагаемая организация, которую можно было назвать Комитетом за нераспространение ядерного оружия, имела бы следующие задачи:

- проведение различного рода исследований в области нераспространения ядерного оружия;
- взаимодействие с аналогичными организациями в других странах;
- содействие образованию подобных организаций в тех странах, где они не существуют, особенно в странах, все еще уклоняющихся от участия в договоре и режиме нераспространения;
- работа с парламентариями и представителями правительственных ведомств, оказание соответствующего влияния в интересах повышения эффективности советской политики по вопросам нераспространения.

Что касается организационной стороны дела, то на первых порах, по всей видимости, было бы достаточно одного освобожденного работника, финансирование которого, возможно, взял бы на себя Советский фонд мира. В дальнейшем, по мере расширения активности Комитета за нераспространение ядерного оружия, мож-

но было бы попытаться привлечь к финансированию его мероприятий и различные иностранные фонды».

Спустя некоторое время то ли под влиянием этого письма, то ли независимо от него была образована Ассоциация содействия нераспространению, большую роль в создании которой сыграл тогдашний проректор МГИМО по науке Андрей Загорский. Ассоциация, к сожалению, сейчас практически прекратила свое существование. Но она сделала хорошее дело, издав в 1993 г. сборник документов по нераспространению ядерного оружия¹. Это была первая у нас в стране неправительственная организация по ядерному нераспространению.

Ныне действующая неправительственная организация, занимающаяся главным образом нераспространением оружия массового уничтожения, контролем над вооружениями и более широкими аспектами международной безопасности — Центр политических исследований России (ПИР-Центр) — была образована благодаря усилиям Владимира Орлова в 1994 г. Орлов по окончании факультета журналистики МГИМО работал на журналистском поприще и в 1993 или 1994 г., будучи стажером Монтерейского института международных исследований, где я преподавал в 1992—1995 гг., посещал мой семинар по ядерному нераспространению и приобщился к этой важнейшей международной проблеме. Он является неизменным директором ПИР-Центра и редактором издаваемого Центром журнала «Индекс Безопасности», до этого выходившего под названием «Ядерный Контроль».

Конец партийной ячейки

Еще один любопытный документ, найденный мною в собственном архиве. Это — оригинал приказа № 29 по Представительству СССР при международных организациях в Вене, подписанный 24 августа 1991 г. относительно закрытия деятельности парторганизации в на-

¹ Нераспространение ядерного оружия. Сборник документов / Ред. коллегия: И.А. Ахтамзян (составитель), А.В. Загорский, С.В. Кортунув. М.: Международные отношения, 1993.

шем венском представительстве при международных организациях. Вот факсимиле этого документа:

Приказ № 29
по Представительству СССР
при международных организациях
в Вене
24 августа 1991г.

Приказываю:

С сего дня прекратить
деятельность организации КПСС
Палатки Представительства СССР при
международных организациях в Вене.

Р.М. Тимербаев
Палатки Пред-
ставительства при меж-
дународных органи-
зациях в Вене

24.8.91

Единый поток и национальная идея

Если говорить о более широких проблемах развития человеческого общества, то в июле—августе 1991 г. я попытался привести в порядок свои тогдашние мысли на сей счет, и в результате в моих записках появился опус, озаглавленный «Единый поток и национальная идея», который я впервые предлагаю на суд читателей. Непосредственным поводом для этого послужила работа американского философа и политолога Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?».

«Как развивается история и общество — вопрос этот неизменно занимал умы людей на протяжении всей истории человечества. Существуют ли объективные законы развития, определяющие переход человечества от

одной эпохи к другой? Следует ли развитие цивилизации каким-то общепланетарным законам, или отдельные континенты, регионы, национальные образования подчиняются каким-то своим, специфическим законам общественного развития, пригодным для одних и непригодным для других?

Новый импульс размышлениям над этим коренным вопросом дала дискуссия, развернувшаяся между политологами после появления летом 1989 г. в американском журнале “Нэшнл интерес” статьи Фрэнсиса Фукуямы, сотрудничавшего в свое время с *Рэнд корпорейшн*, а затем в течение некоторого периода работавшего в госдепартаменте США заместителем директора управления политического планирования, которая называлась “Конец истории?”¹.

Напомним: в статье утверждается, что человечество переживает сейчас не какой-то особый этап послевоенной истории или просто конец холодной войны, а конец истории как таковой, то есть конечный пункт идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы управления человеческим обществом. Фукуяма поясняет, что это его утверждение не означает, что отныне не будет вообще какого-либо развития. Победа либерализма, пишет он, произошла главным образом в сфере идей или сознания и еще не завершилась в реальном, материальном мире, но, полагает он, существуют серьезные основания считать, что этот идеал будет в долгосрочной перспективе направлять развитие материального мира.

Идея конца истории не оригинальна, признает Фукуяма, еще Гегель возвестил, что история закончилась в 1806 г., Гегель усмотрел тогда в поражении, нанесенном Наполеоном прусской монархии в битве при Йене, победу идеалов французской революции, а также, следует полагать, и американской демократии и неизбежную перспективу становления во всем мире государств, основанных на принципах свободы и равенства. Государство, которое возникает в конце истории, считает Фукуяма, является либеральным, поскольку признает и законодательно защищает всеобщее право человека на свободу, и

¹ «End of History?» Заголовок статьи может быть переведен и как «Цель истории?»

демократическим, поскольку существует только с согласия тех, кем оно управляет.

В доказательство этого Фукуяма приводит факты победы западной либеральной демократии и свободного предпринимательства не только в Соединенных Штатах Америки и в Западной Европе, но и триумфальное шествие этих принципов, можно сказать, по всему миру — в Японии, Южной Корее, странах АСЕАН, Бразилии, Аргентине, некоторых других государствах Латинской Америки и т. д.

Мысли, высказанные Фукуямой, заслуживают серьезного рассмотрения. Хотя он не ставит перед собой задачу установить глубинные причины успеха идеалов западной либеральной демократии и лишь констатирует факты, факты эти звучат достаточно убедительно. При этом Фукуяма вполне трезво полагает, что победа этих идей отнюдь не означает их полного реального воплощения в материальной практике, и признает, что практическое внедрение их в жизнь потребует еще многих десятилетий или даже столетий, особенно в странах *третьего мира*. Однако, утверждает он, дальнейшего развития идей устройства человеческого общества он не предвидит и в этом смысле можно говорить о конце или цели истории.

Конец истории — это в общем в какой-то мере афоризм, история будет и дальше развиваться, но каких-либо новых принципов и форм организации человеческого общества Фукуяма не предполагает.

Однако теперь возникает вопрос, почему человечество подошло, пользуясь выражением Фукуямы, к своему концу, к концу истории, и этот вопрос, понятно, представляет интерес и интерес отнюдь немаловажный. Каков мог бы быть на него ответ?

Представляется очевидным, что процесс развития политических институтов во второй половине нынешнего столетия заметно ускорился по сравнению со всей предыдущей историей современной цивилизации. Очевидно и то, что можно со значительной долей определенности констатировать сравнительное единообразие развивающихся ныне политических институтов. Особенно быстрый темп это развитие приобрело в самом конце нашего столетия. Конечно, наиболее наглядное

свидетельство этого — события в Восточной Европе и Советском Союзе, но не только. Аналогичные явления, если брать их в наиболее обобщенном виде, происходят и на других континентах.

Как не вспомнить в этой связи пророческие слова Алексиса де Токвиля, написанные еще в 1930 гг. прошлого века в его историческом труде «Демократия в Америке», что прогресс в направлении демократического равенства представляется неизбежным историческим процессом, который, по мнению де Токвиля, продолжался уже многие столетия и в конечном итоге никто и ничто не может ему противостоять. Как не сослаться тут на самый свежий пример — безуспешную попытку реакционного государственного переворота в СССР в августе 1991 г.

По-видимому, это означает, что демократически-эгалитарная тенденция в наибольшей степени соответствует природе человека в ее непрерывном развитии. Стремление к обретению свободы и равенства является частью нашей фундаментальной природы, как, скажем, необходимость сна или биологическая потребность человека к воспроизводству человеческого рода. К этому выводу пришел и сам Фукуяма в своей второй статье, опубликованной в зимнем номере журнала «Нэшнл ин-терест» за 1989—1990 гг., в которой он отвечает критикам статьи «Конец истории?».

Стремление к царству свободы является имманентным свойством *хомо сапиенса*, но процесс познания человеком необходимости свободы потребовал тысячелетий, и наше современное демократически-эгалитарное сознание явилось результатом постепенного, но неуклонного приобретения человеком этого свойства, все более осознанного отношения к свободе и равенству, к пониманию невозможности существования в условиях рабства и угнетения.

Либеральная традиция возникла, однако, не только и не столько на Западе, как это утверждает Фукуяма, считающий что именно западная либеральная демократия является концом истории. Истоки человеческого сознания уходят в глубокую старину, в поверья первобытного человека. Когда мыслящий человек, *хомо сапиенс*, стал задумываться над тем, какая степень свободы ему требу-

ется, каков должен быть уровень свободы и равенства, который необходим для обеспечения оптимальных условий его существования, развития и процветания, еще предстоит установить.

Однако по существующим ныне представлениям о степени развития культуры Месопотамии, древнего Египта или древней Руси (вспомним хотя бы Новгородское вече или швейцарские «ландсгемайнде») можно, думается, сделать вывод о том, что и тогда уже существовали какие-то зачатки представлений о свободе, равенстве, общественных институтах, обеспечивающих реализацию этих устремлений. Аристотель, Сократ, Платон — каждый из них внес свой вклад в развитие представлений о свободе, равенстве и гражданском обществе. Конечно, древняя Греция и древний Рим были рабовладельческими обществами, но ведь в Соединенных Штатах — этом сегодняшнем «форпосте» демократии — рабство было уничтожено лишь в середине прошлого века, а его последствия ощущаются и по сей день.

Так что утверждать, что именно Запад дал миру концепцию свободы и равенства было бы по меньшей мере нескромно, это не только объективно не соответствует реальности развития исторического процесса и раскрытия возможностей человеческой личности, но и создавало бы опасность шовинистического, даже гегемонистского воздействия на дальнейшее развитие общества.

И тут мы подходим к главному — к пониманию того, что человеческая природа, несмотря на своеобразие ее проявления в различных географических, исторических и иных условиях все же стремится к тому, чтобы более или менее единообразно выразить себя в демократически-эгалитарных институтах, поскольку они в наилучшей степени отвечают потребностям индивидуума, где бы то ни было — где-то раньше, где-то позже, но повсюду неизбежно.

Человечество, следовательно, развивается единым потоком. Где-то медленнее, где-то быстрее оно приближается к становлению либерального демократически-эгалитарного гражданского общества. Этот процесс свойственен человеческой природе и в цивилизованных Европе и Северной Америке, и в менее цивилизованных Азии, Африке и Латинской Америке. Первые признаки

стремления к этому появились, возможно, уже тысячелетия тому назад. Общество, основанное на принципах равенства и свободы, стало доминирующей тенденцией в Северной Америке и Западной Европе около двух столетий тому назад — в период французской и американской революций, и эта тенденция постепенно стала распространяться на весь мир. Но особенно наглядно, зримо и всепобеждающе стремление к свободе и равенству проявилось именно в XX в., особенно в конце его, когда в этот единый поток влились и Восточная Европа, и Япония, и народы, входившие в бывшую Российскую империю и в Советский Союз.

Ускорение этого исторического процесса, наблюдаемое в последние десятилетия, объясняется многими причинами, которые еще ждут своих исследователей, однако, уже сейчас можно назвать некоторые из них. Прежде всего, думается, это — заразительный пример уровня социально-экономического развития ряда государств, который был достигнут в условиях демократии в Западной Европе и Соединенных Штатах. Быстрое развитие средств массовой информации — прежде всего радио и телевидения в последние десятилетия — позволило довести это до людей на всех континентах. Достоинства демократии пришли с помощью радио и телевидения в каждый дом.

Дух свободного предпринимательства не знает границ, он проникает во все точки земного шара, вовлекая людей в конкурентную борьбу, что создает все более оптимальные условия для производства различных товаров и удовлетворения растущих потребностей человека.

Развитие демократии создает все более благоприятные условия для решения социальных проблем, затрагивающих каждого человека. В демократических странах постепенно в условиях борьбы между тенденциями, тянущими человечество назад к более примитивному состоянию и влекущими его вперед к более справедливым условиям существования, устанавливается, хотя и неравномерно, все более высокое качество жизни. Эти благотворные процессы, к сожалению, проходят на фоне вечных язв человеческого бытия — преступности, наркомании, других проявлений худших свойств человеческой натуры. Но эта борьба неизбежна и вечна,

потому что она является следствием имманентных свойств природы человека.

Одной из важнейших причин того, почему демократически-эгалитарная тенденция становится все более доминирующей чертой современного развития, является биологическая потребность человека в выживании человеческого рода. Появление в последние десятилетия таких глобальных проблем, как демографическая, экологическая, ядерная и др., вызывает растущую потребность для всего человечества в нахождении единственно возможных путей, способных избежать падения человечества в пучину всемирной катастрофы, прекращения человеческого рода. Опасность такой катастрофы объективно вынуждает людей к поиску совместных путей дальнейшего развития.

Отсюда — ускоренное развитие многосторонних институтов на региональном и глобальном уровнях, таких, как Организация Объединенных Наций, Европейское сообщество и др. Последние десятилетия с особой наглядностью продемонстрировали нарастание такого рода интеграционных, центростремительных процессов.

Таким образом, условия развития человечества вынуждают его объективно развиваться единым потоком, создавать повсюду более или менее единообразные общественные институты, основанные на принципах демократии, свободы и равенства. Но означает ли это полное единообразие? Или каждый народ, каждая нация, являясь участниками этого единого потока, должны вносить и вносят в этот поток свое своеобразие, свою самобытность, основанные на своих специфических этнических, исторических, географических или иных условиях развития?

Исторический опыт показывает, что каждая нация вносит в этот единый поток демократического развития свой самобытный вклад, который или обогащает или обедняет, то есть замедляет процесс демократических процессов. Алексис де Токвиль был убежден, что никакое демократическое общество не может выжить без философии и религии, то есть без своей, присущей ему идеи. Поскольку каждое, отдельно взятое общество, развивается на основе своих, присущих только ему верований, идей или идеологий, базирующихся на самобыт-

ных условиях развития, можно утверждать, что каждое государственное образование не может не основываться на собственной идее. Назовем ее: национальной идее.

Не будем заглядывать в далекое будущее. Возможно, когда-нибудь создадутся условия для образования *мирового правительства*, о котором мечтали федералисты в первые годы существования Организации Объединенных Наций. Нас больше заботит сегодняшний день. А сегодня мы видим повсюду, что крепкие государственные образования основываются на своей национальной, самобытной идее. Каждый из нас может представить, в чем состоит своеобразие Франции, французского духа, французского характера, стремление к обеспечению величия Франции. То же самое можно сказать о Великобритании, Соединенных Штатах Америки, Австрии, других государствах мира. Охарактеризовать, в чем состоит самобытность национальной идеи или национального духа того или иного государственного образования, не входит в задачу автора настоящих заметок. Для нас главное — сделать вывод, что стабильность того или иного государственного образования, а отсюда стабильность всеобщего мирового правопорядка во многом зависит от того, основано ли это образование на своей самобытной идее, удовлетворяющей духовным потребностям его граждан, или нет.

В условиях деспотизма и тоталитаризма можно на какой-то более или менее короткий, либо более или менее длительный период создать государственное образование, которое не считается с необходимостью учета национального духа и самобытности народов, входящих в такое образование. Так было с крупными конгломератами народов и империями древности, так было с империями Средневековья или Нового времени (например, со Священной Римской империей, Британской империей или Российской империей), так в последнее время было с такими имперскими образованиями, как Союз Советских Социалистических Республик или Социалистическая Федеративная Республика Югославия. Но история явила трагическое доказательство тому, что никакое государство не может выжить, говоря словами де Токвиля, «без своей философии, без своей религии, без своей идеи».

Перед уходом из МИД

Как я уже коротко упоминал, еще летом 1991 г. или даже раньше этого мне стало ясно, что пора выходить в отставку — ведь хоть вроде бы и медленно, но неумолимо приближалось мое 65-летие. Да и в МИД тоже это понимали, к тому же и с нашим кадровым начальством взаимопонимания у меня не было, а на мой пост появились претенденты. И министром тогда был Александр Бессмертных, с которым более или менее тесного контакта у меня тоже не было, да и не могло быть, поскольку я, скажу прямо, его не уважал. Его скоротечно назначил на этот пост М.С. Горбачев после ухода в отставку в конце 1990 г. Э.А. Шеварднадзе. Я давно подумывал о том, что пора покинуть дипломатическую службу, чтобы сосредоточиться на научно-преподавательской работе, благо, что я был и докт. ист. наук, и профессором. Мне дали знать (через заместителя министра В.Ф. Петровского), что подбирают мне замену, и я тут же сам написал заявление министру с просьбой об отставке. Однако из-за быстро следовавших событий — августовский путч 1991 г., чехарда с назначениями министров иностранных дел и т. д. — это мое заявление, повторно поданное в сентябре или октябре, никем, по-видимому, не рассматривалось.

К декабрю 1991 г. стало очевидно, что нужно ехать в Москву, чтобы на месте добиваться решения вопроса о моей отставке. К этому меня подталкивало и то, что у меня были предложения от американских университетов и фондов поработать на научно-преподавательской работе в США, и я всерьез рассматривал эти предложения.

И вот в декабре, как и в прошлые годы, я приехал в Москву в свой очередной отпуск и быстро получил согласие на выход в отставку. Шеварднадзе, недавно вновь вернувшийся на свой пост, собирался опять покидать МИД и дал добро на мой уход. Указ о моем выходе на пенсию был подписан Б.Н. Ельциным в марте 1992 г.

Перед отставкой я решил изложить тогдашнему российскому руководству некоторые свои предложения по внешнеполитическим вопросам. Они до сих пор хранятся в моем архиве. Привожу основные из них:

«Г. БУРБУЛИСУ, Е. ГАЙДАРУ, А. ШОХИНУ,
А. КОЗЫРЕВУ

В качестве уходящего в отставку постоянного представителя при международных организациях в Вене хотел бы довести до российского руководства свои соображения по некоторым вопросам, в том числе относящимся к деятельности венских международных организаций.

1. Образование Содружества независимых государств создает условия для ускорения решения вопроса о правопреемнике СССР в ООН и международных организациях, а также в качестве участника международных конвенций и договоров. Важно, в частности, юридически оформить статус Российской Федерации как постоянного члена Совета Безопасности ООН, ядерной державы и государства-депозитария Договора о нераспространении ядерного оружия. Вопрос не терпит отлагательства, поскольку уже разворачивается подготовка к конференции 1995 г. по продлению действия договора.
2. Задача предотвращения распространения ядерного оружия, обеспечения безопасности ядерной энергетики требует принятия российского закона об атомной энергии, а также соответствующих законов другими независимыми государствами, образовавшимися при распаде СССР, прежде всего Украиной, Беларусью, Казахстаном. Закон должен предусматривать, в частности, установление строгого контроля за экспортом ядерных материалов, оборудования и технологий. Необходимо, чтобы этот закон устанавливал принцип полноохватных гарантий при ядерном экспорте, то есть требование о том, чтобы поставки в любые неядерные государства осуществлялись только в случае принятия такими государствами контроля МАГАТЭ за всей ядерной деятельностью. Этот принцип применяется сейчас всеми ядерными поставщиками за исключением СССР и Китая. Мы, несмотря на протесты США, Англии, Франции и других стран, продолжаем сотрудничество в ядерной области с Индией, Кубой, КНДР, хотя эти страны продолжают уклоняться от постановки под контроль МАГАТЭ всей своей ядерной деятельности [...].

В связи с намерением Бликса усилить контрольную деятельность МАГАТЭ с учетом иракского опыта важно обеспечить сотрудничество наших разведывательных

служб с МАГАТЭ с целью выявления необъявленной ядерной деятельности в государствах — участниках договора о нераспространении. По словам Бликса, такую готовность уже обещали разведслужбы США и некоторых других государств [...].

Необходимо, наконец, срочно решить вопрос об установлении Россией, а также другими государствами, входящими в Содружество, строгого контроля за ядерным экспортом. Соответствующий орган следовало бы создать, очевидно, в Министерстве экономики с участием в его деятельности МВД РСФСР и других соответствующих российских организаций.

После выхода в отставку с 15 января 1992 г. намерен заняться преподавательской, научно-исследовательской и литературной деятельностью по вопросам разоружения и нераспространения ядерного оружия. Готов быть внештатным консультантом МИД РСФСР по этим вопросам».

Письмо датировано 13 декабря 1991 г. и было вручено лично Александру Шохину, тогда — вице-премьеру, уже на следующий день.

Пыль в глаза

А теперь небольшая, но примечательная зарисовка, характеризующая советские порядки и нравы тогдашнего времени. Описываемый случай вспомнился мне в октябре 2004 г., когда я проезжал на трамвае вблизи Покровских ворот.

После образования ООН в некоторых крупных столицах стали учреждать информационные центры ООН с целью популяризации ее деятельности и ознакомления общественности с решениями и документами новой организации. Такой информцентр был создан и в Москве примерно в 1948 г. и размещен в большой, в прошлом барской, квартире в Хохловском переулке у Покровских ворот.

Тогдашнее наше начальство, считавшее, что ООН находится под полным влиянием Соединенных Штатов, которые располагали в ней, как писала советская пропагандистская машина, «механическим большинством»

голосов (что в общем-то было недалеко от истины), не было заинтересовано в популяризации ООН. Собственно говоря, о существовании информцентра практически никто не знал и посетителей там почти что не было.

Но тут осенью 1949 г. нагрянула инспекционная миссия из Нью-Йорка, и нужно было создать видимость активности информцентра ООН. С этой целью в него были отражены молодые сотрудники МИД, в том числе и автор этих строк. Мы с показным интересом знакомились с имеющимися документами, задавали вопросы сотрудникам центра и, кажется, произвели на инспекторов неплохое впечатление. Это было одно из первых поручений, полученных мною в качестве неофита МИД.

Бесстрашный человек

Академик Роальд Сагдеев об Андрее Сахарове. Из дневниковой записи от 5 октября 1990 г., сделанной в Вене:

«Позавчера звонил Роальду Сагдееву домой (он живет в штате Мериленд). Он сказал, что, к сожалению, в середине ноября, когда я туда приеду, в Вашингтоне его не будет, потому что он с Сьюзен¹ в это время будет в Москве проводить конференцию, посвященную столетию Эйзенхауэра, на которую они собираются пригласить видных деятелей Советского Союза и США, так или иначе причастных к внешнеполитическим делам в период президентствования Айка. Договорились, что Роальд и Сьюзен постараются приехать к нам в Вену в этом или в будущем году.

Вспомнилось, как мы познакомились с Роальдом. Это было в Нью-Йорке, кажется, осенью 1986 г. Он приезжал на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы выступить в Первом комитете с критикой американских планов создания программы *звездных войн*. Мы провели с ним тогда несколько дней, и я увидел, что это — мужественный человек, имеющий свои убеждения и умеющий их отстаивать.

Мне было интересно знать его мнение о Сахарове, который тогда еще был в ссылке в Горьком. Сагдеев от-

¹ Внучка Дуайта Эйзенхауэра.

ветил: “Это — бесстрашный человек, который абсолютно ничего и никого не боится, и главное для него — правда”. Я спросил Сагдеева *для подначки*: “А может быть, все-таки ему стоило пойти на какие-то компромиссы, чтобы иметь возможность больше влиять на развитие событий в стране?”. “Нет, — твердо ответил Ролльд, — своим бесстрашием он влиял на события еще больше”».

Симфония симфоний

Многие годы я мечтал прослушать *живьем* (запись ее у меня имеется) Восьмую симфонию Густава Малера. Ее еще называют «симфонией тысячи участников». Она исполняется чрезвычайно редко, поскольку для этого требуется несколько сот участников: большой оркестр тройного или даже пятерного состава, орган, по крайней мере два хора, хор мальчиков, 8 солистов. Симфония была написана Малером в 1906 г. и впервые исполнена в Мюнхене в 1910 г. В России она исполнялась, кажется, всего пять или шесть раз (в том числе 19 декабря 2005 г. под руководством маэстро Владимира Федосеева).

На этот раз за ее исполнение взялся маэстро Валерий Гергиев с оркестром Мариинского театра, и я решил выехать на концерт в Санкт-Петербург, который состоялся 27 ноября 2004 г.

Часто эту симфонию называют *симфонией симфоний*. Сам Малер писал: «Я только что закончил мою Восьмую симфонию — величайшее из того, что я до сих пор создал. Сочинение настолько своеобразно по содержанию и по форме, что о нем невозможно рассказать в письме. Кажется, будто начинает звучать и звенеть вся вселенная; поют не только человеческие голоса, но и вращаются планеты и солнце [...]». Симфонию Малер посвятил своей жене Альме Марии. Он ей писал:

«Все преходящее — только символ, сравнение, которое, будучи выражено на языке наших земных явлений, лишь приблизительно, но там явится нечто, освобожденное от плоти земной приблизительности, и нам не нужны будут тогда ни иносказательные описания, ни сравнения, символы, там свершится то, что я здесь пытался описать, но чего описать нельзя. Что же это?»

Я могу ответить вам лишь символом: вечно женственное влечет нас — мы достигли его — мы покоимся — мы владеем тем, к чему на земле могли лишь тянуться, стремиться. Христос называет это вечным блаженством [...]».

Финал Восьмой — это стремление к вселенской гармонии. В заключение симфонии хор поет:

«Лишь символ — все бренное,
Что в мире сменяется;
Стремленье смиренное
Лишь здесь исполняется;
Чему нет названия,
Что вне описания, —
Как сущность конечная
Лишь здесь происходит.
И женственность вечная
Сюда нас возводит».

(«Фауст» Гёте. Пер. Н. Холодковского).

Где-то я читал, что Густав Малер обычно сочинял свои симфонии и другие произведения не у себя дома за инструментом, а бродя по своим любимым горам — Альпам, дома же он только записывал и оркестровал. Мне это очень понятно, потому что в молодости я исходил много горных троп в Швейцарских и Австрийских Альпах, а также и на Северном Кавказе и испытывал особенное ни с чем не сравнимое блаженство, когда добирался до перевалов или горных вершин. Малер страдал от сердечной болезни, но продолжал ходить в горы. Он умер 51 года от роду.

«Дальше всех пойдет»

Заведующие Отделом международных организаций МИД С.К. Царапкин и К.В. Новиков сумели создать большую и, скажу без ложной скромности, выдающуюся плеяду дипломатов — *разоруженцев* в Отделе международных организаций, которые начинали работать в комнате 1001 высотного здания МИД на Смоленской площади, потом распространились и на другие кабинеты 10 этажа, а затем и по всему миру. Всего их за два-три или больше десятилетия в разные годы было примерно

26—28 человек. Среди них — Ю.М. Воронцов, О.А. Гриневский, В.В. Шустов, Ю.К. Назаркин, С.А. Богомолов, В.В. Лозинский, И.И. Чепров, Г.С. Сташевский, В.В. Смолин, М.В. Антясов, В.В. Алдошин, И.М. Паленых, А.М. Вавилов, А.Н. Каширин и многие другие. Больше половины из них уже нет в живых.

Наиболее талантливым среди нас был (и остается) Юлий Михайлович Воронцов. Среди российских дипломатов всех времен вряд ли был хоть еще один, который служил послом в шести странах — и каких! Соединенные Штаты, Франция, Индия, Югославия, Афганистан (во время советского вторжения в страну), Ю.М. был и постоянным представителем при ООН в Нью-Йорке.

О нем в 2004 г. опубликована статья в журнале «Международная жизнь» работы Владимира Шустова, и я не буду ее пересказывать. Но, знакомясь с рукописью этой статьи, я вспомнил один случай, который произошел у меня на квартире примерно в 1965 г. У *разоруженцев* было принято совместно и по-семейному встречать «старый Новый год» — 13 января. На этот раз собрались у меня — человек 35—36. К концу вечера женщины под предводительством Фаины Воронцовой, ныне покойной, отправились на кухню покурить. Вся грязная посуда уже была вынесена на кухню и сложена в мойке. И вдруг там появляется Юлий, засучивает рукава рубашки и в присутствии женщин начинает сосредоточенно мыть посуду. Кто-то из женщин, кажется, моя жена Нина, в шутку говорит: «Ну, Юлий, ты дальше всех пойдешь, будешь самым выдающимся дипломатом». Сказано было в шутку, но так оно на деле и всерьез произошло.

Линии раскола

Как уже я писал, каждые пять лет проводятся Обзорные конференции для рассмотрения действия Договора о нераспространении ядерного оружия. Их цель — подытожить, что сделано за последнее пятилетие и в более ранний период времени в плане выполнения многообразных положений Договора, возлагающих обязательства как на ядерные, так и на неядерные государства, а

также выработать согласованные рекомендации на будущее по укреплению международного режима ядерного нераспространения. Очередная такая Обзорная конференция состоялась в мае 2005 г.

В прошлом — а таких конференций состоялось уже семь (в 1975, 1980, 1985, 1990, 1995 и 2000, 2005 гг.) — они проходили с большими трудностями и далеко не всегда завершались принятием согласованных решений, что, конечно, наносило ущерб нормальному функционированию ДНЯО и всего режима ядерного нераспространения. Как правило, главной проблемой, с которой неизменно сталкивались конференции, было невыполнение или недостаточно удовлетворительное выполнение, с точки зрения неядерных государств, статьи VI (о прекращении гонки ядерных вооружений и ядерном разоружении) ядерными державами, участницами Договора, — США, СССР / Россией, Великобританией, Францией и Китаем¹).

При этом основное требование неядерных стран в первую очередь состояло в том, чтобы был заключен договор о полном запрещении испытаний ядерного оружия. Их не удовлетворяло, что в 1963 г. был заключен Московский договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах — в атмосфере, в космосе и под водой, оставлявший вне запрета подземные испытания. Не вызывало у них никакого энтузиазма и то, что в 1974 г. был подписан Договор между США и СССР о *пороговом* ограничении подземных испытаний уровнем мощности в 150 кт, но подземные испытания ниже этого уровня продолжались.

Следует отметить, что из всех аспектов ядерного разоружения в ДНЯО специально выделен именно вопрос о запрещении ядерных испытаний — в преамбуле Договора говорится, что его государства-участники напоминают о «решимости, выраженной участниками Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г. в его преамбуле, стремиться достичь навсегда прекращения

¹ Последние две ядерные державы присоединились к ДНЯО в 1992 г.

всех испытательных взрывов ядерного оружия и продолжать переговоры с этой целью».

Четвертая Обзорная конференция по ДНЯО проходила в Женеве с 20 августа по 14 сентября 1990 г., и из-за глубоких противоречий между ядерными державами и подавляющим большинством неядерных государств по проблеме полного прекращения испытательных взрывов ядерного оружия завершилась без принятия заключительной декларации. На последнем заседании конференции 14 сентября ее председатель посол Перу Освальдо де Риверо объявил, что конференция, «несмотря на интенсивные консультации и значительные усилия, не смогла принять заключительную декларацию»¹.

О том, как проходили завершающие консультации по выработке решения конференции по вопросу о ядерных испытаниях, рассказывают мои дневниковые записи, сделанные по *горячим следам* через две недели по окончании конференции. На конференции я был заместителем главы советской делегации, а после отъезда из Женевы ее руководителя заместителя министра иностранных дел В.Ф. Петровского замещал его в качестве руководителя делегации.

«23 сентября 1990 г.

Решающим для IV Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия был завершающий день — 14 сентября.

К этому времени были полностью согласованы тексты Заключительной декларации Конференции по статьям III, IV, V, VII. Между делегациями США и Нигерии была согласована формулировка по *негативным* гарантиям безопасности неядерных стран, которая предусматривала возможность проведения в будущем международной конференции по этой проблеме. Между делегациями США и Египта при содействии советской делегации была также достигнута договоренность о формулировке по так называемым *позитивным* гарантиям безопасности неядерных стран, в которой предусматривается дальнейшее рассмотрение предложения Египта о выработке более конкретных обязательств

¹ Док. NPT/CONF.IV/45/1.

ядерных держав в случае нападения или угрозы нападения на неядерные государства с применением ядерного оружия, в дополнение к резолюции Совета Безопасности 255 (1968)».

Была, далее, достигнута принципиальная договоренность по тексту для Заключительной декларации в отношении статей I и II договора. Не было, правда, окончательного согласия по формулировке относительно Израиля и Южной Африки как стран, представляющих угрозу с точки зрения опасности распространения ядерного оружия¹. Однако имелось понимание, что в случае достижения договоренности относительно текста по статье VI оговорки по формуле в отношении Израиля и Южной Африки будут сняты.

Наконец, имелась также предварительная договоренность по статье X относительно проведения в 1995 г. единой конференции для рассмотрения действия договора и вопроса о его продлении, при этом имелось в виду, что такая конференция состоится в Нью-Йорке в марте — апреле 1995 г., подготовительная же работа к конференции 1995 г. началась бы либо в конце 1992, либо в начале 1993 г.

Итак, оставался несогласованным в сущности один раздел — по статье VI договора.

К середине дня 14 сентября в рабочей группе Первого главного комитета было закончено согласование формулировок по тем частям раздела, касающимся статьи VI, которые относились к вопросам ядерного разоружения, в том числе оценки соглашений в этой области, заключенных между СССР и США в период 1985—1990 гг. Вся эта работа проходила очень напряженно, но в целом конструктивно под председательством главы делегации Канады посла по разоружению Пегги Мейсон. Когда стало ясно, что этот раздел практически готов, состоялось короткое совещание основных делегаций и было решено собраться для заключительного приступа в помещении миссии Швеции под руководством председателя Редакционного комитета Конференции Карла-Магнуса Хилтениуса (Швеция). В эту группу вошли представители следующих стран:

¹ ЮАР отказалась от ядерного оружия и присоединилась к ДНЯО в качестве неядерного государства позднее — в июле 1991 г.

США — М. Хойнкес и позднее Б. Гордон; СССР — Р. Тимербаев и С. Бацанов; Великобритании — Т. Солсби и Р. Смит; Канады — П. Мейсон; Австралии — Д. Рис и Дж. Кортней; Новой Зеландии — Д. Маккай; Польши — Т. Струляк; Мексики — М. Марин-Бош; Ирана — д-р Солтание; Индонезии — Х. Вайараби; Перу — д-р Кальдерон; Венесуэлы — Г. Артеага; Югославии — М. Косин.

Председательствующему оказывал весьма эффективную и полезную помощь Стефан Нореен, советник шведской миссии при ООН в Нью-Йорке. Следует заметить, что незаметную, но существенную (в негативном плане) роль играл советник делегации США, не скрывавший, что он представляет Лос-Аламосскую лабораторию.

В центре внимания — проблема запрещения испытаний ядерного оружия. Представители неприсоединившихся стран во главе с Мексикой стремились увязать проблему запрещения ядерных испытаний и ее решение с возможностью продления Договора о нераспространении ядерного оружия в 1995 г. Мы, решительно поддерживая скорейшее решение проблемы запрещения испытаний, выступали, естественно, против каких-либо увязок. Эту нашу позицию поддерживали США, Англия, другие западные страны, Польша. Общими усилиями удалось внести расслоение в ряды неприсоединившихся стран, и представители таких государств, как Югославия, Индонезия, Венесуэла и другие, признали нецелесообразность включения в Заключительную декларацию формулировок, предусматривающих увязку этих проблем. Они согласились с идеей *конструктивного параллелизма*, которую мы продвигали на конференции. В этих условиях Мигелю Марин-Бошу не оставалось ничего иного, как молчаливо согласиться с исключением из текста увязочных формулировок.

28 сентября 1990 г.

Вначале было решено согласовать текст, относящийся к конференции по внесению поправок в Московский договор 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, которая должна состояться в Нью-Йорке в январе будущего года.

Представители неприсоединившихся стран во главе с Марин-Бошем добивались выработки текста, который предусматривал бы обязательство ядерных держав-депозитариев договора обеспечить положительный исход конференции, против чего, естественно, возражали делегаты США и Англии. После довольно длительной дискуссии удалось согласовать взаимоприемлемую формулировку, в которой содержится «настойчивый призыв ко всем участникам Договора 1963 г. продемонстрировать свою неизменную приверженность этому договору, оказав поддержку конференции и действуя на ней в духе конструктивизма и доброй воли в направлении достижения договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия».

Далее участники совещания в шведской миссии приступили к консультациям по основной части раздела — о задачах в области запрещения ядерных испытаний в предстоящем пятилетии и обязательствах в этом отношении держав-депозитариев. Марин-Бош и его друзья продолжали настаивать на включении таких формулировок, которые предусматривали — в той или иной степени — увязку решения вопроса о продлении договора о нераспространении с достижением договоренности по проблеме ядерных испытаний.

Советские представители находились в довольно сложном положении, потому что, с одной стороны, наша принципиальная позиция предусматривает необходимость достижения скорейшей договоренности по проблеме запрещения испытаний ядерного оружия, а с другой — какая-либо увязка решения этого вопроса с задачей нераспространения могла бы поставить под угрозу само существование договора. Поэтому наша тактика состояла в том, чтобы, не вступая в полемику между двумя противоборствующими сторонами, подводить их к важности выработки такой общеприемлемой формулировки, которая, не предусматривая увязки, в то же время содержала бы четкое указание на необходимость достижения решения данной проблемы.

Дискуссии в группе продолжались в течение нескольких часов, иногда они прерывались для проведения консультаций в более узком составе. В конце концов, на основании многочисленных бесед и консультаций председательствующий Хилтениус предложил текст, осно-

ванный на преобладавших мнениях и учитывающий пожелания, как он считал, всех сторон. Этот текст гласил:

«Конференция далее признает, что прекращение ядерных испытаний будет играть центральную роль в будущем Договора о нераспространении ядерного оружия. Конференция также подчеркивает существенное значение, которое будут иметь в течение ближайших пяти лет переговоры — как многосторонние, так и двусторонние — для заключения договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Конференция вновь призывает к скорейшим действиям в направлении этой цели на Конференции по разоружению в начале ее первой сессии 1991 г. Конференция настоятельно призывает к тому, чтобы специальному комитету по запрещению ядерных испытаний был дан соответствующий мандат для заключения договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия».

Большинство присутствующих, как было заметно, это предложение восприняло как открывающее путь к согласию. На совещании был объявлен перерыв, и все разошлись по соседним комнатам.

Мы с Бацановым также почувствовали, что в воздухе витает соглашение. Уединившись в одной из комнат и, отбросив наши традиционные суеверия, стали прикидывать, как мы будем наутро докладывать в Москву о результатах конференции и о достигнутом соглашении по тексту Заключительной декларации. Рано утром Сергей собирался уезжать в командировку, и мы посчитали полезным воспользоваться имевшимся у нас в распоряжении временем, покуда в других комнатах продолжались консультации, чтобы набросать план нашего отчета. Но на этот раз чувство реальности нам изменило.

Когда мы вернулись в общую комнату, то сразу почувствовали, что соглашение уплывает из-под ног. Выражения лиц у основных участников переговоров стали жесткими. Появился старший американский представитель Б. Гордон. Среди западных делегаций было заметно явное замешательство.

Когда через некоторое время все уселись за столом, то американская делегация заявила, что она настаивает на том, чтобы в дополнение к тексту, предложенному Хилтениусом, включить формулировку, которую они предлагали на конференции ранее, а именно:

«Конференция далее принимает к сведению совместное обязательство США и Советского Союза приступить к поэтапным переговорам о дальнейших промежуточных ограничениях на ядерные испытания, ведущих к конечной цели полного прекращения ядерных испытаний как части эффективного процесса разоружения».

Хотя эта формула была в прошлом результатом договоренности между СССР и США (на встрече на высшем уровне в Москве 29 мая — 2 июня 1988 г.), совершенно очевидно, что в данном контексте она фактически сводила на нет суть компромиссной формулировки, предложенной Хилтениусом, и поэтому не могла быть приемлемой для неприсоединившихся стран. Это сразу всем стало ясно, когда Марин-Бош отклонил предложение США о включении указанного добавления.

Очень скоро стало очевидно, что соглашения не будет. Около 11 часов вечера, то есть после семи часов непрерывной работы, председательствующий Хилтениус предложил прервать встречу, вернуться во Дворец наций и предпринять там, в присутствии всех делегаций, последнюю попытку достичь компромисса.

Я выразил с этим несогласие и предложил еще раз попытаться договориться здесь, в шведской миссии. Аргументировал тем, что в более узком кругу, среди тех, кто хорошо знаком с сутью возникших разногласий, было бы легче договориться, чем в присутствии всей конференции. Сослался на поздний час, на то, что до завершения конференции оставались считанные часы.

По существу главного противоречия между делегациями США и Мексики сказал следующее: «Предлагаемая США формулировка для включения в текст раздела о запрещении испытаний для Советского Союза, разумеется, приемлема, поскольку она отражает имеющуюся между двумя державами договоренность по ведению дальнейших поэтапных переговоров. Этот согласованный подход обеих стран является фактом, является частью истории, и включение или невключение его в текст Заключительной декларации не меняло бы дела. В любом случае договоренность существует, и обе стороны обязались ее выполнять. Поэтому, продолжал я, мы готовы к тому, чтобы иметь этот текст в Заключительной декларации, готовы и не настаивать на этом». Однако обе делегации — и американская, и мек-

сиканская — продолжали стоять на своем. Все согласились с моим предложением продолжить работу в шведской миссии еще в течение получаса.

Но последовавшая дискуссия, к сожалению, ничего нового не дала. США настаивали на своем тексте, считая, что он в какой-то степени перечеркивал бы приведенный выше вариант Хилтениуса. Мексиканцы же возражали против включения этого текста, считая, что он неприемлемым образом ослабляет текст председательствующего.

В 23.30 было решено прервать встречу и вернуться во Дворец наций. Там возобновились интенсивные консультации между различными делегациями. Собралась группа западных стран, на заседании которой, как стало известно, между западными странами возникли расхождения, так как наиболее *убежденные* натовцы поддержали США, а другие западные делегации призывали к компромиссу. Мы провели заседание восточноевропейской группы, на которой я вместе с польским послом Струляком рассказал о многочасовой встрече в шведской миссии, и на группе было решено совместными усилиями продолжать искать компромиссные решения.

Мои многочисленные беседы с руководителем американской делегации Б. Гордоном и его коллегами показали, что американская делегация не готова идти на уступки по вопросу о запрещении испытаний. Гордон связывался с Вашингтоном и получил твердое указание возражать против любых вариантов, которые возлагали на США какие-либо обязательства вести переговоры о полном запрещении ядерных испытаний. В ходе этих контактов я спросил Б. Гордона, не стоит ли мне позвонить в Вашингтон и переговорить по телефону с директором АКВР¹ Роном Леманом. Гордон просил меня этого не делать, тем более что Леман не имеет полномочий менять, как он выразился, принципиальную позицию США. Я уже подумывал о том, чтобы просить связать меня с самим госсекретарем Дж. Бейкером, но, поразмыслив, решил этого не делать, так как на проведение такого разговора у меня не было необходимых полномочий из Москвы.

¹ Агентство по контролю над вооружениями и разоружению. В настоящее время вошло в состав Госдепартамента США.

В последний момент США пытались найти решение, подобное тому, которое было принято на III конференции по рассмотрению действия договора о нераспространении в 1985 г., когда по тому же вопросу был достигнут компромисс, состоявший в том, что в заключительной декларации были зафиксированы позиции как сторонников, так и противников запрещения ядерных испытаний. Однако на этот раз мексиканцы и стоявшие за ними неприсоединившиеся страны начисто отказались идти на такой компромисс.

Поэтому предложение председателя конференции перуанца Освальда де Риверо, внесенное под занавес конференции, о том, чтобы зафиксировать разногласия между сторонами, принято не было из-за возражений Мексики.

Итак, конференция подошла к концу, не приняв заключительной декларации.

2 октября 1990 г.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что, на мой взгляд, особенно оглядываясь сегодня на события трехнедельной давности, должен констатировать, что все-таки была возможность достижения договоренности. То, что США не пошли на предложенный Хилтениусом текст, является, наверное, их серьезной ошибкой. Почему? Потому, что через пять лет, в 1995 г. им придется заплатить гораздо большую цену. Тогда неядерным странам формулировки типа той, что была предложена Хилтениусом, явно будет мало. Они будут требовать — и с достаточным основанием — не просто обязательства вести переговоры о заключении договора об испытаниях, они будут требовать конкретных решений.

Уверен, что в предстоящие годы со стороны общественности и Советского Союза, и Соединенных Штатов, и других государств будут высказываться все более настойчивые требования в пользу прекращения ядерных испытаний. Так что и общий климат будет создавать больше предпосылок и оснований для решительных требований о введении запрета на подземные ядерные взрывы.

То, что конференция завершилась без принятия заключительной декларации, на мой взгляд, никак не принижает значения договора, не снижает его эффективности. Конечно, ситуация в области нераспростра-

нения является непростой, особенно с учетом того, что так называемые *околядерные* страны все больше закостеневают в своей оппозиции режиму нераспространения. Прежде всего, это касается Индии, Пакистана, Израиля, а также Северной Кореи. Но сама по себе конференция довольно единодушно выступала за договор. И даже те, кто не допустил принятия компромиссного решения по запрещению ядерных испытаний, даже они проявили полную лояльность к договору.

Моя общая итоговая оценка работы IV Обзорной конференции 1990 г. сводилась к следующему:

«В конференции приняли участие 85 государств — членов договора, а также 15 наблюдателей от стран — неучастниц договора, в том числе впервые КНР и Франция, а также СССР и БССР.

Делегация СССР вела дело на конференции к выработке общеприемлемых решений, обеспечивающих необходимые условия для дальнейшего укрепления договора и сложившегося на его основе международного режима нераспространения ядерного оружия.

Депозитариум договора выступали на конференции с согласованных позиций, направленных на дальнейшую консолидацию договора.

Весьма конструктивно вели себя Франция и Китай, подтвердившие свою приверженность общим принципам нераспространения и готовность действовать в этой области как участники договора.

Дискуссия на конференции вылилась по сути в широкий обмен мнениями о дальнейших путях строительства безопасного мира, решения проблемы ядерного разоружения. Высвечены как новые точки соприкосновения, так и подчас глубокие концептуальные расхождения. Получила развитие тема глобализации и универсализации процесса разоружения, в частности, путем подключения других ядерных держав к советско-американским переговорным процессам.

В ходе конференции были найдены общеприемлемые формулировки по большинству сложных вопросов — таких, как гарантии безопасности неядерным странам; другие вопросы выполнения ст. VI; усиление контроля за нераспространением ядерного оружия, включая роль МАГАТЭ; оценка состояния дел о нерас-

пространении в различных регионах; проблематика мирного использования атомной энергии. По этим положениям на конференции были согласованы формулировки, в ряде случаев идущие значительно дальше положений конференции 1985 г. и создающие возможность на их основе существенно активизировать работу по дальнейшему укреплению режима нераспространения.

В том, что касается проблемы ядерных испытаний, Мексика и ряд других неприсоединившихся стран настойчиво проводили линию на то, чтобы вопрос о будущем договора в 1995 г. был жестко увязан с решением к этому времени данной проблемы. При этом ими недвусмысленно отвергался поэтапный подход, как неспособный, на их взгляд, привести к решению проблемы испытаний в ближайшем будущем. Американцы, столкнувшись с дилеммой — пойти на подвижки, пусть и общедекларативного характера, или рисковать оказаться в роли блокировщика заключительной декларации — получили в последний момент указание Вашингтона строго придерживаться официальной позиции по испытаниям и не идти ни на какие уступки, даже с учетом возможных негативных последствий отсутствия заключительного документа.

Жесткая линия США по проблеме испытаний явно диссонировала не только с позицией СССР, но и с их собственным в целом конструктивным подходом к обсуждению других аспектов осуществления договора. В позиции же Англии было видно стремление канализировать критику развивающимися странами хода реализации положений договора в области ядерного разоружения на СССР и США под предлогом их ведущей роли среди ядерных держав.

В этих условиях, последовательно проводя принципиальную линию в вопросе испытаний, делегация СССР прилагала усилия к тому, чтобы помочь найти такой общеприемлемый текст, который, с одной стороны, исключал бы увязочные формулировки, а с другой — давал бы ясный ориентир на необходимость активизации процесса переговоров по этой проблеме как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Эта линия, позволившая подойти почти вплотную к развязке, тем не менее в последний момент не привела к желае-

тому результату из-за непреодолимой полярности позиций двух сторон.

Вместе с тем итоги конференции, и об этом в своих выступлениях на заключительном заседании заявляли как делегация СССР, так и делегации многих других стран различных групп, следует признать в целом положительными.

Участники прошедшей конференции — даже те, кто сорвал консенсус по заключительной декларации — ясно подтвердили свою приверженность договору, заинтересованность в укреплении договора и режима нераспространения. Многие отмечали, что общий благоприятный политический контекст существенно содействует повышению значимости договора как стабилизирующего фактора в общей системе мер по укреплению международной безопасности и дальнейшему продвижению по пути ограничения вооружений и разоружения. Подчеркивалось также, что отсутствие заключительной декларации, хотя и является досадным фактом на общем фоне позитивных изменений в отношениях Восток—Запад, все же не следует расценивать как ущемление договора. Указывалось, что достигнутые на конференции договоренности по широкому кругу нераспространенческих проблем позволяют активизировать усилия, направленные на повышение эффективности договора.

Результаты конференции содержат позитивный элемент в том смысле, что они не могут не послужить отрезвляющим для США и в определенной степени мобилизирующим фактором. Ибо, если бы на фоне действительно существующих и усиливающихся противоречий по ядерным испытаниям, особенно в контексте общего движения СССР и США в сторону ограничения и сокращения ядерных вооружений, получился вполне обтекаемый и малосодержательный заключительный документ, то результатом этого явилось бы лишь состояние успокоенности в Вашингтоне, а это никак не отвечает реальным потребностям предстоящего пятилетия.

Итоги конференции ставят перед депозитариями и всеми сторонниками нераспространения задачу более решительных действий в предстоящем пятилетии по реализации положений договора, прежде всего относящихся к запрещению испытаний. В предстоящий до 1995 г. период необходима консолидация конструктив-

ных усилий всех сторонников договора. Что касается попыток увязывания проблемы нераспространения ядерного оружия с решением вопроса о полном и всеобщем запрещении испытаний, то каждая из этих проблем имеет большую самостоятельную значимость, и необходимо добиваться их решения на параллельных курсах совместными усилиями всех участников договора, а не делать заложниками друг друга.

Предстоит последовательная работа по более тесному подключению неучастников договора к международному режиму нераспространения ядерного оружия с конечной целью побудить их присоединиться к договору. Очевидна также целесообразность существенной активизации работы с Францией и Китаем, принимая во внимание эволюцию их отношения к договору».

Перечитывая свои дневниковые записи 1990 г., не могу не заметить: то, что тогда произошло, представляется мне вполне актуальным и сегодня. Состоявшаяся спустя пять лет в 1995 г. Конференция по рассмотрению действия и продлению ДНЯО была достаточно успешной, поскольку Договор был продлен бессрочно. И немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что тогда на Конференции по разоружению дело шло к завершению переговоров по заключению Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Этот договор был полностью выработан в 1996 г. и открыт для подписания в сентябре того же года. Он подписан 177 государствами и ратифицирован 138 странами, включая Россию, Великобританию и Францию. Но в силу он до сих пор не вступил. По его условиям для вступления Договора в силу требуется участие в нем 44-х государств, располагающих значительной ядерной деятельностью, которые перечислены поименно. Пока что только 34 государства из 44 ратифицировали Договор. Демократическая администрация Билла Клинтона подписала ДВЗЯИ, но Сенат США отказался ратифицировать его. Нынешняя американская республиканская администрация Дж. Буша не намеревается добиваться утверждения Договора Сенатом. Не ратифицировали Договор и Китай, а также Индия, Пакистан, Израиль.

Ветераны Обзорных конференций

В целом мне довелось участвовать в шести Обзорных конференциях по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. Поскольку с годами число участников всех конференций неизбежно естественно убывало, в 1990 г. было решено собраться тем из них, кто присутствовал на этой конференции, которая проходила в Женеве. Привожу мою дневниковую запись об этой встрече, которая была сделана 13 октября 1990 гг. в Вене:

«Еще одно воспоминание о Женевской конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия.

По инициативе Аренда Меербурга (Нидерланды), который работает сейчас в Женеве в качестве советника миссии своей страны на Конференции по разоружению, была организована встреча участников конференции, которые присутствовали на всех четырех таких конференциях — 1975, 1980, 1985 и 1990 гг. Было выявлено десять человек. Это:

- Дэвид Фишер (Великобритания), который присутствовал на конференции в качестве представителя ППНН (Программа содействия нераспространению ядерного оружия);
- Йозеф Гольдблат (Швейцария, в прошлом Польша) — также представитель ППНН;
- Маша Левинсон (США) — журналистка, живущая в Женеве;
- Илкка Мекипентти (Финляндия) — председатель Комитета Цангера;
- Аренд Меербург (Нидерланды);
- Мерль Опельц (США) — представитель МАГАТЭ в Женеве;
- Бен Сандерс (Нидерланды) — председатель ППНН;
- Самуэль Томпсон (США) — сотрудник Госдепартамента;
- Фриц Шмидт (Австрия) — сотрудник аппарата канцлера Австрии¹;
- Р.М. Тимербаев.

¹ Фриц Шмидт, который долгие годы был председателем Комитета Цангера, скончался в начале 2005 г.

По приглашению Меербурга вся эта группа собралась в ресторане “Лирик” в Женеве 30 августа. Не смогла прийти только Маша Левинсон.

Патриархом группы, безусловно, является Дэвид Фишер, который лет двадцать тому назад вышел на пенсию с поста директора Отдела внешних сношений Секретариата МАГАТЭ. Он чрезвычайно активен, много печатается, живет попеременно либо в Англии, либо в Греции, где имеет виллу на одном из островов Эгейского моря. Другим лидером является Бен Сандерс, основатель ППНН. Все они — убежденные энтузиасты нераспространения, и это нераспространенческое братство делает очень много для содействия укреплению режима нераспространения.

Вечер прошел в исключительно сердечной обстановке, все клялись в вечной верности нераспространению, выражая надежду — если Бог даст — принять участие и в следующей конференции 1995 г., если не в качестве активных его участников, то во всяком случае как представители неправительственных организаций».

Такие встречи *ветеранов ДНЯО* состоялись и в 1995, и 2000 г. на Обзорных конференциях по Договору, проходивших в Нью-Йорке, но число участников этих дружеских встреч, конечно, каждый раз уменьшалось. На седьмую Обзорную конференцию я не поехал, предполагая (как потом и подтвердилось), что она завершится практически полным провалом. Да и по возрасту мне уже тяжело выезжать на столь длительную конференцию, продолжающуюся четыре недели.

Кровавые катаклизмы

В апреле 1990 г. мне в руки попала книга Г.П. Федотова «И есть и будет. Размышления о России и революции». Привожу мою дневниковую запись о нем, которая, по-моему, может представить интерес и для сегодняшнего читателя.

«29 апреля 1990 г.

Георгий Петрович Федотов (1886—1951) — историк — специалист по Средним векам, церковный деятель, участвовал в екуменическом движении по сближе-

нию церквей, политический деятель. В 1932 г. в издательстве “Новый град” в Париже он опубликовал книгу “И есть, и будет. Размышления о России и революции”. В книге он пытается проанализировать причины, приведшие к революции 1917 г.

Федотов задается вопросом: в какой мере большевизм был судьбой России? Действительно ли для взвихренной революцией России 1917 г. не оставалось иного пути? Автор приходит к выводу, что обе революции 1917 г. — Февральская и Октябрьская — были неизбежностью. Но Федотов считает, что “в разгаре революции у национальной России был только один шанс: национально-революционная партия, — то есть именно та партия, которой не хватало (как и многих других) в политическом спектре”.

Далее Федотов продолжает: “Революционная, то есть ненавидящая старый режим, политический и социальный, национальная, то есть не связанная ни интернациональной, ни социалистической догмой, эта партия должна была бы сделать все разрушительное дело большевиков, не ставя себе их “творческих” задач. Быть опричной метлой, Атиллою, Божьим бичом грешной России, испепелить ее — и уйти, оставив зеленую траву расти свободно среди пожарищ. Этой воображаемой партии в первую голову пришлось бы вывести Россию из войны, какую угодно ценой; то есть ценой похабного — Брестского мира. Эта партия должна была бы санкционировать захват и передел земли, вместе с социальной пугачевщиной. После этого она могла бы организовать в новую армию революционную чернь и сохранить внешнее единство России приблизительно в границах нынешнего СССР. Эта часть октябрьских “завоеваний” вытекала действительно, неотвратимо из самой революционной ситуации. Революция в России 1917 г. могла быть только такой: социальной, глубокой, жестокой, до дна переворачивающей жизнь. Ее делал народ, сделал бы ее без всяких партий и политических вождей: однако без вождей и партий он не мог бы спасти единство России. Всякая партия, которая пошла бы по ветру народной стихии, могла вывести Россию за собой. В своей идеологии социал-революционеры были даже ближе к народу, чем большевики. Но, как я уже сказал, в России 1917 г. не было революционеров. Именующие себя революционными партии боялись крови, боялись стихии. Старая интеллигенция оказалась слишком чистой и мо-

рально сложной, чтобы делать революцию. У революции не было других “рабочников”, кроме большевиков. Народная Россия приняла их, но вместе с ними должна была принять и тяжкое приданое: расплату по счетам III Интернационала и крепостное право, именуемое “социализмом в одной стране”.

Увы, для России ни большевики, ни некая “национально-революционная партия”, о которой мечтал Федотов, — не выход из положения. Видимо, ее предназначение — одна революция за другой, один кровавый катаклизм приходит на смену другому. Преемственность, эволюционное развитие — это ей пока что не дано, и дано ли вообще? Об этом лучше всех сказал самый глубокий и далеко видящий российский мыслитель П.Я. Чаадаев еще почти 200 лет тому назад. И с тех пор практически вряд ли что-то изменилось».

Будущее Чехословакии

В течение многих лет, начиная с 1960 г., я дружил с чехом Томашем Лахойдой. Он немного старше меня по возрасту, работал на высоких должностях в МИД Чехословакии, одно время был помощником президента ЧССР. Познакомился я с ним на той почве, что Томаш тоже занимался вопросами разоружения, и мы с ним участвовали во многих переговорах по этой проблематике в Нью-Йорке, Женеве, Вене.

Его жена Яна работала в Институте международных отношений, но сравнительно рано умерла. Томаш с давних пор дружил с известной чешской актрисой, народной артисткой ЧССР Иржиной Петровицкой, а после смерти жены сошелся с ней браком — то ли гражданским, то ли официальным.

Я часто бывал у Томаша в Праге, а он навещал меня в Москве и Вене. Подружились и наши дети, и они тоже навещали друг друга. В начале 1990-х гг. я ездил к Томашу и Иржине с внучкой Алисой. Но вот уже несколько лет, как я утратил какие-либо контакты с ним. Писал ему, пытался дозвониться — бесполезно.

Разбирая свои архивы, я нашел запись о посещении Томашем и Иржиной Вены в 1989 г. Они прожили на вилле нашего представительства несколько дней, и мы часто гуляли по городу, особенно любили прогуливаться по Пратеру:

«17 сентября 1989 г.

Вот уже неделю у меня гостит Томаш Лахода с Иржиной.

О своем отце. По профессии — столяр, убежденный и активный социал-демократ. Родился в 1871 г., умер в 1951 г. До образования Чехословакии в течение двадцати или более лет жил в Вене, где и женился на чешке¹. Томаш один из восьми детей, последний. Родился, когда отцу уже было 54 года.

После образования Чехословакии в 1918 г. переселился в Прагу. Тогда при образовании самостоятельных государств на обломках Австро-Венгрии можно было выбирать гражданство, и он выбрал Чехословакию. Всю жизнь проработал столяром, последние времена — на авиационном заводе, где изготовлял деревянные части самолетов. В 1940 г. вышел на пенсию. Всю жизнь был убежденным социал-демократом, осуждал Клемента Готвальда за то, что тот в 1920 г. расколол социалистическое движение. Оно вновь объединилось под руководством КПЧ только после февральских событий 1948 г.

Рассуждения Томаша о судьбе Чехословакии. Сейчас, когда вся Восточная Европа стоит на пороге крупных, радикальных перемен, его все больше тревожит вопрос: куда идти Чехословакии? Чехия (Богемия) на протяжении веков была частью Австрии, а Словакия всегда входила в венгерскую часть Австро-Венгерской империи. В сущности Чехословакия — это довольно искусственное объединение, раздираемое своими внутренними национальными противоречиями. Чехов сейчас около 9 млн человек, и многие из них опасаются, что в случае объединения Германии немцы вновь будут претендовать на Судетскую область, которую уже отбирали после Мюнхена. Поляки, консолидировавшись, тоже могут предъявить претензии на Тешинскую область. Словаки, хоть такие же славяне, как и чехи, всегда были недовольны своей судьбой. Неслучайно при Гитлере они образовали самостоятельное государство. Сейчас их вместе с венграми порядка 4,5 млн. Венгров в

¹ Тогда Богемия (Чехия) входила в состав Австро-Венгерской империи.

Словакии насчитывается что-то около 400 тыс. Между словаками и венграми особой дружбы никогда не было.

Отношения между чехами и словаками всегда были достаточно напряженными, и послевоенные десятилетия и формально федеративное устройство страны национальную неприязнь не притупили. Во время *Пражской весны* 1968 г. движение за обновление возглавил словак Александр Дубчек. Но после подавления этого движения страну вновь возглавили словаки — Густав Гусак и группа партийных функционеров из числа словаков во главе с “серым кардиналом” Биляком.

Среди чехов существует недовольство тем, что расходная часть общего бюджета страны делится поровну между Чехией и Словакией, хотя соотношение населения между обеими частями федерации составляет 2 : 1.

В последнее время отношения между Чехословакией и Венгрией резко обострились из-за решения венгерских властей о прекращении строительства гидрокомплекса Габчиково—Надьмарош. В целом образовался острый клубок национальных разногласий, имеющих давние исторические корни. Но хотя Чехия веками входила в состав австрийской части Австро-Венгерской монархии, а Словакия — в ее венгерскую часть, федеративный союз чехов и словаков, считает Томаш, является исторически все же оправданным и жизненным. И главное тут — языковая общность, близость чешского и словацкого языков.

Быстрые перемены, происходящие в Восточной Европе, возможность изменений на географической карте Центральной и Восточной Европы заставляют задуматься о будущем Чехословакии. На протяжении веков, продолжал Томаш, между чехами, русскими и украинцами существовали тесные дружеские отношения, которые, пожалуй, ничем не омрачались. Около полутора столетий тому назад в Праге состоялся съезд славистов, на который приехала большая группа русских славянофилов. Этот съезд скрепил узы братства, которые зародились задолго до этого и которые сохраняются и по сей день. Ведь этого не скажешь, скажем, об отношениях между русскими и поляками. После Первой мировой войны буржуазная Чехословакия строила всю свою политику на союзе с Францией и Англией, но Мюнхен сурово покончил с этой иллюзией. В народе

сохранилась память о том, что Советский Союз тогда был готов протянуть руку дружбы. Навсегда запомнится и освобождение Чехословакии советскими войсками на заключительном этапе Второй мировой войны. Конечно, 1968 г. скоро забыт не будет.

Томаш считает, что без Советского Союза у Чехословакии будущего нет, даже если существование Варшавского договора окажется под вопросом, большинство чехов и словаков, безусловно, будет рассчитывать на двусторонний союзный договор с Советским Союзом в качестве гаранта своего будущего.

Восстанавливая в памяти наши контакты, мы сошлись на том, что познакомились еще в 1960 г. во время сессии Женевского комитета десяти по разоружению. Делегацию из Чехословакии тогда возглавлял Носек, в нее входили Трглик, Жемла и Томаш. Потом мы встретились в той же Женеве в 1967 г. и вместе работали в Комитете восемнадцати государств по разоружению в 1967, 1968 и 1969 гг. Затем судьба свела нас в Вене в начале 1973 г., когда мы оба участвовали в подготовительных консультациях к переговорам о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. В это время я дважды ездил в Прагу к Томашу — один раз погостить на пару дней, другой раз по печальному поводу — на похороны Нади Клайн¹. Затем Томаш уже в середине 1970-х гг. несколько раз приезжал в Москву в качестве заведующего архивным отделом МИД ЧССР для переговоров по изданию сборников советско-чехословацких документов. В конце 1970 — начале 1980 г. мне довелось пару раз быть в Праге, и в один из приездов Томаш показывал мне Градчаны, где он тогда работал в качестве помощника по международным вопросам президента республики Густава Гусака, а затем шефа протокола при президенте. Наконец, в 1988 г. я вновь побывал в Праге у Томаша».

¹ Жена еще одного чешского друга — Радека Клайна. Надя — русская, потомок А.С. Пушкина, ее девичья фамилия Ждан-Пушкина, окончила МГИМО. У Нади была какая-то серьезная болезнь, и неожиданно в одном из ресторанов Гринцинга в Вене у нее случился сильный припадок. Была вызвана машина скорой помощи, и мы с Томашем поехали вслед за нею на моей машине в больницу, где Надя умерла на наших глазах.

«Смерть в Венеции»

Рассказ о беседе в Вене с Элизабет Манн Боргези, младшей дочерью немецкого писателя Томаса Манна, состоявшейся 20 апреля 1989 г. в Вене. С Элизабет я познакомился по рекомендации моего доброго приятеля постоянного представителя Канады при международных организациях в Вене Майкла Шенстоуна. В то время Элизабет жила и работала в Канаде (г. Галифакс). Она — политолог, преподаватель Галифакского университета. Элизабет поведала мне историю создания известной новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции», по мотивам которой итальянский кинорежиссер Лукино Висконти поставил не менее известный кинофильм. Не будучи большим любителем, а тем более знатоком кино, я отношу эту кинокартину к числу одной из лучших. Впервые эту кинокартину я видел в городке Баден под Веной где-то в начале 1970-х гг., а потом не раз смотрел фильм в видеозаписи и по телевидению.

«20 апреля 1989 г.»

Моя собеседница рассказала, что ее отец до последних дней, а умер он в достаточно преклонном возрасте в 1955 г., часто вспоминал свою любимую новеллу «Смерть в Венеции». Новелла основана на автобиографическом материале. Хотя сюжетная канва в значительной мере является вымыслом, многие детали основаны на подлинных фактах. В частности, Томас Манн действительно бывал в Венеции, отдыхал на острове Лидо, любил бродить по улицам этого города.

Режиссер Висконти, поставивший одноименный фильм, у многих создал впечатление, что в новелле изображен Густав Малер. Но это не так, хотя Дирку Богарду были приданы внешние черты композитора, как он изображен на известных фотопортретах. Переживания писателя Ашенбаха — переживания самого Томаса Манна, стареющего писателя, гонящегося за призраком вечной красоты и любви как источника художественного вдохновения. Отец рассказывал, что, работая над новеллой, он мучительно переживал, что никак не может представить себе внешность героя. Как известно, новелла была написана в 1911 г. Именно в этом году

умер Густав Малер, и в газетах были опубликованы его портреты. Так вот, именно внешность Малера была взята отцом за основу для описания портрета писателя Ашенбаха. Как раз этой деталью и воспользовался впоследствии Висконти при создании фильма, а использование им музыки Малера еще более укрепило многих в мысли, что композитор и является прототипом главного персонажа новеллы и одноименного фильма.

(Впрочем, мне известна и другая версия. В том же 1911 г. Томас Манн познакомился в Мюнхене с великим композитором, присутствовал на исполнении Восьмой симфонии¹. Вскоре Малер умирает, и эта смерть подсказывает писателю идею рассказать в новелле о трагедии унижающей страсти, заворуженности смертью).

Еще один интересный исторический факт, который мало кому известен. Как вы помните, — продолжала Элизабет Манн Боргези, — в новелле рассказывается о красивом мальчике по имени Тадзио (сокращенное от Тадеуш), отпрыске богатой аристократической польской фамилии. Тадзио — хрупкий юноша, наделенный божественной красотой, в которого влюбляется Ашенбах. Отец не раз упоминает в новелле, что мальчику вряд ли суждена долгая жизнь. Но вот парадокс. Где-то уже в 1960-х гг., после смерти отца, к нам обратился один поляк, который утверждал, что Тадзио — это именно он. Когда он появился у нас, то перед нами предстал пожилой, плешивый, грузный и неопрятный господин, говоривший с заметным польским акцентом, который, по его словам, вместе со своим семейством был на острове Лидо в 1911 г., и, как рассказывала его мать, именно в том же пансионе отдыхал всемирно известный немецкий писатель Томас Манн».

Добрый пример

В период моего пребывания на посту постоянного представителя СССР / Российской Федерации при международных организациях в Вене (1988—1992 гг.) мне довелось вместе с представителями двух других де-

¹ Тут, делая эту запись, мною была допущена неточность. Первое исполнение Восьмой симфонии Густава Малера состоялось в Мюнхене 12 сентября 1910 г.

позитариев — США и Великобритании вести переговоры с делегацией ЮАР о присоединении ее страны к ДНЯО. Южноафриканскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Пик Бота, американскую — специальный посол по ядерному нераспространению Ричард (Дик) Кеннеди, английскую — ответственный работник *Форин Офиса* и постпред Великобритании при МАГАТЭ. При проведении переговоров, а состоялось несколько раундов, в том числе и ряд двусторонних встреч, мне помогали советники нашего представительства Александр Рогов и Андрей Зобов.

Как хорошо известно, ЮАР первоначально не подписала ДНЯО. Было известно также, что у нее были продвинутые ядерные программы и по плутонию, и по обогащению урана. При разработке последней не последнюю роль играли немецкие технологии, так называемый «сопловой метод» Беккера. В 1977 г. советские разведывательные спутники обнаружили в пустыне Калахари испытательный полигон, о чем были поставлены в известность Соединенные Штаты, которые тоже зафиксировали этот факт. Южноафриканцам американцы сделали представление, и они согласились не проводить ядерные испытания.

В 1979 г. американский разведывательный спутник зарегистрировал вспышку на границе между Южной Атлантикой и Индийским океаном, которая могла быть интерпретирована как ядерный взрыв. На место были направлены суда, но радиоактивность обнаружена не была. Входивший в американскую комиссию, расследовавшую этот инцидент, мой добрый знакомый Герберт Йорк дал мне понять, что к какому-либо определенному мнению комиссия так и не пришла. Большинство экспертов придерживаются мнения, что, скорее всего, вспышка была результатом неполадок в работе спутника, хотя среди специалистов имеются мнения, что это все-таки был ядерный взрыв, возможно, израильский.

После прихода к власти в ЮАР в сентябре 1989 г. президента Фредерика де Клерка было принято секретное решение о свертывании военной ядерной программы. Это стало известно позже, затем прояснилась и истинная причина этого шага: белые африканцы ожидали

победы на выборах черного большинства и не хотели оставлять в его руках ядерное оружие.

Венские переговоры депозитариев с делегацией во главе с Пиком Ботой имели целью уточнить всю процедуру присоединения к ДНЯО и заключения в положенные сроки соглашения о гарантиях с МАГАТЭ. В 1991 г. ЮАР вступила в ДНЯО, а затем подписала соглашение о гарантиях. Инспекторы Агентства придирчиво проверили наличие ВОУ и тем самым отсутствие оружия, благо, что южноафриканцы скрупулезно вели записи всей истории наработки ВОУ. Хотя у ЮАР было всего-навсего шесть ядерных боеприпасов пушечного типа (как и у Хиросимской бомбы), седьмой боеприпас только создавался, этот пример наглядно и убедительно доказывает возможность ядерного разоружения при надлежащем международном контроле со стороны МАГАТЭ¹.

Ядерная программа Южной Африки, ее создание и развитие, затем добровольное свертывание и демонтаж южноафриканского ядерного оружия и предоставление полной отчетности об имеющихся в стране ядерных материалах, что было единодушно подтверждено Международным агентством по атомной энергии, — явление поистине уникальное в истории ядерного распространения / нераспространения. Оно представляет собой не только чисто исторический, но и немаловажный практический интерес. Независимо от мотивов, которыми руководствовалось правительство белого меньшинства ЮАР, создавая атомное оружие, а потом принимая решение отказаться от него, этот прецедент наглядно и убедительно показывает, что ядерное разоружение — при надлежащей политической воле — является делом достижимым и практически осуществимым под надежным международным контролем.

В конце 1980-х гг. появился ряд внешних и внутренних факторов, которые, взятые в совокупности, вынудили правительство белого меньшинства ЮАР пере-

¹ Подробнее об этом см.: Тимербаев Р.М. Южная Африка: как создавалось ее ядерное оружие, как и почему она отказалась от него // Ядерный Контроль. 2005. № 2 (76). Том 11. Лето. С. 121—140.

смотреть свое отношение к ядерному оружию и, в конце концов, отказаться от дальнейшего развития военной атомной программы, демонтировать уже изготовленные ядерные боезаряды и присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства.

Важную роль в этом отношении сыграли ООН и МАГАТЭ, в которых африканские страны при поддержке подавляющего большинства других государств смогли организовать сильный нажим на правительство белого меньшинства, проводившее политику апартеида. Во второй половине 1980-х гг. давление на ЮАР со стороны международного сообщества заметно усилилось. В 1985 г. Совет Безопасности призвал государства-члены принять ряд принудительных мер в отношении ЮАР, в том числе ввести «запрет на любые новые контракты в ядерной области», а также на «любую продажу компьютерной техники, которая могла бы использоваться южноафриканской армией и полицией»¹. СССР голосовал за резолюцию, в то время как США и Великобритания воздержались.

23 октября 1986 г. Генеральная конференция МАГАТЭ по предложению африканских стран приняла резолюцию, в которой призвала Южную Африку положить конец политике и практике, противоречащим букве и духу Устава Агентства. На следующий год — 12 июня 1987 г. — Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию, в которой рекомендовал Генеральной конференции «приостановить для Южной Африки действие привилегий и прав члена в соответствии со статьей XIX. В Устава до тех пор, пока она не будет соблюдать соответствующие резолюции Генеральной конференции и вести себя в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций». Над ЮАР нависла угроза исключения из Агентства на сессии Генконференции, которая должна была состояться в сентябре 1987 г.

Это оказало определенное отрезвляющее воздействие на южноафриканское правительство белого меньшинства, и в создавшихся условиях президент ЮАР

¹ Резолюция СБ ООН 569 (1985).

П.У. Бота в заявлении от 21 сентября 1987 г., сделанном в день открытия сессии МАГАТЭ, объявил о готовности «приступить к переговорам с каждым из государств, обладающих ядерным оружием, относительно возможности подписания Договора о нераспространении. В то же время, — указывалось далее в заявлении, — Южно-Африканская Республика рассмотрит включение в эти переговоры вопроса о постановке под гарантии ее установок в соответствии с Договором о нераспространении. Характер этих переговоров будет зависеть от исхода тридцать первой сессии Генеральной конференции МАГАТЭ, которая будет проводиться в Вене с 21 сентября. Южная Африка надеется, что она вскоре будет в состоянии подписать Договор о нераспространении, и решила начать консультации с другими сторонами по этому вопросу. Любое соглашение о гарантиях, которое может быть впоследствии обсуждено с МАГАТЭ, естественно будет выдержано в этом направлении и в соответствии с соглашениями с другими сторонами, подписавшими Договор о нераспространении»¹.

Советский Союз, оставаясь на позициях принципиального осуждения режима апартеида и руководствуясь при этом стремлением к всемерному укреплению Агентства и расширению сферы действия его гарантий, особенно в отношении *околоядерных* государств, вел на сессии линию на то, чтобы использовать все возможности для обеспечения присоединения ЮАР к ДНЯО. Советские представители, поддержав упомянутую резолюцию Совета Управляющих МАГАТЭ, в то же время разъясняли, что Южная Африка в случае лишения ее прав и привилегий как члена МАГАТЭ будет представлять гораздо большую опасность в ядерном отношении, чем в ситуации, когда Агентство имеет возможность осуществлять контроль над частью ее ядерной деятельности. Исходя из этих соображений, советская дипломатия проводила тактику, направленную на то, чтобы избежать на сессии Генконференции голосования по вопросу о членстве Южной Африки в МАГАТЭ.

В итоге на сессии Агентства 1987 г. по предложению самих же африканских стран было решено перенести

¹ Док. GC(XXXI)/819.

вопрос об исключении ЮАР из состава членов МАГАТЭ на сессию Генконференции 1988 г. Однако в дальнейшем южноафриканское правительство всячески затягивало начало переговоров о присоединении к ДНЯО.

Только 12 августа 1988 г., накануне очередной сессии Генконференции, по инициативе южноафриканской стороны в Вене состоялась первая встреча представителей ЮАР и государств-депозитариев. Со стороны Южной Африки в ней участвовали министр иностранных дел Р.Ф. (Пик) Бота и министр технологий Д. Стейн, депозитарии были представлены: США — Р. Кеннеди, послом по особым поручениям, отвечающим за вопросы ядерного нераспространения, Великобритания — Дж. Гулденом, заместителем постоянного секретаря Министерства иностранных дел, и СССР — Р.М. Тимербаевым. Перед встречей с делегацией ЮАР состоялась подготовительная беседа между представителями депозитариев, в ходе которой было условлено настаивать на незамедлительном присоединении Южной Африки к ДНЯО и на постановке всей ее ядерной деятельности под гарантии МАГАТЭ. Хотя вопрос о возможности наличия у ЮАР ядерного потенциала напрямую никем не затрагивался, все участники тройственной встречи, как с очевидностью вытекало из отдельных их высказываний, исходили из того, что таким потенциалом южноафриканцы уже располагают. Исходя из необходимости исключить какую-либо возможность сохранения способности производства ядерного оружия, нами подчеркивалось исключительно важное значение установления надлежащих гарантий МАГАТЭ за *всей* ядерной деятельностью ЮАР и за *всеми* ее ядерными материалами и установками.

Встреча 12 августа, впрочем, носила в основном предварительный, ознакомительный характер, представители депозитариев подробно разъяснили содержание договора и ответили на уточняющие вопросы, главным образом касающиеся положений ст. III (гарантии) и IV (мирное использование атомной энергии). Каких-либо заявлений и обещаний о конкретных сроках подписания ДНЯО южноафриканцы не сделали, хотя со стороны депозитариев такой вопрос, естественно, поднимался, и притом в весьма решительной форме. В совместном со-

общении для прессы представителей депозитариев было объявлено, что в ходе встречи было проведено неофициальное обсуждение вопроса о присоединении ЮАР к ДНЯО, при этом было подчеркнуто, что депозитарии настойчиво призвали Южную Африку «в самое ближайшее время» вступить в договор.

Состоялись также двусторонние встречи между делегацией ЮАР и представителями государств-депозитариев, в том числе с советским представителем. На встрече с Пиком Бота, которая проходила в гостинице, где остановилась южноафриканская делегация, нами было недвусмысленно подчеркнуто, что вступление ЮАР в Договор о нераспространении не может и не должно оговариваться какими-либо условиями. Было также заявлено, что если ЮАР присоединится к договору, то СССР не будет возражать против утверждения полномочий делегации ЮАР на Генеральной конференции. Если же ЮАР не выполнит данного ею обещания о вступлении в договор, то Советский Союз будет вынужден самым серьезным образом взвесить свой курс действий при рассмотрении на Генконференции вопроса о правах и привилегиях ЮАР, т. е. о ее членстве в Агентстве.

20 сентября 1988 г. постоянные представители государств-депозитариев при Агентстве направили председателю Генеральной конференции письмо, которое препровождало Заявление депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия. В Заявлении сообщалось о состоявшейся встрече представителей СССР, США и Великобритании с делегацией ЮАР по вопросу о целесообразности вступления ЮАР в ДНЯО, а также подтверждалась единая позиция депозитариев в этом вопросе. В Заявлении говорилось, что «они занимают твердую и последовательную позицию в отношении того, что Южной Африке следует присоединиться к Договору о нераспространении как можно скорее. Мы понимаем, — указывалось далее, — что правительство Южно-Африканской Республики продолжает рассматривать вопрос о присоединении Южной Африки к Договору о нераспространении. Правительства-депозитарии намерены и далее оказывать воздействие на Южную

Африку, чтобы она присоединилась к Договору о нераспространении».

С учетом этого сообщения на сессии Генеральной конференции 1988 г. между делегациями различных групп государств была достигнута договоренность пока не поднимать вопроса о лишении ЮАР прав и привилегий как члена МАГАТЭ.

Немаловажное значение для движения Южной Африки в направлении присоединения ее к ДНЯО имели внешние события, происходившие в этом регионе. 1 августа 1988 г. было достигнуто соглашение о прекращении огня на северной границе Намибии, за чем последовало подписание 22 декабря 1988 г. трехстороннего соглашения между ЮАР, Анголой и Кубой о поэтапном выводе кубинских войск из Анголы, численность которых к тому времени достигла 50 000 чел. Южноафриканские войска были постепенно выведены из Намибии. 1 апреля 1989 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, которая открыла зеленый свет предоставлению Намибии независимости. Руководство ЮАР также договорилось с лидерами Мозамбика о нормализации межгосударственных отношений.

И что стало одним из решающих факторов в обеспечении разрядки ситуации на юге Африки, — в сентябре 1989 г. к власти пришел новый президент — Ф. У. де Клерк, приступивший к реализации широких внутренних реформ, которые привели к существенной демократизации страны и к прекращению политики апартеида по отношению к черному населению Южной Африки. В феврале 1990 г. де Клерк легализовал Африканский национальный конгресс (АНК) и другие партии, выступавшие против апартеида, и освободил из многолетнего заключения лидера АНК Нельсона Манделу.

В этих условиях, как признают сами южноафриканцы, «стало ясно, что ядерное сдерживающее средство Южной Африки является излишним и что оно могло бы на деле стать обременительным»¹. Белые южноафриканцы, как было очевидно, стали сознавать, что не в их ин-

¹ Waldo Stumpf, Chief Executive Officer, Atomic Energy Corporation of South Africa Ltd. Proliferation: A Cost/Benefit Analysis (Paper presented at a conference in New Delhi, 8—9 November 1993). P. 14.

тересах оставлять ядерное оружие черному большинству страны, которое неизбежно должно будет победить на общенациональных выборах.

Вскоре после прихода к власти президент де Клерк поручил подготовить предложения о порядке демонтажа ядерных боезарядов и вступления в ДНЯО. В ноябре 1989 г. они были приняты руководством страны, при этом было решено, что о наличии у ЮАР ядерного сдерживающего средства будет объявлено только после окончания демонтажа ядерных устройств и предприятия *У-Plant* по обогащению урана и присоединения к Договору о нераспространении. Окончательное распоряжение о завершении ядерной программы было подписано де Клерком немного позднее — 26 февраля 1990 г.

В сентябре 1989 г., накануне открытия очередной сессии Генконференции Агентства, постпред ЮАР при МАГАТЭ Сесиль Шмидт информировала представителей государств-депозитариев о готовности южноафриканской стороны возобновить переговоры о присоединении к ДНЯО, о чем депозитариями было доведено до сведения государств-членов Агентства. Такие переговоры состоялись 11—12 декабря в Вене. Руководителем делегации ЮАР был министр иностранных дел Р.Ф. (Пик) Бота, в нее входили министр энергетики и минеральных ресурсов Дж. Де Вильерс и другие лица. Американскую делегацию возглавлял Р. Кеннеди, британскую — Дж. Гулден, советскую — автор этих строк. Кроме того состоялись двусторонние встречи, в том числе между делегациями ЮАР и Советского Союза.

В тот период, исходя из Декларации ООН по апартеиду, принятой в 1989 г., мы воздерживались от официальных контактов с представителями ЮАР. Однако в данном случае советская сторона, как государство-депозитарий ДНЯО, в качестве жеста доброй воли пригласила делегацию ЮАР посетить для беседы представительство СССР при международных организациях в Вене, что было с большим удовлетворением воспринято южноафриканской делегацией. В ответ на пожелание южноафриканского министра иностранных дел Пика Боты я пригласил всю их делегацию в советское представительство, несмотря на то, что у нас с Южной Африкой не было никаких официальных отношений. Информиро-

вал я Москву об этом *постфактум*, никаких замечаний не последовало, значит, мои действия были одобрены. У меня сохранилось весьма теплое письмо южноафриканского министра с благодарностью за посещение нашего представительства. Это был первый визит министра в официальное советское диппредставительство.

Советская делегация в своих заявлениях на этих встречах настойчиво подчеркивала необходимость ускорения процесса присоединения Южной Африки к ДНЯО. Высказываясь в этом плане, мы тем не менее отдавали себе отчет в том, что присоединение этой страны к договору не может не потребовать большой подготовительной работы по свертыванию атомного потенциала. С учетом заявленной заинтересованности Южной Африки в развитии международного сотрудничества в мирном использовании атомной энергии в соответствии с положениями ст. IV договора, нами было разъяснено, что положения этой статьи могут быть реализованы, но, естественно, только после того, как новый участник договора выполнит все его положения. Вступая в договор, государство обязуется заключить с МАГАТЭ соглашение о гарантиях по ст. III.1, и это соглашение согласно ст. III.4 должно вступить в силу не позднее 18 месяцев со дня присоединения к договору. Нами была выражена надежда и даже подчеркнута уверенность в том, что данная встреча представителей депозитариев и ЮАР окажется последней встречей по данной проблеме и за ней последует решение о присоединении ЮАР к договору без всяких условий.

Британский представитель Дж. Гулден заявил, что в случае вступления в ДНЯО Южная Африка может получить доступ к ядерным технологиям, принять участие в работе IV Конференции по рассмотрению действия договора (которая должна состояться в августе—сентябре 1990 г.) и в деятельности МАГАТЭ, а также избежать санкций. Если ЮАР присоединится к договору, то Великобритания предпримет шаги по снятию существующих ограничений на двустороннее сотрудничество.

Пик Бота довольно резко отреагировал на выступление британского представителя, заявив, что «навязывание ЮАР вступления в договор путем ссылок на возможность получения за это определенных условий сотрудничества является проявлением неуважения к су-

веренитету Южной Африки». В то же время южноафриканский министр подтвердил готовность ЮАР самым серьезным образом рассмотреть в 1990 г. вопрос о присоединении к ДНЯО и в начале наступающего года сообщить депозитариям более определенную информацию по этому вопросу. В том, что касается практических шагов по подготовке к вступлению в договор, то Бота сказал, что «будет рекомендовать принять решение о постепенном демонтаже опытно-промышленной установки по обогащению, на которой может производиться уран с обогащением 45% для реактора *Safari-1*, а также возобновить переговоры с МАГАТЭ о постановке под гарантии обогатительного завода в Валиндабе».

(Пик Бота, конечно, лукавил, не договаривая о самом существенном. Как позже стало известно из официальных южноафриканских источников, под так называемой *опытно-промышленной* обогатительной установкой имелся в виду завод *Y-Plant*, который производил не только 45% уран для реактора *Safari*, а главным образом оружейный уран для ядерного оружия. И принципиальное решение о демонтаже завода, как указывалось выше, к моменту встречи министра с представителями депозитариев в декабре 1989 г. южноафриканским правительством уже было принято).

Завод *Y-Plant* практически был остановлен 1 февраля 1990 г., о чем депозитарии были официально информированы 14 марта, однако процесс его демонтажа завершен только в середине 1991 г. В начале сентября этого года последняя партия ВОУ была передана Корпорации по атомной энергии для переработки в менее обогащенный уран. Одновременно проходил процесс демонтажа ядерных взрывных устройств, начавшийся в июле 1990 г. и завершившийся в середине 1991 г. Цифра количества ВОУ, извлеченного из оружия при его демонтаже, по правилам системы гарантий МАГАТЭ является конфиденциальной (*safeguards confidential*). По оценке американского специалиста Дэвида Олбрайта, оно составляло порядка 400 кг, причем около 85% делящегося материала было более чем 90% обогащения по U-235¹.

¹ Albright David. South Africa's Secret Nuclear Weapons. Institute for Science and International Security // ISIS Report. 1994. May. P. 18.

14 марта 1990 г. южноафриканское правительство через своего постпреда при МАГАТЭ Сесиль Шмидт сообщило депозитариям, что «оно дает твердое заверение о своем присоединении к договору, если и другие четыре южноафриканских государства (Ангола, Замбия, Мозамбик и Намибия) примут на себя такое же обязательство». Однако «независимо от того, подпишут ли ДНЯО эти четыре государства, Южная Африка будет готова к августу 1991 г. открыть для международной инспекции все свои ядерные установки, включая выведенный из эксплуатации опытный завод, даже если к этому времени она, может быть, и не присоединится к договору». Южноафриканцы информировали также о том, что они вступили в соответствующие контакты с четырьмя государствами, и просили государства-депозитарии оказать им содействие в том, чтобы убедить правительства этих государств (иногда их называли *прифронтовыми*) присоединиться к ДНЯО.

Депозитарии откликнулись на эту просьбу, исходя из важности присоединения к ДНЯО в первую очередь Южной Африки, а также в интересах максимально широкой универсализации ДНЯО и всего международного режима ядерного нераспространения. Проведенная с *прифронтовыми* государствами разъяснительная работа, в которой активное участие приняла и советская дипломатия, принесла свои плоды: страны юга Африки присоединились к договору примерно в одно и то же время: ЮАР — 10 июля 1991 г., Мозамбик — 4 сентября 1990 г., Замбия — 15 мая 1991 г., Намибия — 2 октября 1992 г. и только Ангола несколько позднее — 14 октября 1996 г.

Соглашение о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ было подписано Южной Африкой 16 сентября 1991 г. и сразу же было введено в действие. 30 октября ЮАР представила свой первоначальный отчет, содержащий инвентарный список ядерных материалов и установок, подлежащих гарантиям. Первая группа инспекторов Агентства прибыла на место уже в ноябре 1991 г.

После этого в течение почти двух лет проходила небывалая по сложности работа инспекторов МАГАТЭ по установлению *полноты* и *точности* информации, представленной Южной Африкой, как это требуется соглашением о гарантиях. В итоге Совет управляющих и Ге-

неральная конференция МАГАТЭ в сентябре 1993 г. вынесли положительный вердикт о завершении работы по проверке демонтажа ядерной оружейной программы Южной Африки. Генеральный директор Агентства Ханс Бликс констатировал, что «инспекторы МАГАТЭ получили возможность посетить все объекты, которые они хотели проинспектировать — как объявленные, так и необъявленные, как военные, так и гражданские — и они не нашли никаких свидетельств того, что представленный инвентарный список был неполным». Агентство продолжило осуществление гарантий всей ядерной деятельности ЮАР, включая и ВОУ, переданный на цели мирного использования.

Ядерная эпопея Южной Африки, продолжавшаяся около двух десятков лет, ушла в историю, но этапы ее возникновения, становления и завершения полезно и поучительно помнить и иметь в виду на будущее. Хотя эта эпопея проходила в специфических условиях — она была начата правительством белого меньшинства страны под воздействием быстро развивавшегося и охватившего весь африканский континент процесса деколонизации, а затем свернута в результате коренных перемен в стране, прекращения политики апартеида, нормализации отношений с соседними государствами и явного стремления уходящего с политической арены правительства не оставлять ядерного оружия приходящему к власти правительству Африканского национального конгресса, — ее уроки имеют непреходящее значение.

Эти уроки, во-первых, показывают, что ядерная программа может быть успешно разработана и эффективно осуществлена почти в полной тайне от международного сообщества и даже в условиях, когда определенная часть ядерной деятельности в стране, в частности построенная при содействии Франции АЭС в Кёберге около Кейптауна, находится под международным контролем.

Во-вторых, при надлежащем научно-промышленном уровне того или иного государства ядерное оружие по существу может быть создано собственными силами данного государства при сравнительно ограниченном использовании иностранного опыта, материалов и технологий.

В-третьих, — и это, безусловно, имеет исключительно важное значение — пример ЮАР, при всей специфичности данного конкретного случая создания ядерного арсенала и последующего отказа от него, свидетельствует о практической возможности осуществления ядерного разоружения при надлежащем международном контроле. Этот пример порождает уверенность в том, что, несмотря на те трудности, с которыми сталкивается международный режим ядерного нераспространения, возможности его поддержания и укрепления далеко не исчерпаны, у этого режима есть перспективы, есть будущее. Это, в свою очередь, позволяет надеяться на то, что могут быть обеспечены условия для безопасного развития дальнейшего применения атомной энергии в мирных целях.

В-четвертых, система гарантий МАГАТЭ при добросовестном отношении к инспекционной деятельности со стороны проверяемого государства и готовности этого государства к полной открытости своей ядерной деятельности может быть эффективно использована для контроля за мерами ядерного разоружения.

В-пятых, на протяжении всей ядерной эпопеи Южной Африки огромное значение для обеспечения процесса денуклеаризации этой страны имели солидарные действия Соединенных Штатов, Советского Союза и Великобритании, как государств-депозитариев ДНЯО. Это — важный фактор и пример для будущего.

За время переговоров с делегацией Южной Африки у меня и моей жены установились исключительно теплые личные отношения с южноафриканскими представителями, и особенно с послом в Австрии и представителем при международных организациях в Вене Сесиль Шмидт. Мы часто навещали друг друга, Сесиль познакомила меня со своим братом, крупным плантатором, который выращивал цитрусовые для поставки в европейские государства. Мы, естественно, обсуждали самый широкий круг международных и внутренних вопросов в обеих странах. Зная о моих политических взглядах, во время августовского путча 1991 г. Сесиль позвонила мне и сказала, что в случае победы путчистов она смогла бы обеспечить мне и моей семье политическое убежище в ЮАР, а ее брат — на некоторое время

предоставить мне и жене приют на своей плантации. Это было немного наивно, но весьма трогательно со стороны Сесиль и ее брата. В 1993 или 1994 г. Сесиль уже после выхода в отставку приезжала в Москву, и моя жена принимала ее (в это время я был в Монтерее, шт. Калифорния, где тогда работал приглашенным профессором Монтерейского института международных исследований).

Органная музыка

В первой половине 1973 г. (с 31 января по 28 июня) в Вене состоялись подготовительные консультации стран НАТО и Варшавского договора о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Большого успеха в ходе этих необычно длительных предварительных консультаций достичь не удалось, но все же участники договорились, что состоятся переговоры по существу проблемы и на них будет рассмотрен вопрос о взаимном сокращении вооруженных сил в Центральной Европе. Основным камнем преткновения на консультациях, а потом и на переговорах был вопрос о том, включать ли Венгрию в район Центральной Европы или нет, т. е. будут ли подлежать сокращению войска Варшавского договора в Венгрии или не будут. Мы, естественно, не хотели этого, стремясь сохранить в этой стране наши военные базы и другие военные инфраструктуры, а западные страны на том настаивали. Сами переговоры начались в конце того же 1973 г. и продолжались много лет, но в них я уже не участвовал. Вопрос же о пребывании наших войск в Венгрии решился сам по себе с распадом Варшавского договора.

Нашу делегацию на консультациях возглавлял О.Н. Хлестов, в делегацию входили Ю.А. Квицинский, Р.М. Тимербаев, полковник П. Капитонов и др. Первое время я жил вместе со всей делегацией в гостинице «Интерконтиненталь», а позже снял квартирку в центре Вены недалеко от главной улицы города — Кертнерштрассе. По субботам и, особенно, по воскресным дням ходил в католические соборы слушать органную музыку, часто бывал и на службах и через некоторое время стал

интересоваться католической религией и христианской религией вообще.

Видимо, именно тогда у меня спонтанно появилось религиозное чувство, но нельзя исключать и того, что оно было заложено во мне с раннего детства. Мои наиболее запомнившиеся воспоминания с двух-трех и четырехлетнего возраста связаны с церковью, потому что мои няньки были очень верующими и беспрестанно водили меня в Скорбященскую церковь на Большой Ордынке, благо, что она была почти напротив дома, в котором я родился и жил до пяти лет. Но православное крещение я принял позже.

Экуменическое богослужение

Раз уж я заговорил о религии, то нельзя не рассказать о том, что несколько раз я принимал участие в богослужениях по случаю открытия ежегодных сессий Генеральной конференции Международного агентства по атомной энергии. Традиция проводить экуменические богослужения на официальных языках организации (кажется, кроме китайского, если мне только не изменяет память) имеет давнюю традицию, установленную постоянным представительством Ватикана при МАГАТЭ чуть ли не с самого начала существования Агентства. Проводится богослужение, как правило, в главном католическом соборе Вены — Соборе Святого Стефана, но иногда и в другом храме — Соборе Святого Карла.

Советские делегации обычно эти службы посещали, но в самом богослужении, то есть в выступлении с амвоны на русском языке, никогда не участвовали. И русскую часть богослужения проводил кто-нибудь из русскоговорящих сотрудников секретариата Агентства, не являющихся советским гражданином или гражданкой. Году этак в 1989 или 1990, когда я был постпредом при МАГАТЭ, ко мне в весьма деликатной форме обратился представитель Ватикана с предложением подняться на кафедру и прочитать на русском языке, как часть службы, небольшой текст. Немного подумав, я согласился и выполнил эту просьбу.

С тех пор я это делал несколько раз, в том числе и после выхода в отставку. Так, например, в 1999 г. мною

к присутствующим были обращены такие слова: «За подлинное сотрудничество в борьбе против голода и нищеты, нетерпимости и войн, дабы мир и взаимопонимание воцарились между народами и каждый человек мог иметь достойную и безопасную жизнь».

Добрая фея

Пора вспомнить добрую фею нашей семьи — Хелен Мюллер (*Helen Muller*). Познакомились мы с ней в Нью-Йорке в 1986 г. при обстоятельствах, которые стерлись из памяти. Но это было в связи с ее благотворительной и правозащитной деятельностью. Хелен опекала множество молодых и не очень молодых людей разных национальностей — молодую украинскую женщину-социолога, швейцарского фотографа, вьетнамских студентов и т. д. Она часто ездила во Вьетнам с целью оказания помощи стране и ее людям после жестокой войны, которую США вели против этой несчастной страны. Хелен была весьма состоятельной женщиной, имела собственную фирму, кажется, в Хартфорде, шт. Коннектикут, а ее муж Андре был одним из директоров швейцарской, скорее транснациональной, компании «Нестле» и большую часть времени проводил в Лозанне, где находится штаб-квартира этой фирмы.

Вскоре между нами и Хелен установились самые дружеские отношения, которые продолжались годами, вплоть до ее смерти от тяжелой болезни в начале 1994 г. Хелен гостила у нас в Вене, а в свои частые приезды в Нью-Йорк, где она проводила большую часть времени, я неизменно посещал ее в ее пентхаусе на *Lexington Ave* и 56-й или 57-й улице.

Как мне виделось — и я в этом уверен, — Хелен отличалась от типичных американцев тем, что она не была заиклена на превосходстве Америки над всем остальным миром. Видимо, это объясняется тем, что она прожила много лет за границей, следуя за своим мужем-швейцарцем Андре, который одно время возглавлял отделения «Нестле» в Аргентине и других странах. Она была гражданином мира, у нее были друзья во многих странах, и именно ее интернациональная жилка в сочетании с добротой и неизменной приветливостью притя-

гивала к ней множество людей. Она умела сводить людей разных возрастов и разных национальностей, и я познакомился со многими ее друзьями и подопечными. Но, увы, после смерти Хелен с этими славными людьми я утратил какие-либо контакты, хотя в свое время переписывался. С Хелен можно было откровенно поговорить по любому вопросу, посоветоваться, и она делала то же самое. Она была для меня как родная сестра. Царствие ей Небесное.

Комплекс неполноценности?

По-моему, одна из наших главных бед — комплекс неполноценности, который преследует нас, наверное, с самого начала существования древней Руси. Мы всегда считали и считаем себя чем-то обделенными по сравнению с Европой и Америкой и остро и болезненно ощущаем, что находимся как бы на окраине цивилизации. Именно поэтому в тех некоторых сферах жизни, где мы чего-то действительно добились, мы гипертрофически подчеркиваем свое *превосходство*, трубя на все лады, что мы впереди планеты всей (балет, первый человек в космосе и т. д. и т. п.). Сложился этот комплекс благодаря некоторым весьма существенным и определяющим историческим и географическим обстоятельствам.

Петр Яковлевич Чаадаев писал: «Есть один факт, который властно господствует над нашим многовековым историческим движением, который проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет ее характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это — факт географический»¹.

Согласно современным представлениям историков, основанным на изучении летописных и иных источников, древнейшие предки праславян вышли из единой индоевропейской общности. Вместе с другими носите-

¹ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. Полн. собр. сочинений. М.: Изд-во «Наука», 1919. Том. I. С. 538.

лями индоевропейского языка они жили в V—VI тысячелетии до Р.Х. или даже ранее на общей прародине — то ли в Передней Азии, то ли в Юго-Восточной Европе — точно пока не известно. Самые ранние сохранившиеся письменные свидетельства («Повесть временных лет») указывают на Средний Дунай как на прародину славян. Территориально это Нижняя Австрия и прилегающие к ней с юго-востока и юга районы. («По множеству же в древности сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска»).

Праславяне той далекой эпохи были земледельцами и скотоводами. Когда вырубленная и выкорчеванная, а затем использованная земля истощалась, как истощались и оголенные скотом пастбища, племена собирались в путь-дорогу. Праславянские племена множились, укрепляли свою внутреннюю мощь и расселялись. Куда идти? Двигаться на запад и на юг не давали более организованные и сплоченные на тот период кельты и италики. В то же время на севере и северо-востоке существовали огромные незаселенные и малозаселенные пространства. Вот туда, на север и на северо-восток, двинулись в первой половине II тысячелетия до Р.Х. начальные волны праславянских переселенцев. В течение II тысячелетия до Р.Х. праславяне, выйдя с берегов Дуная, заселили гигантские пространства Центральной и Восточной Европы. До середины этого тысячелетия славянский мир был единым, но потом разделился на западную культуру (лужицкую) и восточную.

В дальнейшем в кровь славянских племен влилась кровь пришлых с востока племен — скифов, сарматов и многих других, но основной ареал их расселения не менялся, более того, он постепенно передвигался все дальше и дальше на восток, захватывая все новые территории, а в дальнейшем, спустя много веков русские люди дошли до Аляски и даже до Калифорнии.

В результате воздействия этого главнейшего историко-географического фактора, т. е. постоянного перемещения на восток по мере истощения земель восточнославянских народностей — великороссов, белоруссов и малороссов, — у них постепенно складывался, если так можно выразиться, экстенсивный образ жизни и «экстенсивный» менталитет, между тем как в Западной

Европе германские, кельтские и другие племена, изначально оказавшиеся в сравнительно замкнутом пространстве, по необходимости стали усваивать потребность в интенсивном освоении природных ресурсов и в земледелии, и в скотоводстве, и в ремеслах. Со временем у них выработался и более «интенсивный» менталитет.

Вот эта разница в образах жизни на западе и на востоке Европы и предопределила дальнейшее различное отношение к труду и многим другим проявлениям человеческого разума народов, живущих в разных концах европейского континента.

Это различие проявляется во многом. Возьмем, к примеру, вопрос об отношении к родине, к тому, что называется патриотизмом. Вот, между прочим, что пишет о русском патриотизме Сомерсет Моэм:

«Русский патриотизм — это нечто уникальное; в нем бездна зазнайства; русские считают, что они непохожи ни на один народ и тем кичатся; они с гордостью разглагольствуют о темноте русских крестьян; похваляются своей загадочностью и непостижимостью; твердят, что одной стороной обращены на Запад, другой — на Восток; гордятся своими недостатками, наподобие хама, который оповещает, что таким уж его сотворил Господь, и самодовольно признают, что они пьяницы и невежи; не знают сами, чего хотят, и кидаются из крайности в крайность; но им недостает того — весьма сложного — чувства патриотизма, которое присуще другим народам.

Я попытался проанализировать, из чего складывается мой патриотизм. Для меня много значат сами очертания Англии на карте, они вызывают в моей памяти множество впечатлений — белые скалы Дувра и изжелта-рыжее море, прелестные извилистые тропки на холмах Кента и Сассекса, Собор Святого Павла, Темзу ниже Лондонского моста; обрывки стихов, благородную оду Коллинза, “Школяра-цыгана” Мэтью Арнольда, “Соловья” Китса, отдельные строки Шекспира, страницы английской истории — Дрейка с его кораблями, Генриха VIII и королеву Елизавету; Тома Джонса и доктора Джонсона; и всех моих друзей, и афиши на вокзале “Виктория”; и еще какое-то смутное ощущение величия, мощи, преемственности, ну и еще, Бог весть почему, вид челна, на

всех парусах пересекающего Ла-Манш, — “Куда ты, красавец-корабль, на белых летишь парусах”, — откуда заходящее солнце, аляя, закатывается за горизонт. Из этих и многих подобных им ощущений и соткано чувство, благодаря которому жертвовать собой не в тягость, оно состоит из гордости, тоски и любви, однако смирения в нем больше, чем высокомерия, и юмор ему не противопоказан. Допускаю, что Россия слишком велика для таких сокровенных чувств, в ее прошлом нет ни рыцарства, ни возвышенной романтики, в характере нет определенности, а литература слишком бедна и поэтому воображению не под силу охватить страну с ее историей и культурой в едином порыве чувства. Русские сообщат вам, что крестьянин любит свою деревню. Но за ее пределами его ничто не волнует. Читая о русской истории, поражаешься, как мало значит национальное чувство из века в век. Случаи, когда патриотизм вздымался волной и сметал захватчика, составляют исключения. Как правило, те, кого захват непосредственно не ущемлял, относились к нему с полным равнодушием. Не случайно Святая Русь так долго и покорно терпела татарское иго. Мысль о том, что Германия с Австро-Венгрией могут отхватить часть русских земель, не вызывает гнева; русские только пожимают плечами и изрекают: “С нас не убудет, Россия большая”.

Моя работа близко свела меня с чехами — вот чей патриотизм не перестает меня удивлять. Это страсть, столь цельная и всепоглощающая, что вытесняет все другие. На мой взгляд, эти люди, пожертвовавшие всем ради дела, должны вызывать скорее страх, чем восхищение. И ведь их не два-три фанатика среди безропотного быдла, а десятки тысяч; они пожертвовали всем, что имели, — покоем, состоянием, жизнью ради независимости своей страны. Порядок у них, как в универсальном магазине, дисциплина — как в прусском полку. Большинство патриотов, которых я встречал среди моих соотечественников, как это ни прискорбно, рвались служить родине не без выгоды для себя (кто способен описать эту охоту за теплыми местечками, интриги, злоупотребление положением, зависть к ближнему, на которые тратила время нация, когда само ее существование было под угрозой), чехи же совершенно бескорыстны. Они так же не думают о вознаграждении, как

мать не думает о выгоде, ухаживая за своим ребенком. Чех охотно соглашается на рутинную работу, когда другим предоставляют увлекательную, но мелкую должность, когда других назначают на ответственные посты. Как у всех людей, интересующихся политикой, у чехов есть и партии, и программы, но у них все подчинено одной цели — общему благу. И вот ведь что удивительно: в огромной чешской организации, действующей в России, все, от богатейшего банкира до ремесленника, жертвовали десятую долю своего дохода на общее дело в течение всей войны. Даже пленные, а один Бог знает, как они нуждались в этих жалких грошах, собрали несколько тысяч рублей»¹.

Эти столь наблюдательные строки написаны Моэмом осенью 1917 г., когда он приезжал в Петроград, где встречался с Керенским и Савинковым, ходил по улицам, разговаривал с разными людьми (он, судя по всему, должен был в достаточной мере знать русский язык). С его некоторыми суждениями о русском патриотизме кое-кто, особенно из числа квасных патриотов, может поспорить, но, как представляется, все же трудно не согласиться с существом его высказываний. Они, как мне кажется, в значительной мере относятся и к сегодняшним временам.

В чем смысл жизни?

О Ричарде Кершмане я вкратце упоминал, теперь расскажу о нем подробнее. Познакомился я с ним в 1960 г. по поводу покупки здания для советского представительства при ООН. Он был молодым маклером по недвижимости и в течение нескольких месяцев помогал мне в поисках подходящего по заданным параметрам варианта, отвечающего требованиям безопасности, расположения в престижном районе города вблизи от ООН и т. д. Обычно в этих поисках мы ездили по Нью-Йорку по субботам и воскресеньям, потому что на неделе я был занят своими прямыми обязанностями по представительству. Иногда в поездках по городу участвовали моя жена. Не раз я показывал перспективные здания наше-

¹ Моэм Соммерсет. Записные книжки. М.: Захаров, 2003. С. 150—161. Запись за 1917 г.

му тогдашнему постоянному представителю при ООН В.А. Зорину. Мы изъездили город вдоль и поперек, и я основательно познакомился с рынком недвижимости. Правда, в конце концов, подходящее здание предложил другой маклер, но без тех знаний рынка, которые были приобретены мною благодаря Ричарду, нам вряд ли удалось бы сделать правильный выбор. Чтобы закончить историю с покупкой дома, скажу, что на его приобретение и оборудование было выделено 3,5 млн долл. при условии, что мы продадим старое здание по *Park Ave.* не менее, чем за 1,2 млн. Но продажу этого здания осуществил уже другой человек — Юлий Воронцов, который сменил меня на посту советника представительства в 1963 г. после моего возвращения домой из загранкомандировки. В том здании по 67-й улице, которое было приобретено в 1961 г., наше представительство размещено и до сих пор.

Ричард — замечательный человек, крепкая дружба с которым связывает меня с тех пор, т. е. уже более 45 лет. Он недолго оставался в Нью-Йорке и вскоре перебрался в Калифорнию — в район Сан-Франциско (по местному — *Bay Area*), где довольно быстро сколотил на покупке и продаже недвижимости неплохое состояние. В частности, он подобрал и обеспечил земельный участок для одного из небоскребов в центре города. Одновременно он приобрел несколько небольших, но весьма доходных зданий, которые с тех пор приносят ему постоянный и, видимо, достойный доход. И вдруг, лет в 45, Ричард принимает самое важное в своей жизни решение — бросает все дела и начинает жить частной жизнью. Мы никогда не обсуждали с ним его или мои денежные дела, но я уверен, что Ричард никогда не придавал деньгам то значение, которое обычно придает средний американец.

Чтобы создать для себя удобные жизненные условия, Ричард покупает большой и довольно гористый земельный участок к северу от Сан-Франциско в местечке *Dogtown* (население 31 чел.) в районе *West Marin County* недалеко от небольшого населенного пункта *Bolinas*, в прошлом известного как излюбленное место американских хиппи. Там он строит большой деревянный дом из калифорнийской секвойи (*California Redwood*), состоя-

щий из семи уровней. Причем, расчетливый Ричард использует в качестве строительного материала даже разобраный деревянный пирс с Сан-Францисской гавани. Как известно, секвойя не подвержена гниению из-за особого состава своей смолы, не подвергающейся воздействию термитов, и ее древесина является практически вечным материалом. Некоторые деревья живут тысячи лет. Ричард сам спроектировал дом и даже лично принимал участие в его строительстве. Об этом доме в свое время писали архитектурные журналы, в том числе и один французский.

После отъезда Ричарда в Калифорнию мы одно время переписывались, а потом, когда я вернулся в Москву, связь прекратилась, и это, ведь, понятно, поскольку переписка с иностранцами по частному поводу тогда не рекомендовалась. Но 20 с лишком лет спустя я вновь приехал на работу в наше представительство в Нью-Йорке, на этот раз уже в качестве первого заместителя постоянного представителя при ООН, и как-то несколько раз выступал по телевидению в известной новостной и дискуссионной программе *Nightline* с популярным телеведущим Тедом Копполом. Ричард вместе со своей подругой Дорис смотрел эту программу и, узнав на экране меня, связался со мной. И вот через 25 лет мы встретились в Нью-Йорке вновь. С тех пор наша тесная дружба продолжается.

Ведя частную жизнь все эти годы, Ричард отнюдь не является отшельником, полностью ушедшим в себя. Долгие годы он состоял членом добровольной пожарной дружины городка *Bolinas* (и, следовательно, добровольным полицейским), постоянно участвовал и участвует в различных общественных делах и благотворительных акциях, глубоко интересуется экологией своей округи, имеет множество друзей и знакомых, с которыми у него сложились прекрасные интеллектуальные контакты. Я уже не говорю о том, что он практически единолично поддерживает в прекрасном состоянии свой обширный дом, будучи мастером на все руки.

Мне удалось не раз навещать его, с ним познакомились моя ныне покойная жена, сын, невестка, внучка, дети теперь сами посещают его, приезжая в Америку. В 1989 или 1990 г., когда я работал в Вене, Ричард и До-

рис посетили меня там и жили у меня несколько дней. Во время их пребывания в Европе я устроил их поездку в Прагу к моему чешскому другу Томашу Лаходе и его жене Иржине и сам их туда возил на пару дней.

Сейчас, когда я постепенно перехожу от публичной жизни к частной, пример Ричарда является для меня в какой-то мере путеводной звездой, если это не звучит слишком высокопарно. Посмотрите, как он и Дорис могут наслаждаться простыми радостями жизни. Может быть, в этом и заключаются великая правда и смысл жизни. Привожу очень характерное письмо, написанное Ричардом после его поездки на Аляску в 2005 г.:

«Одна из многих причин, почему я люблю жить в *Dogtown*'е, это то, что там ничего не меняется. Конечно же, многое претерпевает неизбежные изменения: я старею и события и различные интриги, которые происходят в мире, — и радуют и огорчают меня, но здешняя обстановка остается устойчивой и надежной, развиваясь только со скоростью самой природы. Например, росток секвойи длиной в 6 дюймов, который я посадил 30 лет тому назад, достиг сейчас пятидесятифутовой высоты. Гордился бы я больше, если бы у меня были сын или дочь, завершающие медицинское образование. И вообще, как и с помощью какого мерила определять человеческие ценности?!

Я испытываю и чувство безопасности, поскольку и у Дорис, и меня хорошее здоровье, а в подвале есть дрова для камина, чтобы обогревать наш дом в предстоящую зиму, холодильник набит продуктами, в банке лежат кое-какие деньги. Все это, конечно, является иллюзией, поскольку может испариться в любую минуту. Но, тем не менее, это утешает, как утешают и многие другие иллюзии, которыми я себя тешу.

В последнее время я стал более серьезно учиться игре на флейте — и хожу на уроки каждую неделю. Почти ежедневная практика заметно улучшает мою игру, что доставляет мне удовольствие и в то же время удивляет меня. Иногда я участвую в трио с моей учительницей и одним виолончелистом. Мы исполняем произведения Гайдна для трио, а также и другие произведения.

Не так давно моя учительница устроила концерт для своих учеников. Это было мое первое *публичное* испол-

нение. Всем остальным участникам концерта было лет по 13. Как это было замечательно! Я получил большое удовольствие.

Недавно мы с Дорис ездили на Аляску — это было наше первое посещение. Какое удивительное место! По размерам это четверть площади континентальных Соединенных Штатов с населением всего около 600 тыс. чел. Аляска — не место для изучения архитектуры, но ее природа замечательна. Мы проплавали пять дней на небольшом каяке в заливе *Glacier*, ловили рыбу, видели китов и медведей. Стоя в речушке с поднимающимися по ней на нерест лососями, мы в 10 ярдах от себя увидели медведя гризли, который вышел из леса, чтобы полакомиться свежей рыбой. К нему вскоре присоединились еще три гризли. Но они не проявили к нам абсолютно никакого интереса.

Нас совершенно поразило сильное присутствие на Аляске русских. Множество русских православных церквей. И много людей в русской одежде XIX века, которые дома у себя говорят по-русски. После стольких поколений это просто замечательно.

Я огорчен тем, что в этом году ты не приедешь в Калифорнию. Я, разумеется, согласен с тем, что поездки стали для нас все более трудно доступными. Мы часто предпочитаем оставаться дома, нежели мириться с неудобствами путешествий. Может быть, мы как-нибудь навестим тебя в Москве — да сбудется это...

Как обычно, после ежегодного шестимесячного перерыва вновь зачастили дожди. Это наша странная весна. У оленей весенняя горячка, а лосось скоро по речкам пойдет на нерест. Водоплавающие птицы начинают прилетать, чтобы укрыться здесь от зимних холодов на севере. Замечательно!

Надеюсь, что мое письмо найдет тебя в добром здравии. Передай мои приветы Андрею и его семье, когда ты их увидишь».

И еще одно тоже весьма примечательное письмо Ричарда с выражением благодарности Богу за все:

«Если бы меня попросили выразить мои самые сокровенные чувства, то я отослал бы вопрошающего к этому стихотворению:

«Благодарность»

Если ты проснулся сегодня утром,
Почувствовав себя скорее здоровым, чем больным,
То ты счастливее тех миллионов людей,
Которые не доживут до конца этой недели.

Если ты никогда не был в опасном бою,
Не испытал одиночества тюремного заключения,
Агонии пыток,
Или приступа голода,
То ты в лучшем положении,
Чем 20 миллионов человек,
Живущих на этом свете.

Если ты идешь в церковь,
Не испытывая тревоги,
Не опасаясь ареста, пыток, смерти,
Ты более благословлен,
Чем три миллиарда человек,
Живущих в мире.

Если в твоём холодильнике есть продукты,
Ты одет, а над твоей головой имеется крыша,
Если у тебя есть место для сна,
То ты богаче, чем три четверти
Населения земного шара.

Если у тебя есть деньги в банке
Или в твоём бумажнике, а еще лишняя мелочь
В какой-нибудь тарелке,
То ты в числе 8% самых богатых людей мира.
Если твои родители еще вместе и еще живы,
То это очень редкий случай,
Особенно в Соединенных Штатах.

Если ты ходишь с высоко поднятой головой
И с улыбкой на своем лице,
И если ты воистину благодарен за все,
То ты счастлив, как и многие тоже счастливы,
Но большинство людей на это не способны.

Если ты можешь взять кого-нибудь за руку,
Прижать его руки к себе или обнять человека за плечи,
То ты должен быть счастлив,

Потому что ты можешь
Протянуть ему
Исцеляющее прикосновение руки Господа.

Если ты можешь прочесть это стихотворение,
Ты более благословлен,
Чем более двух миллиардов человек в мире,
Которые вообще не умеют читать.

Ты счастлив так,
Как ты даже и не знаешь,
Почему ты счастлив».

Это стихотворение, такое проникновенное и написанное с таким здоровым чувством, но и с иронией, а в то же время с таким чувством благодарности за данную Господом радость жизни, что невольно вспоминаешь широко известный акафист «Слава Богу за все» митрополита Трифона (Туркестанова), который жил в позапрошлом и прошлом веках (1861—1934).

О Владимире Секлюцком

Еще об одном знакомом кисловодчанине — Владимире Вячеславовиче Секлюцком. Он был довольно известным на Северном Кавказе художником, на мой взгляд, вполне достойным. Специализировался Секлюцкий в основном как пейзажист и маринист. Но, думаю, главная его заслуга перед нашим искусством — создание в Кисловодске музея Н.А. Ярошенко, который был организован при его старании в доме, где художник жил, принимал многих деятелей культуры и умер в 1898 г. Уже после смерти Секлюцкого в 1990 г. на территории усадьбы Ярошенко был построен (на том месте, где в прошлом был флигель, а потом мастерская Секлюцкого) очень приятный выставочный зал. В главном доме и выставочном зале регулярно устраиваются Ярошенковские субботы и концерты. Вот запись в моем дневнике от 2 января 1980 г.:

«Был сегодня в музее Ярошенко и в кабинете его директора. Секлюцкий Владимир Вячеславович рассказал о новых приобретениях (в частности, портрет скульптора Позена, который в дальнейшем создал памятник

Ярошенко в Кисловодске¹) и о планах строительства выставочного зала рядом со старым музеем, где будут размещены материалы по биографии Ярошенко, залы передвижников и советских художников. Строительство начнется, возможно, уже в этом году. Автор проекта — Фриденталь (строитель кинотеатра “Россия”). Секлюцкий продолжает писать, показал нам несколько приличных работ (пейзажи, море). Сейчас проходит его персональная выставка в Ставрополе. Он делает большое, очень полезное дело».

Запись от 4 января 1980 г.:

«Был сегодня еще раз у Секлюцкого, чтоб познакомиться поближе. Сделал фотоснимок его из “Kodak Instant” на фоне “Всюду жизнь”, но не очень удачно. Он подарил мне чудесный этюд с дарственной надписью². Я бы его назвал “Закат на море” или что-то в этом духе. Видимо, куплю у него еще один этюд — горный пейзаж в окрестностях Кисловодска...

Еще о Секлюцком. Сейчас (в последние годы) он стремится найти свой самостоятельный путь в живописи и, думается, нашел. Его пастозные этюды, написанные легко и с большим настроением, вдохнули новую струю в творческую жизнь Секлюцкого-художника, а ведь ему уже 70 лет с гаком».

Магистральная музыка

Меня уже много лет интересует творчество Альфреда Шнитке, которого я, будучи всего лишь любителем в этой сфере искусства, считаю главнейшим продолжателем магистральной линии в музыке во второй половине XX в. Несколько упрощая ход развития музыки за последние полтора века и, возможно, несправедливо пропуская других выдающихся композиторов, я бы отнес к лучшим, наиболее талантливым представителям этой главной тенденции в музыке Иоганнеса Брамса, Антона Брукнера, Густава Малера, Дмитрия Шостаковича, Альфреда Шнитке. Под магистральной линией я понимаю такую музыку, которая, с моей точки зрения,

¹ Памятник художнику стоит вблизи музея, рядом с недавно восстановленным православным храмом.

² До сих пор висит в моем кабинете.

наиболее адекватно отражает жизнь человеческого общества со всеми ее радостями, переживаниями, страданиями, трагедиями и свершениями. В моем дневнике есть запись от 7 января 1981 г., которую частично привожу здесь:

«Вчера, 6-го, был... в ЦДХ, на творческом вечере Альфреда Шнитке. Композитору около 40 лет, может быть, немного больше. Мягкое приятное лицо, держится очень скромно.

Исполнялись:

“Серенада” для камерного оркестра с ударными. В ней, как пояснил композитор, много *клочков* из музыки к кинофильмам. Например, в финале использована тема из фильма “Стеклопанельная гармоника”. Написана в 1968 г.

“Диалог” для виолончели и камерного ансамбля 1965 г. Партию виолончели исполняла Наталья Гутман. Ее я не видел и не слышал ее игру (в живом исполнении) лет десять. Игру Гутман и раньше отличала необычайно душевная манера исполнения, очень мне импонирующая. Не скрою — и внешне она мне очень нравится. Наша известная виолончелистка Виктория Яглинг (2-я премия на конкурсе имени Чайковского) считает Гутман лучшей виолончелисткой.

И, наконец, “3-й скрипичный концерт” 1978 г., посвященный Олегу Кагану (который и исполнил его). Любопытен состав оркестра — 13 духовых и 4 струнных.

Общее впечатление от Шнитке — музыка очень современная. Видимо, она относится к категории атональной музыки. Но мне она показалась очень гармоничной, полной трогательной лирической грусти, даже покорности судьбе, признания неизбежности объективной жизни — со всеми ее рваными ритмами. Если в музыке Шнитке и есть атональность, то она взята из жизни, не выдумана. Но композитор пытался найти объективную, присущую самой жизни гармонию, и находит ее. Это особенно заметно в наиболее зрелом его произведении — “3-м скрипичном концерте”. Очень понравился и “Диалог для виолончели”». ¹

¹ В феврале 2005 г. прослушал запись “3-го скрипичного концерта” Альфреда Шнитке в исполнении Олега Кагана — впечатление такое же, может быть, даже еще более сильное.

Русский характер

О Петре Яковлевиче Чаадаеве можно много писать — это, с моей точки зрения, самый глубокий русский мыслитель. Вот одно его высказывание, записанное мною в дневнике 21 апреля 1986 г. во время отдыха в д/о «Юность»:

«Из неопубликованной статьи П.Я. Чаадаева, обнаруженной уже в советское время:

“Говоря о России, постоянно воображают, будто говорят о таком же государстве, как и другие; на самом деле это совсем не так. Россия — целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека, — именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково это — олицетворение произвола. В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует в направлении собственного порабощения и порабощения всех соседних народов. И поэтому было бы полезно не только в интересах других народов, а и в ее собственных интересах — заставить ее перейти на новые пути.

Только как? Да и возможно ли изменить русский характер?».

Знаковая фигура

Был на панихиде по Авереллу Гарриману в Нью-Йорке в начале августа 1986 г. Пишу потому, что в США панихиды проходят совсем по-другому, чем в нашей стране, где организуются так называемые *гражданские* панихиды с бесконечными заклинаниями в присутствии родных и близких, что покойника никогда не забудут.

Гарриман не нуждается в представлении. В войну он был послом в СССР, в 1963 г. участвовал в переговорах по Договору о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, выполнял другие важные дипломатические миссии. Был одним из богатейших людей Америки.

Панихида, как записано в моем дневнике 4 августа 1986 г., «проходила в епископальной церкви Св. Фомы на 5-й авеню. Присутствовала весьма знатная публика

демократического толка (У. Мондейл, Э. Кеннеди, С. Вэнс, губернатор шт. Нью-Йорк П. Куомо, мэр города Коч и т.д.), но выступали только епископ и ректор церкви. Лейтмотив всей церемонии: душа переселяется в лучший мир, нужно радоваться, а не скорбеть. После панихиды подошел к вдове, выразил соболезнование. Это — третья жена Гарримана (он умер 95-ти лет), ей около 65, она ранее была замужем за сыном Черчилля».

Позднее, в 1980—1990 гг., я был несколько раз на различных конференциях в бывшем имении Гарриманов к северу от Нью-Йорка (*Upstate New York*). Большую ее часть Гарриманы подарили Колумбийскому университету, и теперь в старом здании, называемом Арден Хаус, проводятся конференции. За собой семейство оставило часть имения, там и похоронен Аверелл Гарриман. На берегу озера — одинокая строгая могильная плита. Вот дневниковая запись о посещении имения Гарриманов от 26 февраля 1996 г.:

«Прогуливаясь по огромному парку, окружающему Arden House, обнаружил могилу Аверелла Гарримана. Он умер в 1986 г. в возрасте 95 лет. Первоначально он был похоронен неподалеку от Арден Хауса на семейном кладбище. Однако лет 8 тому назад его вдова Памела¹ распорядилась перенести его прах сюда и захоронила в нескольких метрах от *Forest Lake*, в месте, которое Аверелл очень любил.

Скромную могилу, окруженную оградой, с надписью *W. Awerell Harriman. 1891—1986. Patriot. Public Servant. Statesman*, сфотографировал для меня сотрудник Арден Хауса.

Мне не доводилось встречаться с Гарриманом. Когда летом 1963 г. он приезжал в Москву для переговоров о заключении Московского договора РТВТ², я не входил в состав советской делегации, только что приступив к работе в Отделе международных организаций после возвращения из длительной командировки в Нью-Йорке. Тогда Гарриман в кратчайший срок договорился с Громько об этом соглашении — первом, которое поло-

¹ Памела Гарриман в период демократической администрации Билла Клинтона была американским послом в Париже, где и скончалась на своем посту в конце 1990-х гг.

² Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах.

жило начало серии последующих советско-американских соглашений по ограничению вооружений.

Я читал, что Кеннеди поручил Гарриману заключить этот договор в двухнедельный срок, но американский представитель перевыполнил это поручение, завершив переговоры за 13 дней.

Когда Гарриман умер в 1986 г., я был заместителем постоянного представителя при ООН и вместе с другим заместителем — В.С. Сафрончуком присутствовал на панихиде в *Episcopal Church*. После окончания церемонии мы подошли к вдове — Памеле и выразили соболезнования от имени советского правительства.

В Арден Хаусе есть кабинет Эйзенхауэра, в котором он бывал в бытность президентом Колумбийского университета перед его избранием президентом США. Он так и называется “Eisenhower Room”. Неподалеку в холле висит гравюра по дереву с изображением церкви Покрова на Нерли. Как она попала в Арден Хаус, администрация не знает.

Мне рассказали, что когда Гарриман был в Москве — то ли в его бытность послом США во время войны или по другому поводу, Сталин подарил ему двух лошадей, полюбившихся Авереллу во время военного парада на Красной площади. Лошадей доставили в Арден Хаус. Там до сих пор есть конюшня и лошади, которыми увлекаются внуки Гарримана. Семейство сохранило часть огромного парка за собой.

Сам Арден Хаус был передан Авереллом Колумбийскому университету в 1950 г. и используется в качестве конференционного центра. Я был в Арден Хаусе в 1986 (или 1987), в 1995 и в нынешнем, 1996 гг.».

Старый друг по другую сторону стола

Как я уже писал раньше, в 1966 г. вместе с моим *ви-зави* в делегации США в Комитете 18-ти государств по разоружению Джорджем Банном мы плодотворно и успешно взаимодействовали при выработке Договора о нераспространении ядерного оружия. Мы с ним тогда подружились, и эта дружба продолжается вот уже более 40 лет, правда, с перерывами, что во многом объясняется существовавшими тогда у нас порядками, при которых не было принято поддерживать личные контакты, и

тем более дружеские отношения, с иностранцами, если это не оправдывалось *интересами дела*. Только как определить, что такое *интересы дела*?

Джордж — ветеран Второй мировой войны, служил в ВМФ на Тихом океане и должен был участвовать во вторжении в Японию, если бы она не капитулировала после Хиросимы и Нагасаки и вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке (кстати говоря, среди историков нет единого мнения насчет того, что послужило основной причиной капитуляции — атомные бомбардировки или разгром нашими вооруженными силами японских войск в Маньчжурии).

После появления и применения атомного оружия Джордж решил посвятить себя задаче ограничения и сокращения ядерных вооружений. Он получил юридическое образование и стал работать в правительственных учреждениях, связанных с атомной энергией. С 1961 по 1969 г. был руководителем юридического отдела Агентства США по контролю над вооружениями (АКВР), по-английски этот пост называется *General Counsel*. В 1967 г. был заместителем представителя, а в 1968—1969 гг. стал американским представителем в Комитете 18-ти государств по разоружению, и именно в тот период мы и подружались. Но после прихода в Белый дом республиканской администрации Ричарда Никсона Банн, будучи демократом, ушел из правительства и больше туда не возвращался. Он стал заниматься преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в одном колледже в Новой Англии, затем был выдвинут на пост декана юридического факультета. Наши контакты, за исключением спорадических, прервались. Вновь мы встретились только спустя много лет в 1990 г. в Калифорнии. Джордж работал в Стэнфорде, а я — в Монтерее, в полутора часах езды друг от друга. И тут мы стали вновь взаимодействовать, но уже на ниве совместной заинтересованности в укреплении международного режима ядерного нераспространения, основу которого мы помогали заложить в 1960-е гг.

Совместно участвовали в многочисленных конференциях и симпозиумах, написали не менее десятка публикаций в соавторстве для американских и английских изданий, в том числе одну-две опубликовали в Москве.

У него четкий, строгий юридический подход, я же больше подавал идеи и помогал их оформлять. Джордж был дважды женат, имеет троих взрослых детей, в том числе сына Мэтью, который во многом пошел по стопам отца. Сейчас Мэтью работает в Гарвардском университете. Мы с Джорджем более или менее регулярно переписываемся по электронной почте. Как-то раз он приезжал в Москву.

Весной 2004 г. в Стэнфордском университете отмечался 80-летний юбилей Банна, и я направил ему письмо с тем, чтобы оно было зачитано на торжественной церемонии. В письме говорилось:

«Вот уже около сорока лет, как мы знаем друг друга. Я очень хорошо помню, когда я увидел молодого и внешне весьма приятного юриста, сидящего против меня за столом переговоров и четко и терпеливо разъясняющего позицию своего правительства по одному из многих вопросов контроля над вооружениями, с которыми нам годами приходилось иметь дело в интересах достижения соглашений. И ты, Джордж, конечно же, помнишь, что мы обычно с успехом находили путь к соглашениям, особенно, когда наши руководители, доверяя нам, давали нам достаточно полномочий и простора для выработки текстов и формулировок.

Я не вполне точно выразился, сказав: “за столом переговоров”. Иногда это была прогулка в лесу или поездка на зубчато-рельсовой дороге в горах над Женевским озером. Но почти в любой обстановке нам удавалось либо прийти к согласию, либо по меньшей мере сузить противоположные формулировки, чтобы дать нашим руководителям возможность заключить соглашение.

Наша дружба продолжается с тех пор, и даже после вполне естественного выхода в отставку, в ряде случаев мы давали нашим соответствующим должностным лицам добрые советы, направленные на достижение соглашений. Думаю, что мы не раз помогли представителям наших соответствующих правительств в поисках и нахождении взаимоприемлемых решений.

Нам очень повезло в том, что в наши пожилые годы нам удалось провести несколько лет вблизи друг от друга — в Стэнфорде и в Монтерее в Калифорнии. Это дало нам возможность не только часто видеться, но и

поработать совместно над проблемами, представляющими взаимный интерес. Мы стали соавторами ряда статей как на английском, так и на русском языке. То, что мы издали на русском языке, — это работа, выполненная для ПИР-Центра, неправительственной организации в Москве, занимающейся вопросами контроля над вооружениями, в которой я сейчас работаю.

Что меня всегда больше всего поражало в Джордже — это его непоколебимая способность быстро находить первоклассные формулировки какой-либо сложной идеи или концепции. Не думаю, что когда-либо я встречал человека с такой замечательной способностью формулировать текст. Для переговорного процесса это абсолютно необходимый фактор.

Будучи хоть и представителями двух противостоящих военных блоков (один из которых приказал долго жить), мы можем без каких-либо колебаний заявить, что мы никогда не сказали друг другу ни одного слова неправды, и я счастлив и горд тем, что был и остаюсь другом человека, который был и продолжает быть примером высочайшей честности и достоинства.

Мое многолетнее сотрудничество и дружба с тобой были и всегда останутся самой высокой наградой в моей долгой жизни.

Желаю тебе, Джордж, доброго здоровья и счастья в жизни.

20 марта 2004 г.».

За расширение Совета Безопасности ООН

С давних пор я публично высказываюсь за расширение Совета Безопасности ООН. Не буду объяснять мотивы, которыми руководствуюсь, они пространно объяснены в моих публикациях, в частности в монографии о международном контроле над атомной энергией, изданной ПИР-Центром в 2003 г.¹ Джордж Банн поддерживает меня, и в 1993 г. мы написали о нашем предло-

¹ См.: Международный контроль над атомной энергией. Первоначальные планы. Существующие системы контроля за ограничением и сокращением ядерных вооружений. Дальнейшие перспективы // Научные записки ПИР-Центра. 2003. № 1(22). С. 327—329.

жении статью в крупнейшую газету Сан-Франциско «San Francisco Chronicle». Статью, правда, не опубликовали, но обозреватель газеты подробно ее изложил в своем еженедельном редакционном комментарии:

«Предложения о расширении членского состава Совета Безопасности выдвинули два дипломата с большим опытом работы в международных организациях. Джордж Банн был послом США на Конференции по разоружению, а сейчас является научным сотрудником Стэнфордского университета. Роланд Тимербаев был в течение ряда лет заместителем советского представителя при ООН. В настоящее время он преподает в Монтерейском институте международных исследований.

В недавно подготовленном предложении Банн и Тимербаев высказываются за то, чтобы расширить Совет за счет пяти новых постоянных членов, но без предоставления кому-либо из них права вето, которым располагают нынешние постоянные члены. Они считают, что, благодаря этим новым членам, роль ООН усилится. «Главной целью является сделать ключевой и определяющий орган ООН более представляющим реалии сегодняшнего мира, освободившегося от холодной войны».

Они, конечно же, предлагают добавить к числу постоянных членов Японию и Германию. Они также считают, что такое место в Совете должно быть предоставлено и Индии, самой крупной демократии и второй по числу населения стране развивающегося мира.

При этом они предлагают, чтобы постоянное место было предоставлено Латинской Америке, которое в порядке ротации делили бы Бразилия и Аргентина, а также такое же место и Африке, которое по очереди занимали бы Египет и Нигерия¹.

Плюс к этому они добавили бы пять непостоянных мест, тем самым увеличив состав Совета с нынешних 15 до 25 членов.

Теперешняя большая пятерка — Соединенные Штаты, Россия, Великобритания, Франция и Китай — сохраняют за собой право вето. Но Банн и Тимербаев призывают их не прибегать к нему. «Страны большой

¹ Перечитывая эту статью, сейчас я бы предложил добавить к числу ротлируемых постоянных членов СБ ООН Мексику от Латинской Америки и ЮАР от Африки.

пятерки должны взять на себя обязательство воздержаться от использования этого права, кроме как в крайнем случае, — такой практики эти страны придерживаются уже более двух лет”.

“Может быть, когда-нибудь будет найдено средство чем-то вообще заменить право вето, — добавляют они, — но соглашение по этому вопросу будет гораздо более трудно достижимым, чем простое расширение Совета, которое мы рекомендуем”».

Сейчас, по прошествии более десяти лет, проблема расширения Совета Безопасности стала еще более актуальной. Со стороны наиболее заинтересованных государств, — в частности, Бразилии, Японии, Германии, Индии — появились официальные предложения на этот счет, которые немногим отличаются от того, что мы с Джорджем Банном предлагали в 1993 г. Но не секрет, что ни США, ни Россия, ни Китай, ни Франция, ни Великобритания не испытывают в отношении этих предложений никакого энтузиазма, опасаясь — и это вполне понятно, — того, что увеличение числа постоянных членов ослабит их влияние и престиж в мире.

Жизнь длиннее телеграммы

В середине марта 2005 г. пришло известие о смерти в возрасте 101 года крупнейшего американского дипломата, историка и политика второй половины XX в. Джорджа Кеннана. Он играл ведущую, определяющую роль в формировании политики США в отношении Советского Союза в период холодной войны — политики сдерживания коммунизма (в смысле *удержания* — *containment*, а не *deterrence*). Кеннан первоначально обосновал ее в своей известной *длинной телеграмме*, написанной в феврале 1946 г., когда он был советником-посланником посольства США в Москве, на основе которой он опубликовал в июле 1947 г. в журнале «Foreign Affairs» широко известную статью — «The Sources of Soviet Conduct» под псевдонимом «X». Понимая эту политику как средство воздействия на Советский Союз не военными, а дипломатическими и другими политическими средствами, он был против безудержной гонки вооружений — как ядерных, так и обычных, — которая развернулась в годы холодной войны.

Не является секретом, что Кеннан сыграл инициативную роль в создании подрывной службы против СССР в рамках ЦРУ, но он категорически отрицал интерпретацию своей политики в отношении Советского Союза как политики использования военной силы. Спустя много лет, в 1975 г., он заявил на слушаниях в Сенате США, что эту свою инициативу он считает «самой крупной ошибкой в своей жизни». Кеннан был также одним из тех, кто содействовал созданию радиостанции «Свободная Европа».

В 1952 г. Кеннан был послом в СССР, но занимал этот пост только в течение нескольких месяцев, поскольку был объявлен персоной *нон-грата* после того, как высказался, будучи проездом в Берлине, что в советской столице он себя чувствовал под постоянным наблюдением.

В феврале 1997 г. он опубликовал в «New York Times» статью, в которой охарактеризовал расширение НАТО на восток как «самую роковую ошибку американской политики за весь послевоенный период».

Мне Кеннан запомнился тем, что 9 мая 1945 г., когда он был советником-посланником в Москве, я, будучи еще студентом, вместе с группой студенческой молодежи подошел к американскому посольству, которое тогда находилось рядом с Красной площадью на Моховой ул., чтобы приветствовать наших американских союзников с окончанием войны и победой над фашистской Германией, и он, находясь на балконе посольства, приветствовал москвичей, праздновавших День победы и завершения войны.

В 1951 г., работая молодым сотрудником советского представительства при ООН, я в какой-то очень небольшой мере был причастен к усилиям по достижению перемирия в Корее, которое в немалой степени стало результатом посредничества СССР. Началось это с установления контакта между Джорджем Кеннаном и советским представителем при ООН Яковом Александровичем Маликом. Дело было так. В июне того года вместе с послом мы возвращались на его лимузине из Лейк-Саксеса, где тогда размещалась ООН, в Нью-Йорк. Один американский журналист попросил Малика довести его до города и в машине сказал, что Кеннан хотел бы встретиться с нашим постпредом при ООН. Эта встреча состоялась, и

вскоре Малик получил указание из Москвы дать интервью американским СМИ. Во время этого интервью посыл и дал понять, что имеется возможность поискать пути достижения перемирия в корейской войне. Я тогда занимался в нашем представительстве корейской проблемой, и мне довелось участвовать в организации встречи Малика с американскими журналистами. В результате нашей инициативы завязался диалог, который и привел к заключению перемирия в Корее, сохраняющегося и по сей день.

В 1986—1987 гг. — также в Нью-Йорке — Джордж Кеннан приходил на наши приемы в советском представительстве при ООН обычно в сопровождении своей дочери Грейс Кеннан Варнеке, и я с ним не раз беседовал. Грейс потом вышла замуж за моего приятеля американского посла Герберта Окуна (Herbert Okun).

О названии страны

Меня давно интересовал вопрос, насколько исторически правильно и обоснованно называть наше государство Россией? Казалось бы, многие из нас за последнее десять—пятнадцать лет так привыкли к этому названию, что подобный вопрос совершенно неуместен и даже абсурден. Наименование Россия прочно вошло в наш обиход, им мы гордимся, и на тебе, — кто-то высказывает сомнение в правильности или точности этого названия. Но тем не менее давайте все же посмотрим, как на протяжении нашей длительной истории сложилось, что мы теперь называем себя Россией.

Хотя я по образованию историк, мне никогда профессионально не приходилось заниматься древней и средневековой историей нашей страны, да и всеобщей историей вообще, а, тем более, изучением происхождения названия российского государства. Но поскольку за долгие годы раздумий и чтения различных трудов по истории у меня накопились некоторые, пусть далеко не профессиональные, познания и суждения и в области древней и средневековой истории, я все же решил высказать свои соображения о названии нашей страны.

В письменных памятниках название Россия появляется в конце XV в., но до конца XVII в. она чаще называлась Русью, Русской землей или Московским государ-

ством. Официальным же названием в Средние века было Московское Великое княжество, а затем, начиная с Петра Первого и до 1917 г., — Российская империя, после — Российская Советская Республика и Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР)¹, а еще позднее — Союз Советских Социалистических Республик (сокращенно: Советский Союз или СССР) и, наконец, ныне мы официально именуем себя Российской Федерацией².

В советский период, а он продолжался свыше 70-ти лет, мы себя никогда не называли Россией или россиянами. Обычно употребляли название Советский Союз или еще короче — Союз, а многонациональное население его — советскими людьми или советским народом³.

Приведем теперь суждение относительно названия Россия выдающегося русского государственного деятеля, многолетнего министра путей сообщения и финансов, состоявшего председателем Комитета министров, а после манифеста 17 октября 1905 г. — председателем Совета министров, то есть премьер-министром, — графа Сергея Юльевича Витте:

«Российская империя в течение тысячелетнего своего существования образовалась тем, что славянские племена, жившие в России, постепенно поглощали силу оружия и всякими другими путями целую массу других народностей и таким образом явилась Российская империя, которая представляет собой конгломерат

¹ По решению III Всероссийского съезда Советов, состоявшегося в январе 1918 г. Позднее слова «социалистическая» и «советская» поменяли местами.

² Правда, в Конституции РФ говорится (ст. 1), что «наименования Российская Федерация и Россия равнозначны», однако в самой Конституции и во всех основных правительственных документах употребляется название Российская Федерация. Да и вообще, название Россия по Конституции *приравнено* к наименованию Российская Федерация, оно только «равнозначно» этому наименованию, и официальным наименованием считается Российская Федерация.

³ В Конституции (преамбула) население нашей страны называется «многонациональный народ Российской Федерации», но это обозначение не привилось, мы никогда его не слышим. Что касается названия нашего народа «россияне», то в Конституции оно не употребляется и тоже довольно слабо прививается. К тому же оно неприводимо на другие языки.

различных народностей, а потому, в сущности, говоря, России нет, а есть Российская империя [...]»¹.

Позднее граф Витте еще раз вернулся в своих воспоминаниях к данному вопросу, и высказался следующим образом на этот счет:

«...[М]ы до сих пор еще не осознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения — инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, входящих в Российскую империю — их религию, их язык и проч.»².

И дальше он несколько риторически обратился к читателям своих воспоминаний:

«Может быть, для нас, русских, было бы лучше, чтобы была Россия и мы были только русские, а не сыны общей для всех подданных царя Российской империи. В таком случае откажитесь от окраин, которые не могут и не примирятся с таким государственным идеалом»³.

В словах графа много резона. Он говорил о России в контексте существовавшей тогда Российской империи. После распада Советского Союза мы потеряли целый ряд крупных и малых окраин, но все равно в Российской Федерации проживает много *инородцев*, если пользоваться термином графа Витте, и число их неуклонно растет и будет и дальше расти. Поэтому Россия — лишь обыденное и, как мне представляется, все же не очень точное, хотя и привычное, название нашей страны.

В попытке показать неточность и, может быть, даже некорректность названия нашей страны — Россия — можно было бы привести следующие доводы.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Том II. 1894 — октябрь 1905. Царствование Николая II. Таллинн. М.: Скиф Алекс, 1994. С. 124. Воспоминания графа Витте были написаны в 1907—1912 гг. после ухода его с поста главы правительства. Впервые я читал их еще в студенческие годы — в 1946—1947 гг., а перечитывал в 2004 г. На процитированное место я обратил внимание только при повторном чтении его воспоминаний.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Том III. С. 260—261.

³ Там же. С. 261.

Первоначальное наименование нашего еще не сформировавшегося государства — Русь. О происхождении этого названия полного и даже сколько-нибудь приближенного согласия между историками, насколько мне известно, нет. У Н.М. Карамзина мы находим следующее мнение:

«Историки находят основательные причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою*, Ros-lagen. Жители ее могли в VII, VIII и IX веке быть известны, в землях соседственных, под особенным названием, так же, как и Готландцы, коих Нестор всегда отличает от Шведов. Финны, имея некогда с *Рос*-лагеном более сношения, нежели с прочими странами Швеции, доныне именуют *всех* ее жителей вообще *Россами*, *Ротсами*, *Руотсами*»¹.

В другом месте Карамзин пишет:

«Сообщим и *другое* мнение с его доказательствами. В *Степенной книге* XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел из Пруссии, где издавна назывался Курский залив *Русною*, северный рукав Немена или Мемеля *Руссою*, окрестности же их *Порусью*»².

Современный исследователь Н.А. Ульянов приводит сходные соображения, основанные на летописях:

«[...]необходимо учесть известие летописца о том, что Варяги—Русь Рюрик, Синеус и Трувор являются 14 коленом от Прусса, родоначальника Прусской земли. Следовательно, Прусс, если он реальное лицо, жил примерно за 450 лет до времен, когда Рюрик и его братья получили приглашение на княжение. Но в русских летописях упоминается не только родство Рюрика с Пруссом, родоначальником Прусской земли, которая, согласно сведениям Воскресенской летописи, располагалась от берегов Вислы “по реку глаголемую Немон, впадшую в море, и до сего часа по имени его зовется: Прусская земля”. Если последнее сообщение летописи признать достоверным, то Варяги-Русь должны были жить где-то неподалеку от Прусской земли, а именно, в районе реки

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Том I. М.: Наука, 1989. С. 57.

² Там же. С. 58.

Неман, т. к. от реки Неман до реки Вислы в то время должны были обитать Пруссы. По мнению М.В. Ломоносова, само название Пруссия (*Vorussi*) или Порусье, возможно, произошло о того, что Пруссы или Поруссы жили рядом с Руссами, по Руссах или подле Руссов, т. е. в соседстве с Руссами к западу от реки Неман».

И далее: «Оказывается, река Неман имела несколько наименований, в том числе Мемель и Русс [...]. Из изложенного можно смело сделать вывод, что Варяги-Русь Рюрик, Синеус и Трувор со своими родами пришли с правого берега реки Русс (Неман), с территории, называемой Русской землей, и принесли с собой название Русь и Русская земля в район Чудского озера, озера Ильмень и Белоозера. Иначе говоря, Русь пришла к Словенам (в район теперешнего Новгорода)»¹.

Существуют и некоторые другие предположения о происхождении названия Русь. Так, известный историк Киевской Руси академик Б.Д. Греков приводит мнения ряда историков о возможности того, что название Русь происходит от реки Рось, впадающей в Днепр в его течении ниже Киева, и даже чуть ли не от древнего имени Волги — *Рось*². Современный историк В.М. Гобарев, изучавший тему прародины славян и отметивший, что в последние годы бурно возрождается давно уже существовавшая дунайско-балканская теория славянской прародины, пишет, что, двигаясь со среднего течения Дуная на восток и северо-восток, славяне основали неприступную крепость в устье р. Рось на Днепре — Княжью Гору³.

Что касается принятого среди финнов употребления названий *Россы*, *Ротсами*, *Руотсами*, то известный историк М.П. Погодин считал, что «посредством финского названия для Швеции Руотси... объяснять имени Русь нельзя, нельзя и доказывать ими скандинавского ее происхождения. ...*Ruotsi* ...есть случайное созвучие с Русью...»⁴.

В.О. Ключевский относительно возникновения «загадочного» слова Русь сообщает, что «до сих пор не объ-

¹ Ульяновкин Н.А. Откуда есть пошла Русская земля? Вестожетка, 1993. С. 51—53.

² Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. С. 447.

³ Гобарев В.М. Предыстория Руси. М., 1994. С. 282, 603.

⁴ Вопросы истории. 2004. № 8.

яснено удовлетворительно ни историческое происхождение, ни этимологическое значение» этого слова. Он считает в то же время, что «княжеская дружина, служа орудием администрации в руках киевского князя, торгуя вместе с купечеством больших городов, носила вместе с ним специальное название “*русь*”. Отмечая, что по предположению древних летописцев, “первоначальное значение его было племенным: так называлось то варяжское племя, из которого вышли первые наши князья”. Потом, как он считает, это слово получило сословное значение: *русью* в X веке назывался высший класс, преимущественно княжеская дружина, состоявшая в большинстве из варягов. Позднее Русь — выражение, впервые появившееся в договоре князя Игоря с Византией 945 г., — получило, по мнению Ключевского, географическое значение. Термины Русь и Русская земля приобрели и политическое значение: “так стала называться вся территория, подвластная русским князьям, со всем христианским славяно-русским ее населением”»¹.

Думаю, что этих предположений, размышлений и гипотез историков более чем достаточно. Главное — это то, что вся огромная территория восточной Европы, населенная многочисленными, преимущественно славянскими племенами, — полянами, древлянами, кривичами, вятичами и проч., но также и неславянскими племенами — чудью, весью и др. — издревле называлась Русью. Это название, таким образом, с древнейших времен относилось *не только к славянским, но и ко многим другим народностям*, населявшим обширную территорию восточной Европы.

После периода феодальной раздробленности в XIII — XIV вв., во многом под воздействием татаро-монгольского нашествия, началось объединение многочисленных славянских княжеств вокруг Москвы, занимавшей на этой территории центральное и наиболее выгодное во всех отношениях место. Так в середине XIV в. образовалось Московское Великое княжество.

Образование территориального ядра Руси, как считают историки, завершилось при великом князе москов-

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть I. М.: Мысль, 1987. С. 177—178.

ском Иване III Васильевиче (1462—1505 г.). При нем началось оформление титула великого князя «Московского и Всея Руси», причем в некоторых документах он именуется уже царем¹. Иван Васильевич начал писаться: «Иоанн, Божиею милостью государь всея Руси». К этому титулу прибавлялся и длинный ряд географических обозначений: «Государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский, и иных»².

Его внук Иван IV Васильевич Грозный — великий князь с 1533 г., первый царь всея Руси с 1547 г., и именно при нем к его царскому титулу было добавлено слово «самодержец», что означало независимость от золотоордынских ханов.

Весьма характерно, что при учреждении на Руси патриаршества в 1589 г. первый патриарх (каковым стал митрополит Иов) при интронизации, совершенной Константинопольским патриархом Иеремией, получил титул Патриарха Московского и Всея Руси, который *существует и поныне*³.

При учреждении в 1721 г. Российской империи после победы над Швецией и заключения Ништадтского мирного договора Петр Первый присвоил себе титул Императора и Самодержца Всероссийского... и прочая, и прочая. Александр I стал в дополнение к этому титулу называться великим князем Финляндским, царем Польским и Грузинским. При императоре Александре II Российская империя осуществила крупные завоевания в Средней Азии и на Кавказе, что выразилось в соответствующих прибавлениях к титулу. Сокращенный (не полный) титул был следующий:

«Божиею поспешествующей милостью, Мы — имярек — Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь

¹ Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1972. Том 10. С. 4—5.

² Ключевский В.О. Часть II. С. 116.

³ Русская православная церковь. М.: Издание Московской патриархии, 1980. С. 16.

Грузинский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая»¹.

Полный же титул в три раза длиннее этого сокращенного широко употреблявшегося титула. Для краткости он здесь не приводится, но перечисление в нем территорий империи некоторым образом схоже с тем, как это делается в отношении *субъектов Федерации* по Конституции Российской Федерации 1993 г.

Как многонациональное государство, приняв в начале 1990 г. название Российская Федерация, мы пока далеки от того, чтобы стать в полном смысле федеративным государством. Еще идут поиски подлинно федеративных отношений между центральной властью и так называемыми *субъектами Федерации* или регионами, как их все чаще именуют, во многих из которых русские составляют титульную нацию, а другие являются национальными республиками или национальными округами. Б.Н. Ельцин обещал *субъектам Федерации* столько суверенитета, сколько они пожелают взять. В.В. Путин, наоборот, настойчиво, но пока без большого успеха, создает федеральную *вертикаль власти*. Путин даже учредил институт федеральных округов, назначил туда своих представителей и возникает вопрос, не хотел бы он исподволь превратить Федерацию фактически в унитарное государство, но поезд, очевидно, уже ушел.

Страна велика и обилием различных больших и малых народностей, и их разнообразными жизненными укладами, и многочисленными религиями, и уникальными национальными культурами, и обширнейшей территорией. Ее историческое предназначение, состоит, хотелось бы надеяться, в том, чтобы составить со временем подлинно федеративное или, в крайнем случае, конфедеративное государство, наподобие Соединенных Штатов или, может быть, Швейцарии. Однако это дело будущего и, скорее всего, отдаленного.

Не потому ли так легко и быстро распался Советский Союз, что лидеры и правящие элиты союзных респуб-

¹ Мурашев Геннадий. Титулы, чины, награды. СПб.: Пантеон, 2002. С. 6—7; Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М.: Изд-во Московского университета, 1993. С. 7.

лик при поддержке своего населения стремились отгородить себя от внутренних разборок внутри Садового кольца, которые ввергали в годы перестройки и в период дезинтеграции СССР остальную страну — во всяком случае, ее значительную часть — в хаос и запустение, и самостоятельно построить собственные независимые государства? И не может ли получиться так, что со временем отнюдь не только союзные республики, но и крупные российские регионы — Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток и, возможно, даже юг России будут не прочь отделиться от своей своекорыстной столицы?

Но, к счастью или нет, есть один весьма важнейший фактор, который может сдерживать процесс распада государства — наличие у РФ ядерного оружия. Это оружие размещено почти по всей территории нашей страны, и если действительно приобретет опасный характер угроза центробежных явлений, то страх перед возможным появлением вместо одной ядерной державы нескольких ядерных государственных образований на карте страны может отпугнуть всех от раскола государства.

Генеральные директора

За прошедшие без малого 50 лет деятельности Международного агентства по атомной энергии назначение его Генерального директора часто создавало проблемы и вызывало споры. Думаю, основная причина состоит в том, что само Агентство, а потому и его главное должностное лицо играют весьма важную политическую роль в международных делах, особенно с учетом того, что МАГАТЭ занимается волнующими всех проблемами атомной энергии и ядерного нераспространения.

В 1961 г. Советский Союз категорически возражал против назначения на этот пост шведа Зигварда Эклунда по той причине, что раз первым генеральным директором был американец Стерлинг Коул, то следующим должен быть либо представитель социалистической страны (предлагался профессор из Болгарии, фамилия которого, насколько помню, была Наджаков), либо, как это громко и пропагандировал Н.С. Хрущев, руководить международными организациями должны *тройки*, представляющие Запад, Восток и страны *третьего мира*.

Генеральная конференция Агентства тем не менее утвердила Эклунда на должность Генерального директора подавляющим большинством голосов (46 — «за», 16 — «против», при 5 воздержавшихся. И в знак протеста советские представители В.С. Емельянов и В.М. Молотов покинули зал заседаний конференции, при этом Емельянов объявил, что не будет иметь с Эклундом никаких отношений. Впрочем, скоро эти отношения не только отлично наладились, но и Советский Союз в дальнейшем четыре раза поддерживал повторные назначения шведа на этот четырехлетний пост и, полагаю, был бы готов проголосовать за него и еще раз, если бы тот проявил интерес к тому, чтобы и дальше оставаться в руководстве Агентства. В целом Эклунд занимал должность Гендиректора 20 лет (его, как и преемников, обычно называют DG — сокращение от английского *Director General*), и у наших представителей, в том числе у меня, установились с ним самые теплые отношения. Он получил титул *Director General Emeritus*, сохраняя его до своей кончины. Мы часто встречались с ним и после его выхода в отставку в 1981 г., в том числе дружили лично и домами.

На смену Эклунду пришел еще один шведский представитель — Ханс Бликс. Получилось это так. Западные страны выдвинули в 1981 г. кандидатуру представителя ФРГ — статс-секретаря Министерства по исследованиям и технологиям Ханса Хауншилда. В противовес ему развивающиеся страны предложили кандидатуру Доминго Сиазона, представителя Филиппин. Советский Союз не устраивал ни тот, ни другой кандидат. Когда дело дошло до голосования, то никто из имеющихся кандидатов, несмотря на ряд повторных голосований, не смог набрать необходимого числа голосов. И в этой тупиковой ситуации появилась кандидатура статс-секретаря МИД Швеции, бывшего министра иностранных дел страны Ханса Бликса, видного юриста-международника и опытного и известного дипломата. Он и был утвержден Генеральной конференцией Агентства в последний день ее работы 26 сентября 1981 г. и пробыл на посту Генерального директора 16 лет — до 1997 г., когда на это место был назначен нынешний Генеральный директор Мохаммед Эльбардей (Египет).

С Бликсом у меня тоже установились доверительные отношения, мы много раз встречались тэт-а-тэт то у меня, то у него дома. Особенно часто мы друг с другом советовались во время кризисных ситуаций, в частности во время событий в Ираке в 1991 г. или в Северной Корее в 1993—1994 гг. В том, что касается последнего случая, то я уже был в отставке, но неоднократно приезжал в Вену, а как-то раз мы встречались в Нью-Йорке, куда я приезжал из Монтерея. Ханс Бликс пригласил меня стать своим внештатным консультантом, которым я состоял 10 лет, в том числе и при его преемнике Мохаммеде Эльбарраде.

Помню обсуждения с Бликсом, в ходе которых мы высказывали друг другу наши сомнения и колебания при рассмотрении вопроса об объеме и характере гарантий МАГАТЭ в соответствии с так называемой Рамочной договоренностью между США и КНДР от октября 1994 г. Дело в том, что по этой договоренности гарантии Агентства в Северной Корее должны были вводиться в действие поэтапно, начиная с наблюдения за процессом замораживания графитового реактора, производящего плутоний, и далее по мере строительства и ввода в строй в КНДР АЭС, которую должен был построить международный консорциум КЕДО. При этом не все подозреваемые ядерные объекты охватывались бы гарантиями. Такая процедура не соответствовала ни букве, ни духу действующей системы гарантий. Тем не менее все же на тот период рассматриваемый вариант был, наверное, единственным выходом из создавшегося положения, поскольку главная задача состояла в том, чтобы сохранить КНДР в рамках ДНЯО и всего международного режима ядерного нераспространения. После длительных обсуждений мы пришли к выводу, что иного выхода, чем тот, который должен быть зафиксирован в указанной двусторонней договоренности между КНДР и США, учитывая жесткую позицию Северной Кореи, реально просто не существовало. Такой режим в КНДР сохранялся около 10 лет, что немало. Правда, потом Северная Корея все же вышла из ДНЯО, но это уже другая история.

После иракских событий 1991 г. Бликс мужественно взял на себя ответственность за то, что система гарантий МАГАТЭ не выявила тайную деятельность Ирака по со-

зданию ядерного оружия, уже в 1992 г. по его предложению Советом управляющих Агентства были приняты срочные решения по повышению эффективности гарантий, а в 1993 г. он объявил о «программе 93+2» по кардинальному улучшению всей гарантийной системы. В итоге в 1997 г., незадолго до его ухода с поста Гендиректора, Советом был одобрен Дополнительный протокол к системе гарантий, который позволяет Агентству контролировать не только объявленную, но и необъявленную ядерную деятельность в государствах. К сожалению, к настоящему времени это очень полезное дополнение к системе гарантий фактически действует в не очень большом числе государств.

Немалые сложности были и с назначением в 2005 г. Мохаммеда Эльбарая на очередной (третий) четырехлетний срок из-за сопротивления администрации США, которой не понравились его действия, вполне объективные и беспристрастные, при проведении инспекций МАГАТЭ в Иране. Но, в конце концов, Соединенным Штатам пришлось, буквально скрепя зубы, уступить. Эльбарая был переназначен на основе консенсуса. А в конце 2005 г. МАГАТЭ и его Генеральный директор были удостоены Нобелевской премии мира.

Надо двигаться вперед

На конференциях по ДНЯО 1995 и 2000 гг., будучи уже в отставке, мне довелось представлять неправительственные организации: в 1995 г. — Монтерейский институт международных исследований и московскую Ассоциацию по нераспространению, а в 2000 г. — Центр политических исследований России (ПИР-Центр). Сохранилось мое выступление на конференции 1995 г.:

«Я представляю Центр по исследованию нераспространения Монтерейского института международных исследований и московскую Ассоциацию по нераспространению.

Позиция этих организаций по ДНЯО и его продлению может быть кратко суммирована следующим образом:

ДНЯО играет незаменимую роль в предотвращении распространения ядерного оружия, поддержании стратегической стабильности и укреплении международно-

го мира и безопасности. Договор, представляющий собой фундамент существующего режима ядерного нераспространения, явился важной правовой и институциональной основой для решения многих проблем распространения, которые возникли в результате распада Советского Союза. Ныне все новые независимые государства стали неядерными участниками ДНЯО.

Наши неправительственные организации предпочитают безусловное и бессрочное продление Договора. Как альтернативу, они также поддержали бы третий путь, предусматриваемый статьей X.2, а именно: продление на дополнительные определенные периоды времени. Лучше всего, чтобы этот вариант был реализован посредством автоматического последовательного продления на двадцатипятилетние определенные периоды, если в конце каждого периода большинство участников не решит прекратить действие Договора.

Мы твердо уверены в том, что для обеспечения уверенной и продолжительной жизнестойкости режима ядерного нераспространения необходимо, чтобы процесс выполнения статьи VI был непрерывным и неослабным и чтобы он вел в конечном итоге к упразднению ядерного оружия.

В этом отношении было проделано достаточно много, особенно в течение последних пяти лет после Обзорной конференции 1990 г. и окончания холодной войны. Интенсивные переговоры по выработке ДВЗЯИ, недавние договоренности о резолюции Совета Безопасности относительно «позитивных» гарантий безопасности неядерным государствам и о переговорном мандате для запрещения производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ) говорят, по нашему мнению, о том, что ядерные державы готовы двигаться вперед в деле выполнения своих обязательств по статье VI. Однако нельзя довольствоваться тем, как быстро идет этот процесс. Мир ждет большего, гораздо большего и гораздо быстрее.

Мы считаем, что приоритетными в повестке дня по реализации дальнейших действий по выполнению статьи VI должны быть:

- завершение заключения ДВЗЯИ не позднее 1996 г.;

- быстрый прогресс на Конференции по разоружению по вопросу ЗПРМ;
- скорейшая ратификация Договора СНВ-2 парламентами США и России;
- начало переговоров между пятью державами об эффективных мерах, ведущих к сокращению их ядерных арсеналов и к эвентуальному ядерному разоружению.

Мы не сомневаемся в том, что взятие на себя пятью ядерными державами обязательств относительно такой повестки дня в значительной мере облегчит принятие Конференцией по продлению ДНЯО консенсусного решения о продлении Договора на длительное время».

В этом выступлении было немало от эйфории, которая охватила многих в мире на том историческом этапе — в начале 1990-х гг. Думаю, что и ДНЯО был продлен в 1995 г. бессрочно именно благодаря той благоприятной международной обстановке и состоянию режима ядерного нераспространения, которые тогда сложились. Невозможно представить, что Договору была бы теперь суждена такая же благостная судьба. Достаточно сослаться хотя бы на один факт недавнего времени — полный тупик, в который зашла Обзорная конференция по ДНЯО 2005 г., отразивший и вобравший в себя многочисленные проблемы и вызовы, с которыми сейчас сталкивается весь международный режим ядерного нераспространения: и закрепленное в нем неравенство между ядерными и неядерными государствами, и крайне медленное продвижение вперед в выполнении ядерными державами статьи VI о ядерном разоружении, и, особенно, стремление ряда региональных стран развивать мирное использование атомной энергии таким образом, что это могло бы привести к созданию у них крупных ядерных потенциалов, и т. д. и т. п.

Но это, судя по всему, — перманентно существующие проблемы точно так же, как извечны атомная энергия и ее применение на благо человечества, и с этими проблемами придется иметь дело и как-то их решать всегда и повсюду. Главная же, самая приоритетная задача — не допустить использования энергии атома во вред людям.

Об авторе

ТИМЕРБАЕВ Роланд Михайлович — Чрезвычайный и Полномочный Посол, Председатель Совета ПИР-Центра.

После окончания МГИМО в 1949 г., Роланд Тимербаев более 40 лет проработал в МИД СССР, а затем в МИД России. В 1988—1992 гг. занимал пост постоянного представителя СССР и России при международных организациях в Вене. Принимал активное участие в выработке ряда ключевых международных соглашений в ядерной области, в частности Договора о нераспространении ядерного оружия, Договора об ограничении систем противоракетной обороны, Соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, системы гарантий МАГАТЭ, Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, Договора о подземных ядерных взрывах в мирных целях и проч. В 1974—1978 гг. участвовал в создании Группы ядерных поставщиков. Участвовал в шести Конференциях по рассмотрению действия ДНЯО (1975—2000 гг.).

Роланд Тимербаев на протяжении многих лет преподавал в МГИМО, Монтерейском институте международных исследований, МИФИ и др. учебных заведениях в России и за рубежом. Имеет степень доктора исторических наук, ученое звание профессора. Среди многочисленных публикаций Тимербаева такие работы, как «Мирный атом на международной арене» (1969), «Контроль за ограничением вооружений и разоружением» (1983), «Полное запрещение ядерных испытаний» (1986), «Россия и ядерное нераспространение. 1945—1968» (1999), учебник «Ядерное нераспространение» (2000), «Международный контроль над атомной энергией» (2003), «Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы» (2005).

Список сокращений

АКВР	— Агентство по контролю над ограничением вооружений и разоружению США
АСЕАН	— Ассоциация стран Юго-Восточной Азии
АЭС	— атомная электростанция
БРПЛ	— баллистические ракеты на подводных лодках
ВДНХ	— Выставка достижений народного хозяйства
ВОУ	— высокообогащенный уран
ГКЧП	— Государственный Комитет по чрезвычайному положению СССР
ГРУ	— Главное разведывательное управление
ГЯП	— Группа ядерных поставщиков
ДВЗЯИ	— Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДНЯО	— Договор о нераспространении ядерного оружия
ЗПРМ	— запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия
ИИЕТ РАН	— Институт истории естествознания и техники Российской академии наук
Истпарт	— Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП
КНДР	— Корейская Народно-Демократическая Республика
КПЧ	— Коммунистическая партия Чехии
МАГАТЭ	— Международное агентство по атомной энергии
МБР	— Межконтинентальные баллистические ракеты
МНР	— Монгольская Народная Республика
МЦСПС	— Московский Центральный Совет Профессиональных Союзов
МЯВ	— мирный ядерный взрыв
МЯС	— Многосторонние ядерные силы
НАТО	— Организация Североатлантического договора
НСС	— национальная сейсмическая станция

ОБСЕ	— Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ООН	— Организация Объединенных Наций
ОСВ-1	— Меры по ограничению стратегических вооружений
ПРО	— противоракетная оборона
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РГЧ ИН	— разделяющиеся головные части индивидуального наведения
РСМД	— Договор о ракетах среднего и меньшего радиуса действия
РЦХИДНИ	— Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СВР	— Служба внешней разведки
СМ	— Совет министров
СНВ-2	— Договор о сокращении наступательных вооружений
СНП	— Договор о сокращении наступательных вооружений
СУ	— Совет управляющих
ТАСС	— Телеграфное агентство Советского Союза
ЦРУ	— Центральное разведывательное управление
ЧССР	— Чешская Советская Социалистическая Республика
ЮАР	— Южно-Африканская Республика
ЮНЕСКО	— Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЯТЦ	— ядерный топливный цикл
ENDC	— Eighteen Nation Disarmament Committee, Комитет 18-ти государств по разоружению
PPNN	— Программа содействия ядерному нераспространению, Programme for Promoting Nuclear Non-Proliferation
РТВТ	— Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, Partial Test Ban Treaty

Содержание

Классик без игры. <i>В.А. Орлов</i>	3
Предисловие	7
Архитектура и дипломатия	10
Многолетний министр — многолетние контакты	12
Историческая подпись	14
Чуть не поймали	15
Шелковая нить	16
Про Андрюшу и про солонку	17
Как ПРО начиналась	18
Вклад ученых	21
Как меня увольняли из МИД	22
Монгольский псевдоним	25
Без копирайта	27
Ливийская затея	28
Извлеченный урок	30
Последний из Могикан	33
Еще о музыке	35
Партийное поручение	37
Международные гарантии нужны	38
Дядя Вася	42
Своеобразный рецепт	44
Встреча в Овальном кабинете	45
Разрыв переговоров	48
Стало быть, — протестант	50
Игры в стиле ООН	55
«И жен тоже...»	58
Комитет 18-ти	61
Карибский кризис	62
Дипломат-литератор	65
Тайные знаки	67
Была ли польза реальной?	70
Интервью с балкона	70
Блестящий переводчик	72
Крупная сумма	73
Секретные акустики	74
Ошибка	76
Сложное решение	77
Finita la Comedia	79
Сидите и слушайте	81
Сложности переговоров	86
Сколько ставить боеголовки?	89
Эдвард Теллер	92
Как долго будет существовать ядерное оружие?	95
Свежий взгляд	100
Лондонский клуб	102
А как быть с третьим лишним?	105
О времена, о нравы!	111
Настольная книга	111
Зона мира	113
Неизвестные страницы	115

Времена Шеварднадзе	117
«Пятидесятники»	118
Потерялся ребенок	120
Что-то положительное	121
Tour d'horizon	122
Научный аргумент	123
Вы поступили правильно	124
Православные христиане в Индии	128
Дело Шевченко	130
В конце эпохи	139
О Примакове	141
О предках Ленина	144
О незавершенной карьере Морозова	148
Третья столица	154
Ностальгия о музыке	156
Рассказы Николая Семашко	161
ОТМАХнись	162
Об Александре Обухове	162
Ненастоящее искусство	164
Трудные времена для искусства	166
Коллекционер	171
Неправительственная инициатива	175
Конец партийной ячейки	177
Единый поток и национальная идея	178
Перед уходом из МИД	186
Пыль в глаза	188
Бесстрашный человек	189
Симфония симфоний	190
«Дальше всех пойдет»	191
Линии раскола	192
Ветераны Обзорных конференций	206
Кровавые катаклизмы	207
Будущее Чехословакии	209
«Смерть в Венеции»	213
Добрый пример	214
Органная музыка	228
Экуменическое богослужение	229
Добрая фея	230
Комплекс неполноценности?	231
В чем смысл жизни?	235
О Владимире Секлюцком	241
Магистральная музыка	242
Русский характер	244
Знаковая фигура	244
Старый друг по другую сторону стола	246
За расширение Совета Безопасности ООН	249
Жизнь длиннее телеграммы	251
О названии страны	253
Генеральные директора	261
Надо двигаться вперед	264
Об авторе	267
Список сокращений	268

Научное издание
Дипломатические мемуары

ТИМЕРБАЕВ РОЛАНД МИХАЙЛОВИЧ

РАССКАЗЫ О БЫЛОМ

Воспоминания о переговорах по нераспространению
и разоружению и многом другом

Редактор *Л.Г. Анохова*
Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Художественное оформление *А.В. Кубанов*
Компьютерная верстка *Л.А. Кругова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 02.08.2007.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393 Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция), 334-81-62 (отдел реализации)

**Переговоры о «пороговом» запрещении ядерных испытаний.
Москва, 1974 г.**

Глава делегации СССР И.Д. Морохов; слева от него —
Р.М. Тимербаев; справа — переводчик и председатель
Госкомгидромета Ю.А. Израэль

**Открытие переговоров по полному запрещению испытаний
ядерного оружия. Вашингтон, 1977.**

Слева: Р.М. Тимербаев, И.Д. Морохов, П.И. Погодин,
А.А. Осин. Справа: Пол Уорнке, Эд Иффт, Джерри Джонсон

Трехсторонние (СССР, США, Великобритания) переговоры о полном запрещении ядерных испытаний. Женева, 1978 г.
 Слева от представителя США, — посетивший переговоры сенатор-демократ Тед Кеннеди. Слева от Р.М. Тимербаева — А.И. Белов, справа — В.С. Слипченко

В перерыве между заседаниями на трехсторонних переговорах по полному запрещению испытаний ядерного оружия. Женева, 1979 г.
 Герберт Йорк (США), Уоррен Хекротт (США), Р.М. Тимербаев (СССР), Джон Эдмондс (Великобритания), Майкл Джойс (США), Б.И. Тарасов, А.М. Петросьянц (оба — СССР) и др.

**Советско-американские консультации по ядерному
нераспространению. Москва, 1983 г.**
Р.М. Тимербаев, В.Ф. Петровский, А.М. Петросьянц,
М.Н. Рыжов, А.Н. Рогов.

**Программа содействия ядерному нераспространению. Саутгемптон, Вели-
кобритания, 1995 г.** Верхний ряд: Фан (КНР), Джон Симпсон (Великобритания), Дэвид Фишер (Великобритания), Иан Смарт (Великобритания). Второй ряд: Адольфо Тайлхардат (Венесуэла), Йозеф Гольдблат (Швейцария), Вальтер Рехак (Германия), Мохамед Шакер (Египет), Иржи Баранек (Чешская Республика). Третий ряд: Джали Ахимза (Индонезия), Р.М. Тимербаев (Россия), Джаянта Дханапала (Шри-Ланка), Дэвидсон Хепберн (Багамские о-ва), Йоши Окава (Япония), О.А. Гриневский (Россия). Нижний ряд: Харальд Мюллер (Германия), Терез Дельшеп (Франция), Бен Сандерс (Нидерланды), Джэн Маррей (Австралия), Олу Адениджи (Нигерия), Бенсон Агу (Нигерия)

**Министр иностранных дел РФ Е.М. Примаков вручает
Р.М. Тимербаеву Орден Дружбы. Москва, 1996 г.**

**Р.М. Тимербаев со знаменитым «атомным» разведчиком
В.Б. Барковским. Международная Конференция по истории
атомных проектов. Лаксенбург, Австрия, 1999 г.**

**Однокурсники. Р.М. Тимербаев, Г.А. Арбатов, В.В. Похлебкин,
В.Л. Швецов. Москва, 1999 г.**

**Участники всех шести обзорных конференций по ДНЯО.
Нью-Йорк, 2000 г.**
Дэвид Фишер (Великобритания), Чарльз Ван Дорен (США), Бен
Сандерс (Нидерланды), Фриц Шмидт (Австрия), Мерль Опельц
(МАГАТЭ), Сэм Томпсон (США), Р.М. Тимербаев (Россия)

Конференция в Дипломатической академии МИД РФ по случаю 30-летия Договора ПРО, 2002 г.

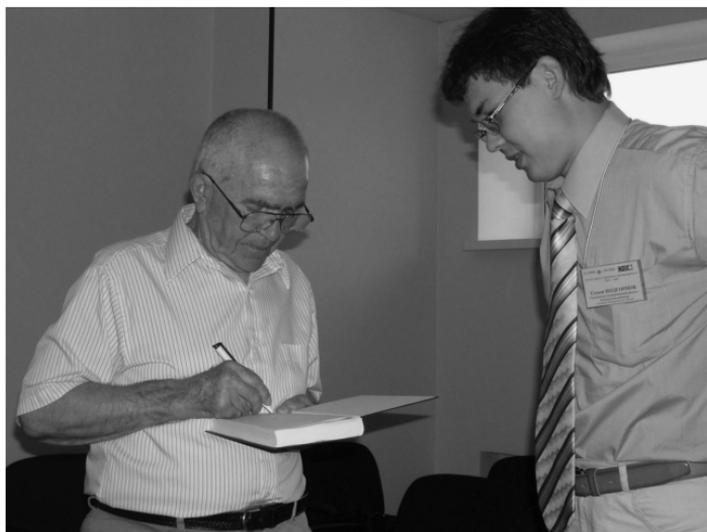
Нижний ряд: Ю.Б. Кашлев, В.Г. Комплектов, Г.М. Корниенко, Ю.Е. Фокин, О.А. Гриневский, Е.П. Маслин. Второй ряд: Н.Ю. Хомутов, Н.Н. Детинов, В.С. Колтунов, Ю.К. Назаркин, Р.М. Тимербаев. Третий ряд: В.П. Стародубов, М.Н. Стрельцов, М.И. Виноградов, В.С. Шустов, В.И. Медведев

Р.М. Тимербаев с наградой «За вклад в укрепление режима нераспространения». Москва, 2004 г.

Участники и лекторы Программы повышения квалификации в области ядерного нераспространения для специалистов Сибирского региона. Железногорск, 2005 г. С.В. Беденко, Е.А. Вотановская, А.В. Хлопков, И.Ю. Артемова, А.В. Хадкевич, Р.М. Тимербаев, А.А. Филипас, Е.В. Подкуйко, Н.В. Порсева, Н.Н. Соков, М.В. Севчик, Е.В. Губина, И.В. Беспаленко, А.Г. Суковатый, Л.С. Щекалева

Р.М. Тимербаев подписывает учебник «Ядерное нераспространение» слушателю Летней Школы по проблемам нераспространения ОМУ С.В. Подгорнову. Покровское, 2006 г.

**Р.М. Тимербаев выступает в РИА «Новости»
на пресс-конференции «Итоги и перспективы шестисторонних
переговоров по северокорейской ядерной программе».
Москва, 2005 г.**

**Участники международной конференции «Глобальная
безопасность и "восьмерка": вызовы и интересы.
На пути к Санкт-Петербургскому саммиту». Москва, 2006 г.
Али Асгар Солтание (Иран), Р.М. Тимербаев (Россия),
Малур Шринивасан (Индия)**